ПИОНЕР

ЯНВАРЬ ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1959 год 1

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

№ 1

В этом номере:

Все смелей, вдохновенней за подъемом подъем...— Стихи Якова Хелемского 2

С именем Ленина — по ленинскому пути.— Л. Балясная, секретарь ЦК ВЛКСМ, председатель Центрального Совета Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина 3

Друзья на море.— Киноповесть. Ян Пикса, Павел Пасек, Сергей Михалков, Анатолий Алексин. Рисунки Ф. Лемкуля 8

Разговор о ближайшем будущем 30

Юные ленинцы.— Стихи Владимира Лифшица . . . 37

Шаги семилетки 38

На Луне.— Очерк Е. Рубцовой 41

Смоличек.— Сказка Франтишека Грубина. Перевела с чешского Е. Аронович. Рисунки Иржи Трнки 46

Николай Герасимович и его сыновья.— Рассказ В. Степаненко. Рисунки Б. Винокурова 49

Спорт 57

Воздушный патруль. На лесосплаве. Яблоки.— Стихи Юрия Коринца. Рисунки И. Кузнецова . . . 60

«Таким друзьям на свете не страшно ничего...» — С. Соловьев. Фото Я. Якоби 62

Лаборатория «Юный химик» 68

Бревно.— Стихи С. Рунге. Рисунки В. Андриевича . 70

Алый цветок.— Очерк Л. Фридман 71

Что нам читать 75

В часы досуга 80

На вклейках:

Покоритель полярных льдов.— Рисунки М. Куприянова.

Рисунки для детей А. Забранского и И. Трнки.

На обложке:

«Пионерский подарок». Рисунок П. Кузьмичева.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

XXI съезду Коммунистической партии, съезду строителей коммунизма, пионерский салют!

Все смелей, вдохновенней
За подъемом подъем —
Мы дорогой свершений
К нашей цели идем.

И людей повсеместно
К новым высям ведет
Зов партийного съезда,
Мысли ленинской взлет.

Семилетнего плана
Неоглядная даль:
Мирный атом урана,
Нефть, и уголь, и сталь.

Синтетических тканей
Многоцветный поток...

Это годы исканий,
Дерзновенных дорог.

Это путь новосела,
Добровольца успех.
Это новая школа,
С классом слившая цех.

Отклик радостный вызван,
Океанский раскат.
Слышен ритм коммунизма,
Шаг рабочих бригад.

Словно выросли крылья,
Цель виднее теперь.
Нараспашку открыли
Мы в грядущее дверь.

С именем Ленина — по ленинскому пути

Л. БАЛЯСНАЯ,
председатель Центрального Совета
Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина

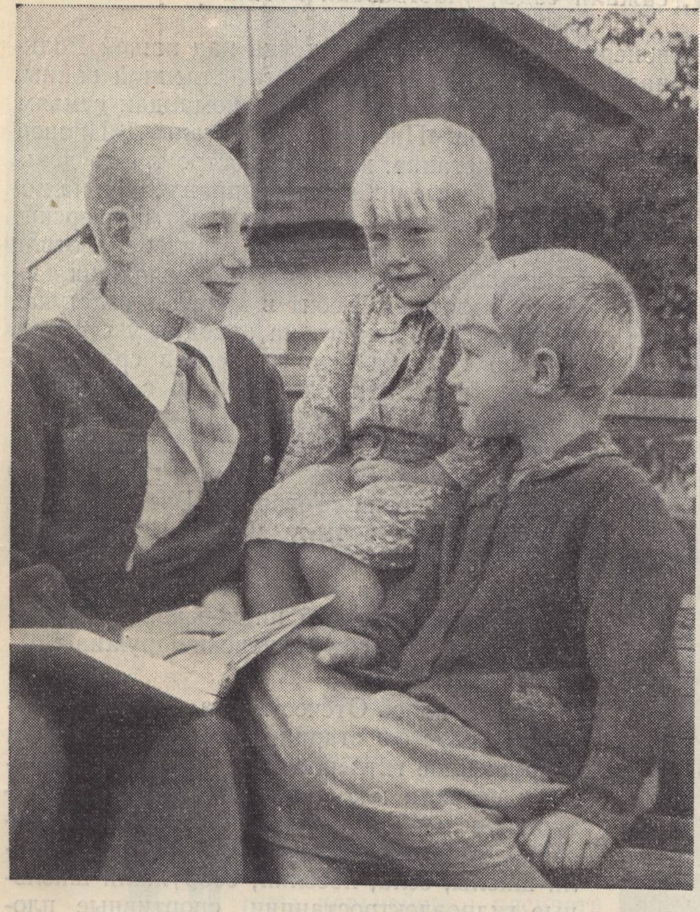
Юный пионер!

23 января исполняется 35 лет с того времени, как Всесоюзной пионерской организации было присвоено имя Владимира Ильича Ленина.

С именем великого Ленина, с партией, с комсомолом неразрывно связано рождение и вся деятельность пионерской организации.

Организация детей, говорил В. И. Ленин,—это лучший путь воспитать коммунаров.

Еще при жизни Ильича комсомол, руководимый Коммунистической партией, стал создавать первые пионерские отряды. Шли годы. И вот эти небольшие разрозненные отряды и группы выросли в огромную дружную пионерскую семью юных ленинцев. Миллионы советских людей — твои родители, твои старшие товарищи — прошли в ней первую школу коммунистической закалки.

Пионеры с честью носят великое, самое почетное звание — юных ленинцев.
Вася Милов учится только в 3-м классе школы № 8 города Чапаевска. Но он пионер. Он смело бросился в огонь, чтобы спасти двух ребят. Его наградили медалью «За отвагу на пожаре». Вот он, Вася Милов, и две девочки, которых он спас: Тая и Люся Девяткины.

1924 год. Все человечество понесло тяжелую утрату — умер великий вождь и учитель В. И. Ленин. 23 января Центральный Комитет комсомола и Центральное бюро детских коммунистических групп обратились с воззванием к детям Советского Союза.

«Ильич — великий пионер пролетарской борьбы,— говорилось в воззвании.— Ильич — великий вожатый рабочих всех стран в их пути к коммунизму. Пусть не будет ни одного пионера, ни одного из ребят, кто не изучал бы, как жил и работал Ильич, что оставил Ильич молодежи.

Учиться, бороться и жить, как жил и боролся Ильич,— это самое важное. И вы должны быть достойны того великого имени, которое написано на вашем знамени».

С тех пор, вступая в пионерскую организацию, ребята торжественно обещают жить, учиться и бороться, как завещал великий Ленин, как учит Коммунистическая партия.

И они держат свое слово. Сейчас, через 35 лет после того дня, когда пионерской организации было присвоено имя Ленина, пионеры мо-

гут сказать любимой Коммунистической партии, народу, что Всесоюзная пионерская организация верна заветам Ильича, что юные ленинцы с честью носят и оправдывают это великое, самое почетное звание.

Ты тоже, юный друг, давал торжественное обещание. Еще раз задумайся сегодня над тем, что значит жить, учиться и бороться по Ильичу.

В основу работы пионерской организации легли заветы Ильича. В. И. Ленин говорил, что дети, подрастающие пролетарии, должны помогать революции, что только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами.

Первые пионеры в тяжелых условиях голода и разрухи участвовали в рабочих субботниках и воскресниках по восстановлению разрушенных фабрик и заводов; работали связными в комсомольских ячейках. Вместе со взрослыми пионеры участвовали в ликвидации неграмотности среди населения города и деревни. В тысячах семей в это время появились учителя с красными пионерскими галстуками на груди. Пионеры вместе с комсомольцами боролись с детской беспризорностью и безнадзорностью.

В кипучие и напряженные годы пятилеток посильную помощь старшим оказывали юные пионеры. Они собирали металлолом, ненужную бумагу — макулатуру, сажали сады, участвовали в благоустройстве сел и городов.

Не стояли юные пионеры в стороне и тогда, когда над нашей Родиной нависла суровая опасность,— в годы Великой Отечественной войны. Они дежурили в госпиталях, помогали в тимуровских командах семьям фронтовиков. Колонны грозных танков «Пионер Узбекистана», «Пионер Таджикистана», которые построили на деньги, собранные ребятами, отправлялись на поле боя; в небо поднимались пионерские эскадрильи. Пионерские отряды работали на колхозных полях, заменяя ушедших на фронт взрослых. Ребят в красных галстуках можно было видеть на заводах у станков. Немало отважных юных героев сражалось против немецких захватчиков с оружием в руках. Одни — как Леня Голиков, Марат Казей, Валя Котик — в партизанских отрядах, другие — как члены подпольного пионерского звена «Товарищ» Витя Хоменко, Шура Кобер — в тылу врага. Вечно будут жить в памяти советских людей светлые образы юных героев. Их имена открывают Книгу почета Всесоюзной пионерской организации, их имена носят пионерские дружины, отряды, звенья.

Закончилась Отечественная война, и пионеры вместе со старшими восстанавливали разрушенное гитлеровцами народное хозяйство: строили школьные помещения, ремонтировали мебель, изготовляли наглядные пособия; радиофицировали и электрифицировали школы, села, поселки; сооружали школьные гидроэлектростанции, спортивные площадки, стадионы.

Так пионеры выполняли заветы Ленина. Так в труде вместе с рабочими и колхозниками вырастали настоящие коммунисты.

Этот снимок сделан в 1928 году. Видите, пионер продает бумажные цветы. Так ребята того времени собирали деньги для детских колоний, помогали комсомольцам бороться с детской беспризорностью и безнадзорностью.

Нынешнее поколение юных пионеров, верное традициям своих предшественников, активно участвует во всех делах, которые совершает наш народ, строящий коммунизм.

В 1958 году комсомольцы, миллионы юношей и девушек, весь советский народ отмечали 40-летний юбилей Ленинского комсомола. Вместе со своим вожатым — комсомолом этот юбилей отмечал и ты и твои товарищи. Пожалуй, не было ни одной пионерской дружины, которая бы не подготовила свои трудовые подарки к празднику комсомола. Пусть твой отряд сделал совсем немного. Но ведь таких отрядов сотни тысяч, они действовали вместе, дружно, и маленькие цифры вырастали в огромные. Каждый пионер 6-й школы города Чебоксары собрал по 175 килограммов металлолома. А всего чебоксарские пионеры собрали 340 тонн металлического лома. Пионеры Красноярского края сдали на переплавку семь тысяч тонн металлолома, из которого изготовлено 500 комбайнов «Юный красноярец». Уже дают металл домны, сооруженные комсомольцами и молодежью Украины; 70 тысяч тонн лома собрали для их строительства пионеры республики.

Сталинград. 1942 год... Отважный разведчик школьник В. Довлжиков приносит воинскую присягу — клятву верности Родине.

А как хорошо помогли пионеры нашим колхозникам! Пионеры и школьники Омской области вырастили 750 тысяч уток, а пионеры Азербайджана собрали 14 тысяч тонн хлопка, из которого будет изготовлено около 4 миллионов метров ткани.

Пионеры активно участвуют в осуществлении тех грандиозных планов, которые наметил XIII съезд комсомола. При школах пионеры закладывают сады, плодово-декоративные питомники, создают зеленые ограды, цветники, организуют птицефермы, кролефермы. Пионерские дружины берут шефство над колхозным молодняком, выращивают высокие урожаи кукурузы.

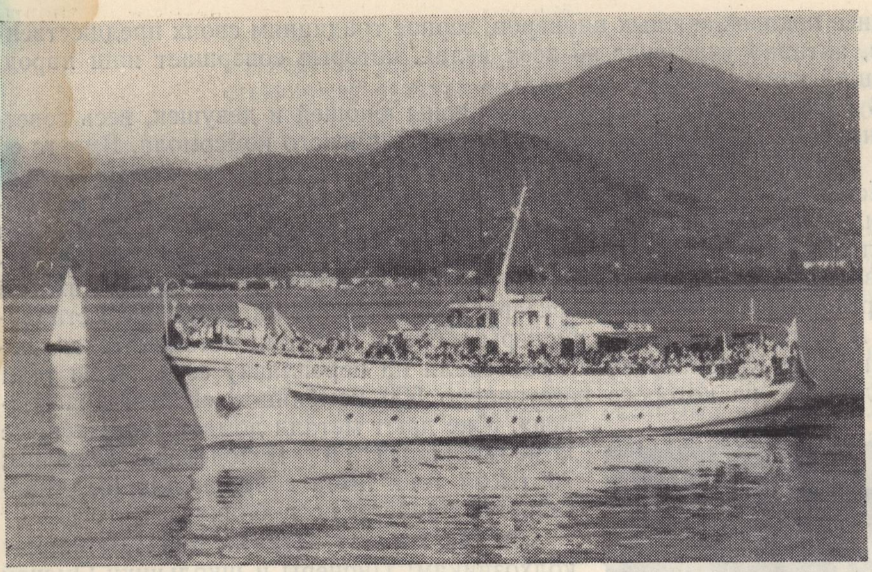
Только нынешней осенью вдоль железных дорог страны школьники посадили больше миллиона фруктовых и других деревьев и кустарников.

Представляешь себе, какой это огромный сад?

Сотни юных каменщиков, штукатуров, маляров — пионеров, овладевших строительными профессиями,— трудятся на школьных стройках. Пройдет немного времени, и они встанут рядом со старшими на лесах грандиозных строек семилетки.

Сейчас, как и во все прошлые годы, юные ленинцы живут одной жизнью с народом, вместе со старшими строят замечательное завтра нашей Родины — коммунизм.

Через несколько дней, ребята, в Москве открывается XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Он наметит величественные перспективы дальнейшего расцвета нашей Родины, развития народного хозяйства. В ближайшие годы в нашей стране будут построены новые гиганты — заводы, фабрики, домны, шахты, электростанции, проложены новые железные дороги, вырастут города и села, новые дома, школы, внешкольные учреждения.

Катер «Борис Дзнеладзе» — подарок батумских пионеров к 40-летию комсомола. Металл для катера выплавили из лома, собранного пионерами.

Сколько лет тебе сегодня, юный друг? Двенадцать? Четырнадцать? Значит, еще в этой семилетке ты будешь работать у станка, или на комбайне, или на стройке. Старайся лучше использовать школьные годы. Стране нужны твои знания, твои умелые руки. Помни важнейший завет Ильича: учиться, учиться и учиться.

В наше время, в век покорения космоса, в век атомной энергии, автоматики, телемеханики, химии, нужны глубокие и прочные знания основ наук.

Тебе предстоит проникнуть в неизведанные тайны природы, подчинить их воле советского человека, заставить служить нашей Родине. А для этого сегодня нужно хорошо учиться, вооружать себя знанием всех тех богатств, которые выработало человечество.

Быть юным ленинцем — это значит страстно любить нашу Родину, постоянно изучать, как жил и работал В. И. Ленин, помнить о славных революционных и трудовых традициях нашего народа.

Верные заветам В. И. Ленина, пионеры постоянно укрепляют интернациональные связи, дружат с детьми всех стран мира. Письма из стран социалистического лагеря и других зарубежных стран приходят в наши дни во многие пионерские дружины. А есть школы, куда почтальоны носят такие письма целыми пачками. Дружина средней школы № 4 города Ставрополя переписывается с пионерами Болгарии, Чехословакии, Югославии, Румынии, Венгрии, Китая, Монголии, ГДР. Ребята получают много подарков из-за рубежа — альбомы с фотографиями, пионерские значки, галстуки — и, конечно, сами не остаются в долгу.

Не просто из любопытства пишут пионеры за границу. Нет, они хотят хорошо знать, как живут там ребята, как они учатся, работают, отдыхают, какие у них праздники, какие события их волнуют. В интернациональном уголке — он открыт в пионерской комнате — висит календарь знаменательных дат, которые празднуют наши друзья за рубежом. Пионерские отряды один за другим отправляются в заочное путешествие по Болгарии, Чехословакии, Венгрии... Так пионеры завязывают дружбу с ребятами разных стран, помогают укреплять мир.

А вот еще один путь, которым ты и твои товарищи по отряду могут помочь делу мира. В каждом отделении Госбанка открыт специальный счет. Он называется «Фонд мира». Деньги, которые вносят на этот счет советские люди, идут на укрепление мира и дружбы между народами. Пионеры дружины имени Героя Советского Союза Бориса Дмитриева (243-я школа Москвы) получили за собранный металлолом тысячу рублей. Они внесли их в «Фонд мира». Хороший пример!

Юный пионер! Тебе выпало большое счастье. Ты будешь не только строить коммунизм, но и жить при коммунизме. Ведь наша страна вступила в период развернутого строительства коммунистического общества. И поэтому надо уже сейчас воспитывать в себе черты человека этого коммунистического общества: идейную убежденность, трудолюбие, чувство дружбы, умение преодолевать трудности, умение подчинить личные интересы общественным; надо заботиться не только о своих успехах, но и об успехах товарищей. Эти качества сами не придут, их нужно воспитывать в себе. Работать, учиться и жить по-коммунистически — так решили твои старшие товарищи, члены бригад коммунистического труда. Бери и ты с них пример. Если тебе дали поручение, выполни его во что бы то ни стало. Если отряд решил заняться каким-то делом, работай вместе с отрядом, даже если дело это тебе не совсем по душе. Если товарищу нужна помощь, окажи ее, как бы это ни было трудно. Быть строителем коммунистического общества — это значит выполнять завет Ильича: каждый день в любой деревне, в любом городе решать практически ту или иную задачу общественного труда, пускай самую маленькую, самую простую.

Заветы Ильича ребятам воплощены в Законах юных пионеров. Выполнять эти Законы — твоя важнейшая задача. В этом тебе помогут «ступени юных пионеров».

В Манифесте VI съезда комсомола, который оповестил молодежь Страны Советов о том, что комсомол принял имя Ленина, записано:

«Не для красного словца, не из желания носить лучшее из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением память великого усопшего, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населяющих СССР, вместе со своим передовым отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи, прониклась единой волей и твердой решимостью научиться по-ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным».

Пионеры Казьминской средней школы Ставропольского края вырастили хороший урожай кукурузы. Ребята решили послать семена своим друзьям — школьникам села Узунджово Хасковской околии Народной Республики Болгарии.

Эти слова относятся и к тебе, юный друг. 35 лет носят пионеры имя ленинцев. Ты видишь — это не только почетно, но и ответственно. Приобретай больше умений и знаний, активней участвуй в труде советского народа, в жизни своей дружины, береги, изучай и постоянно укрепляй славные традиции пионерской организации, носящей имя великого Ленина.

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

Друзья на море

КИНОПОВЕСТЬ

Ян ПИКСА
Павел ПАСЕК

Сергей МИХАЛКОВ
Анатолий АЛЕКСИН

Утренняя праздничная Прага. Город празднует день своего освобождения — 9 мая 1945 года. Звучат песни, веселые голоса, смех. Пестрят разноцветные флажки, флаги, транспаранты. У памятника погибшим воинам сменяется караул пионеров.

Одна из пражских улиц. Здесь малолюдно. Возле дома, на том месте, где когда-то погиб один из героев освобождения Праги, стоит почетный пионер-

Рисунки Ф. Лемкуля.

ский караул: мальчик и девочка. К стене дома прикреплена мемориальная доска. Надпись на доске прикрывает венок из живых цветов, перевязанный бело-сине-красной лентой. Дети, стоящие в почетном карауле, преисполнены сознанием своего долга. Лица их серьезны. Так мы знакомимся с героями нашего фильма Вашеком и Аленой.

Меняются пионерские караулы. На смену Вашеку и Алене становятся возле мемориальной доски другие мальчик и девочка. Вашек и Алена уходят...

И вот уже они идут по вечерней Праге. Они идут по городу, то сворачивая в узкие переулки, то пересекая площади, то проходя по улицам под высокими каштанами. В свете витрин и реклам Вацлавского Наместе блестят дождевые плащи: серый и голубой. Ребята идут не спеша, молча, иногда улыбаясь друг другу... Вот мы видим, как Вашек и Алена останавливаются возле закрытого уже в этот поздний час большого кафе-автомата.

Взглянув через витрину внутрь кафе, Алена улыбнулась и посмотрела на Вашека. Тот кивнул головой и засмеялся. Видимо, оба они подумали об одном и том же...

— Это было давно... Нет, не очень давно... в общем, даже совсем недавно: в прошлом году, в конце мая...— говорит Алена.

Солнечный майский полдень. Время обеда. В этот час в кафе на Вацлавском Наместе особенно много посетителей.

Возле одной из стоек, напротив дамы, неторопливо пьющей кофе, стоит Алена. Осторожно, чтобы не запачкаться, несколько отступив от стойки, Алена ест пирожное с кремом. Предосторожность не излишняя: Алена надела сегодня новое платье.

В очереди за сосисками стоит Вашек. В руках у него портфель. Вот он берет в руки тарелку с двумя сочными, горячими сосисками и, обведя взглядом кафе в поисках свободного места, направляется к той стойке, возле которой стоит Алена. Здесь он, не глядя, опускает свой портфель на пол, и тот, слегка качнувшись, становится рядом с другим портфелем, который, по всей видимости, принадлежит Алене. Тарелку с сосисками Вашек ставит перед собой. Он голоден. Ему не терпится поскорее приняться за еду. Одно неосторожное движение руки — и из-под ножа брызжет струя горячего жирного сока.

Алена с ужасом глядит на забрызганное жиром новое платье. Хорошее платье испорчено! Алена опускает руку с недоеденным пирожным на стойку и с возмущением глядит на Вашека. Тот явно растерян и даже испуган. У него сразу пропал аппетит. Он переводит взгляд с вилки на нож, потом на сосиску, словно они-то и виноваты во всем происшедшем. Алена еще раз смотрит на платье: сверху донизу оно закапано жиром! Алена отодвигает тарелочку с недоеденным пирожным, и глаза ее наполняются ненавистью.

— Болван! — шепчет Алена.

— Извини меня! — тихо оправдывается Вашек.

— Тебе нельзя есть сосиски! — с презрением отвечает Алена.

— Я не нарочно! — продолжает Вашек.

Полная дама тем временем предусмотрительно отодвигается от мальчика, не умеющего есть сосиски...

Внезапно Алена совсем по-детски шмыгает носом.

— Теперь эти пятна не отойдут!

Так и не доев пирожного, Алена хватает из-под стойки свой портфель и быстро направляется к выходу.

Полная дама сочувственно глядит вслед девочке и неодобрительно смотрит на Вашека.

Вашек, забыв о сосисках, устремляется за девочкой. На улице он нагоняет ее.

— Извини меня! — еще раз говорит он, шагая рядом с Аленой. — Всякие пятна выводятся! Честное слово!

— Да замолчи ты! — отмахиваясь от Вашека, отвечает Алена с полными слез глазами.

Мальчишка все еще идет рядом с ней.

— Вот эту курточку,— продолжает Вашек,— я облил рыбьим жиром... И все отошло! Теперь совсем незаметно... Посмотри!

Вашек задирает край курточки: ищет место, облитое рыбьим жиром, чтобы показать Алене. Но та, даже не повернув головы в его сторону, садится в подошедший автобус. Автобус, презрительно фыркнув и пустив легкую струйку дыма, отъезжает.

Мальчик смотрит ему вслед.

Мимо Вашека проходит полная дама. Она узнает мальчика.

— Молодой человек! Там, под стойкой, валяется ваш портфель.

Вашек приходит в себя. Портфель! Даже не поблагодарив даму, он бежит обратно, к кафе-автомату...

Возле входа в Пражский дом пионеров висит большой плакат. На плакате написано:

«Последний тур пионерского конкурса: «Знаешь ли ты страны своих друзей?»... Воскресенье... Вход свободный...»

Перед плакатом стоят два мальчугана. Один из них — Вашек. В руках у него портфель. Некоторое время ребята стоят молча.

— Первая премия—путевка в Советский Союз! — неожиданно произносит мальчик, и на лице его возникает выражение затаенной зависти к будущему счастливчику — победителю конкурса.— Вторая премия — путевка в Татры. В пионерский лагерь...

Вашек слушает мальчика, но не отвечает. У него отсутствующий взгляд: он думает сейчас о другом.

— Интересно посмотреть на того счастливчика, который на Черное море поедет! — продолжает парень.— Я себе даже не представляю, сколько нужно знать, чтобы стать победителем! Это же надо иметь в голове целую энциклопедию! Ты знаешь, какие они там задают вопросы?

— Знаю,— все еще продолжая думать о своем, говорит Вашек.

— Третий тур будет самый трудный! — объясняет мальчик, воодушевленный тем, что незнакомый паренек удостоил его ответом.— Ты пойдешь?

— Я сам участвую в третьем туре,— отвечает Вашек. И вдруг обращается к разинувшему рот пареньку с довольно странным вопросом: — Слушай! Ты не знаешь, чем выводятся пятна от жира?

Паренек растерянно моргает глазами.

Вашек снисходительно хлопает паренька по плечу и отходит от него. Он идет по улице не спеша.

Паренек смотрит вслед удаляющемуся Вашеку.

— Он думает, его будут спрашивать о том, как выводятся пятна! — говорит сам себе паренек.— Чудак человек!..

Дома у Вашека. Вашек сидит за столом, обложившись книгами, справочниками и атласами. Рядом, на диване, сидит его верный друг Гонзик. На коленях у Гонзика толстый семейный альбом с фотографиями. Гонзик рассматривает альбом.

— А ну задай мне еще один вопросик! — просит Вашек.

— Я уже устал! — тяжело вздыхает Гонзик, пере-

ворачивая страницу альбома. — Ты меня просто замучил...

— Ничего не поделаешь! — упрямо говорит Вашек.— Через два дня решается моя судьба! Мне же надо подготовиться! Задай, задай мне еще один вопросик, Гонзик! Только потруднее, пожалуйста!

— Назовите мне столицу Албании,— «взрослым» голосом спрашивает Гонзик, продолжая разглядывать фотографии в альбоме.

— Гонзик, — строго говорит Вашек. — Что это за вопрос? Такие вопросы можно задавать на первом туре. Неужели у тебя нет фантазии?

— Моя фантазия кончилась! — невозмутимо отвечает Гонзик.— Я устал. Ой, неужели это ты?

Внимание Гонзика привлекла фотография в альбоме: улыбающийся младенец в широком старинном кресле.

— Это моя мама! — смеется Вашек, взглянув на фотографию.

В этот момент в комнату входит мать Вашека. Она подходит к мальчикам.

— Это вы? — спрашивает Гонзик у мамы Вашека и показывает пальцем на фотографию младенца.

— Да, это я,— улыбается мама Вашека.— Что, очень я изменилась? Правда?

Все смеются.

— А это кто? — не унимается Гонзик и, перевернув страницы альбома, показывает на фотографию, изображающую мужчину в белой летней безрукавке, с ребенком на руках.

Ребенок — русоголовая девочка — обнял мужчину за шею и прижался щекой к его щеке. Один край фотографии закапан чем-то бурым...

Мама Вашека становится серьезной. Она садится на диван рядом с Гонзиком.

— Это советский танкист со своей дочкой! — говорит она, глядя на фотографию.

— Советский танкист? — не унимается Гонзик.— А почему карточка у вас в альбоме? Это ваш знакомый? А что это за пятно?

— Это следы крови...— уже совсем серьезно отвечает мама Вашека и, взяв из рук Гонзика альбом, кладет его к себе на колени.

— Крови? — затаив дыхание, спрашивает Гонзик и недоумевающе смотрит на Вашека.

— Мама! Расскажи Гонзику про эту карточку! — просит Вашек.—Расскажи, как она к нам попала! Пожалуйста! Мне было полтора года,— объясняет Вашек, обращаясь к Гонзику.— Я сам ничего не помню.

— Расскажите, пожалуйста! — просит Гонзик.

Мама осторожно вынимает фотографию танкиста из альбома...

Одно неосторожное движение — и из-под ножа брызжет струя жирного сока.

...Предместье Праги. То самое место, та черта, где город незаметно переходит в пригород: недалеко от больших городских домов одноэтажные кирпичные домики с зелеными палисадниками.

Со скрежетом подминая под себя серую ленту шоссе, мчатся танки с красными звездами на броне. Из города доносятся взрывы, пулеметные очереди: там идет бой...

Один из танков неожиданно прижимается к обочине дороги и останавливается. Не перестают сердито рокотать моторы, словно недовольные внезапной остановкой.

И вот уже к грозной боевой машине со всех сторон спешат люди, на ходу обламывая ветки сирени и наспех составляя из них букеты. По лицам людей видно: они счастливы, что хоть один танк остановился и они смогут увидеть, обнять воинов-освободителей.

Среди людей, бегущих к танку, женщины, подростки да несколько пожилых мужчин. Но вот мы видим, как улыбки застывают, как бы каменеют на лицах людей, обступивших советский танк.

Из люка танка с трудом, поддерживаемый товарищем, вылезает высокий русоволосый танкист. Лицо его посерело, губы бледны. Левой рукой он стиснул правое плечо. Синий комбинезон в этом месте потемнел от крови.

Вслед за танкистом на землю спрыгивает и командир танка — черноволосый, небри-

тый, стройный. Взволнованной скороговоркой с небольшим восточным акцентом, выдающим в нем армянина, он говорит, обращаясь к окружившим танк чехам:

— Надо помочь!.. Бинт... бинт... Перевязать рану! И воды! Воды! Понимаете? Пить!

Люди понимают танкиста. Толпа сразу рассеивается: все спешат выполнить просьбу бойца. Молодая женщина, мать Вашека, возле домика которой остановился танк, быстро опускает на землю своего маленького сынишку Вашека и бежит к дому. Малыш, оставшись один, сразу начинает сосредоточенно, с чисто мужским интересом исследовать гусеницу танка.

Раненый боец, прислонившись к броне машины, указывает товарищу на кровавое пятно, расплывшееся на комбинезоне:

— Замочит документы... Достань их, Вартан! Переложи...

Командир танка осторожно вынимает из кармана гимнастерки раненого танкиста какие-то книжечки, бумажки, письма и перекладывает их ему в карман брюк.

В это время к танку со всех сторон спешат люди. Несколько ведер воды выстраивается на земле возле машины.

Молодая женщина принесла из дому ножницы, вату, йод и бинт. Быстро и ловко она перевязывает рану танкисту. Тот с благодарностью смотрит на нее, кивает ей головой:

— Спасибо! Вот спасибо! Ладно. Хорошо. Спасибо!

Экипаж танка, черпая поочередно из всех ведер, с жадностью утоляет жажду.

— Приезжайте к нам! Возвращ[illegible] — говорит молодая женщина, вновь беря на [illegible]своего малыша.

— Ладно! Вечером... После работы! — шут[illegible] командир танка и указывает на город, где[illegible]му видно, ждет его нелегкая боевая «рабо[illegible]

И вот уже танк, рванувшись с места, устремляется к Праге. Кто-то успевает в последний момент прикрепить букет сирени к его броне; так вот и ринется в бой эта машина, с букетом сирени...

Люди смотрят вслед танку. И вдруг женщина с ребенком на руках замечает лежащую на земле фотографию. Ее, видимо, обронил командир танка, перекладывая документы товарища из одного кармана в другой. Женщина наклоняется и поднимает фотографию. На карточке молодой русоволосый мужчина с ребенком на руках. Это тот самый боец, которому только что перевязывали рану. Только на фотографии он веселый и улыбающийся, не в замасленном боевом комбинезоне, а в белой летней безрукавке... На руках у него маленькая девочка с пушистыми локонами.

Молодая женщина с фотографией в руках смотрит вдаль, туда, куда только что умчался танк с раненым владельцем фотографии.

Боевая машина уже далеко; она влилась в поток таких же стремительных машин, рвущихся в город, несущих с собой освобождение Праги от фашистских оккупантов...

Женщина вновь переводит глаза на карточку. Крупно: фотография... И снова мы видим лицо женщины. Только черты его стали старше и строже, волосы посеребрились...

Мама Вашека закончила свой рассказ. Вашек и Гонзик молчат.

— Разрешите мне посмотреть еще раз! — нарушает молчание Гонзик и протягивает руку за фотографией.

Гонзик благоговейно и серьезно всматривается в фотографию, как бы воскрешая перед собой только что прослушанный рассказ.

Мама Вашека выходит из комнаты.

— Переверни карточку и посмотри, что там написано! — неожиданно произносит Вашек.

Гонзик переворачивает карточку. На обратной стороне фотографии стоит штамп фотоателье: «Одесса, улица Гоголя, дом 27».

— Прочитай, что там написано! — приказывает Вашек.

— «Одесса»,— читает Гонзик по-русски.— Ну и что?

— Неужели ты ничего не понимаешь? — тоном заговорщика говорит Вашек, наклоняясь к своему верному другу.— Одесса! Понимаешь? А где находится эта самая Одесса? На Черном море! И если я получу первую премию на конкурсе, я попаду в Одессу! Понял, Гонзик? Понял мою мысль? Я попаду в Одессу, и со мной будет эта фотография! Понял? И я найду этого танкиста, и я приду к нему и скажу...

Гонзик преображается. Он все понял. Он понял теперь, почему Вашек так упорно занимается, почему он так хочет стать победителем третьего тура. И вдруг Гонзик обижается:

— Почему же ты мне раньше этого не сказал? Почему ты скрыл от меня свой план? Разве это потоварищески?— перебивает он своего друга.— Это нечестно!

— Прости, Гонзик! — сердечно и искренне говорит Вашек и кладет товарищу на плечо руку.— Прости! В первый раз! Я не хотел тебе этого говорить потому, что вдруг я не выиграю. А если бы я выиграл, я бы сразу тебе все рассказал. А сегодня так само получилось... Теперь ты все знаешь.

— Ладно! — восклицает Гонзик и вскакивает со своего места.— Я тебя прощаю! Но теперь-то ты должен выиграть во что бы то ни стало! Обязательно! И ты выиграешь! И я представляю себе, как ты найдешь в Одессе этого советского солдата и как ты скажешь ему... Что ты ему скажешь?

Вашек тоже воодушевился. Он тоже вскочил со своего места. Глаза его горят.

— Что я ему скажу? Я ему скажу: «Здравствуйте! Вы меня не знаете. А я вас знаю! Помните Прагу? Помните, как вам перевязывали рану? Это была моя мама! Тринадцать лет мы хранили в нашем альбоме вашу фотографию. И вот теперь мы ее вам возвращаем. Может быть, у вас больше нет такой карточки? Возьмите ее, пожалуйста, и давайте переписываться!»

Все это Вашек выпалил на одном дыхании. Он хотел еще что-то добавить, но Гонзик внезапно схватил его за руку.

— Садись! Давай заниматься! Задаю вопрос! Отвечай!

Сев к столу, Гонзик сразу сосредоточивается и опять чужим, «взрослым» голосом спрашивает у Вашека:

— На какой китайской реке построена самая мощная гидроэлектростанция?

Вашек молчит. Думает.

— Вот это действительно вопрос! — шепчет он.— Это тебе не «назовите столицу Албании». На какой реке построена...

Вашек машинально берется за свой портфель и открывает его. Щелкает замочек.

— Сейчас... Сейчас!..— бормочет Вашек и лезет в портфель за какой-то книгой. И вдруг он в испуге выдергивает из портфеля руку.

— Что там? Змея? — спрашивает Гонзик.

Вашек осторожно, с испуганным видом вновь залезает в портфель и двумя пальцами вытаскивает из него носовой платочек.

— Платочек! — шепчет Гонзик.— Смотри, пожалуйста!

Осторожно, словно взрывчатое вещество, подносит Вашек к носу платочек и сразу отбрасывает его в сторону:

— Надушенный! Девчачий!

Друзья склоняются над портфелем. Постепенно извлекают они все его содержимое: ленточку для кос, аккуратно завернутые в белую бумагу тетради, учебники, большой гребень и, наконец, несколько писем.

Вашек и Гонзик с интересом рассматривают конверты с наклеенными на них советскими марками.

— «Прага, 2,— читает вслух Вашек адрес на одном из конвертов. — Ярослава Гашека, 24, квартира 7, Алене Граской».

— Письма из Советского Союза! — восторженно говорит Гонзик.— Из Одессы! От Марины Кавун!..

— Теперь я знаю, где она живет! — не слушая друга, восклицает Вашек.

Вашек быстро укладывает все обратно в портфель, выхватывает из рук опешившего друга письма.

— Давай сюда письма!

— Интересно почитать, что там написано! — нерешительно говорит Гонзик, глядя, как письма скрываются в портфеле.

— Улица Гашека, 24, квартира 7, Алена Граская,— шепчет Вашек, запирая на портфеле замок.— Это очень удачно получилось, что мы поменялись портфелями! Очень удачно!

С этими словами Вашек срывается с места. Снимает с полки копилку и зачем-то нетерпеливо начинает вытряхивать из нее монеты.

Квартира Алены Граской.

Разложив на гладильной доске новое шерстяное платье дочери, закапанное жиром, мать Алены при содействии соседки пытается вывести пятна. Алена находится тут же. Она наблюдает за всеми манипуляциями, которые ее мать и соседка производят над платьем.

— Ничего не получается! — горестно вздохнув, говорит мать Алены.

— Может быть, выстирать его в горчице? — советует соседка.

— Бесполезно,— отвечает мать Алены. — Придется отдать в химическую чистку. Это будет стоить не меньше двадцати пяти крон. Ты сама виновата! — неожиданно обращается она к дочери.— В кафе надо выбирать себе соседей!

— Откуда я знала, что он не умеет есть сосиски? — оправдывается Алена.— И я даже не заметила, как он подошел и встал напротив, такой ненормальный!..

В дверь стучат. Алена подходит к двери и отворяет ее. Перед ней стоит Вашек. Алена быстро выходит на площадку лестницы и прикрывает за собой дверь. Глаза ее щурятся от гнева.

— Ты? Ты что, следишь за мной?..

— Я принес твой портфель! — растерянно бормочет Вашек.— Мы случайно обменялись портфелями там... в кафе...

Вашек осторожно протягивает Алене ее портфель. Алена быстро открывает его и, убедившись, что портфель действительно ее, защелкивает замочек.

— Надеюсь, тут все цело? — иронически спрашивает она, берясь за ручку двери.

— Как ты можешь так спрашивать? — В голосе Вашека звучит обида.

— От тебя всего можно ожидать! — отрезает Алена.—Стой здесь. Я сейчас вынесу тебе твой...

Захлопнув за собой дверь, Алена скрывается. Вашек остается стоять на площадке лестницы. Он достает из кармана деньги.

Дверь открывается. Появляется Алена. Она без слов протягивает Вашеку его портфель.

Вашек берет портфель и, в свою очередь, без слов протягивает Алене деньги.

— Что это? — настороженно спрашивает Алена.

— Деньги! — умоляющим голосом говорит Вашек.— Возьми! Я прошу тебя! Тут хватит на чистку!

— Не нужны мне твои деньги! Пятна уже отчистились! — гордо и независимо отвечает Алена.— Прощай! — и захлопывает перед носом у Вашека дверь.

Вашек так и остался стоять перед дверью с протянутой рукой, в которой лежат его сбережения.

Пражский дом пионеров.

Со всех сторон спешат сюда ребята в алых пионерских галстуках. Работники радио и телевидения с таким видом, будто они-то и являются главными виновниками торжества, тянут шнуры и провода, вносят в двери осветительные приборы.

Вашек и Гонзик пробиваются сквозь толпу ребят. Гонзик — верный друг и оруженосец Вашека — нагружен книгами и атласами, которые могут пригодиться еще до начала конкурса. Вашек сосредоточен и собран. Друзья входят в вестибюль Дома пионеров. Кто-то окликает Вашека:

— Вашек! Вашек!

Гонзик с недовольным видом оборачивается.

— Нам некогда! Неужели не понимаете? Потом!

Друзья теряются в толпе ребят. Мы видим в группе девочек Алену. Подруги окружили ее и что-то наперебой говорят ей. Алена смотрит на них отсутствующим взглядом.

Зрительный зал Дома пионеров. Шум и волнение в рядах, среди детской публики. Ребята рассаживаются, перекликаются, машут друг другу руками. Кто-то потерял номерок от гардероба и лезет за ним под стул, кто-то нетерпеливо хлопает в ладоши... Здесь же готовятся к съемке операторы телевидения и кинохроникеры.

В первом ряду, рядом с Вашеком, расположился Гонзик. На коленях у него книги и атласы. Он с нескрываемым волнением смотрит на сцену, где в это время идут последние приготовления: развешивают большие карты Советского Союза, Китая и других стран социалистического лагеря...

Дома у Вашека.

Вся семья, включая соседей, собралась у телевизора. Как всегда в подобных случаях, без конца передвигаются стулья, и хозяйка дома, мама Вашека, суетится больше всех:

— Вам хорошо видно? Сядьте поближе! Сейчас начнется!..

Но вот все уселись и умолкают.

На экране телевизора лицо диктора, ведущего программу из Дома пионеров.

Диктор обращается к телезрителям и ребятам, до отказа заполнившим зрительный зал:

— Мы начинаем последний и решающий тур пионерского конкурса «Хорошо ли ты знаешь страны своих друзей?». Напоминаем, что победитель дружеского соревнования получает первую премию — трехнедельное путешествие на советском теплоходе по Черному морю. В Моравии эту премию завоевал Петр Глабазня из Остравы-Прживоза, а в

Словакии — пионер Лацо Маркус из Жилины. Кто же станет победителем пражского соревнования?

Ребята в зрительном зале настороженно и с большим вниманием следят за каждым словом диктора.

— Итак, я приглашаю на сцену двух претендентов на первое место: Алену Граскую и Вашека Калабиса.

Вашек с крайним удивлением смотрит на вышедшую из седьмого ряда и теперь поднимающуюся на сцену Алену.

— Алена Граская... Где-то я слышал эту фамилию...— шепчет Гонзик, разглядывая девочку.— Вашек! Вставай! Иди же! Тебя вызвали!..— подталкивает он под локоть своего друга.

На экране телевизора видно, как на сцену выходят Алена и Вашек. Они становятся возле своих щитов, где в белых квадратах готовы вспыхнуть цифры, отмечающие количество очков.

Диктор. Знакомьтесь, ребята!

Вашек и Алена пожимают друг другу руки. Расходятся.

Диктор (обращаясь к зрителям). Претенденты, Вашек Калабис и Алена Граская, только сейчас познакомились друг с другом. По условиям конкурса соревнующиеся должны ответить на двадцать пять вопросов. На каждый ответ дается три минуты!

— Сколько же надо набрать очков? — спрашивает курносая девчушка, сидящая в зрительном зале, у своего соседа — веснушчатого мальчугана лет десяти.

— Не знаю! — отвечает мальчуган.— Я ничего не знаю. Не мешай смотреть!

— И зачем ты только сюда пришел, если ничего не знаешь! — удивляется девочка.

— Чтобы что-нибудь узнать! — невозмутимо отвечает мальчуган, не сводя глаз со сцены.

— Итак, мы начинаем! — говорит диктор.— Просим соревнующихся ответить на первый вопрос...

Зрительный зал замирает.

— Что сейчас делают китайские пионеры?

Вопрос задан. Диктор с секундомером в руках ждет.

Все сидящие в зале задумываются над этим вопросом. «Что сейчас делают китайские пионеры?» Вот это вопрос!

— А что они сейчас могут делать? — спрашивает толстый пионер у своего соседа.

Тот пожимает плечами.

Вашек никак не может сосредоточиться. Если бы не эта Алена, он бы обязательно ответил на вопрос. Он бы догадался! «Что сейчас делают китайские пионеры?» Странный какой-то вопрос! Нет ли тут какого-нибудь подвоха?

Алена напрягает всю свою волю. «Что сейчас делают китайские пионеры?» А что они могут сейчас делать? Взгляд Алены скользит по детским лицам в зрительном зале и случайно останавливается на циферблате больших стенных часов. Стрелки часов приближаются к трем часам дня.

Алена быстро поднимает руку. Через пять секунд кончается «минута раздумья»!

— Китайские пионеры сейчас ложатся спать! — раздается голос Алены.

Во рту у нее от волнения пересохло, и потому голос звучит не так уверенно.

— Ложатся спать? — как бы удивляется диктор-ведущий.— Почему же они ложатся спать?

— Потому что в Пекине сейчас десять часов

— Итак, мы начинаем! — говорит диктор.

вечера: между пражским и пекинским временем семь часов разницы! — уверенно отвечает Алена. В зале раздаются аплодисменты.

Гонзик роняет на пол книги.

В зале подружка Алены говорит своей соседке:

— Вот посмотришь, она выиграет! И поедет в Советский Союз! Она вчера из Одессы опять письмо получила, там ее ждут.

— Кто?

— Марина Кавун!..

В квадрате щита за спиной Алены вспыхивает красная единица. В квадрате щита за спиной Вашека зажигается ноль.

На экране телевизора видно, как Вашек, стараясь сосредоточиться, трет лоб.

Соседка (с удивлением). Смотрите, неужели сейчас в Китае уже десять часов вечера?

Мама Вашека, приблизившись к экрану телевизора, вполголоса произносит:

— Не волнуйся, Вашек!

Соревнование продолжается: стремительно возникают перед нами кинокадры, отражающие жизнь и быт Советского Союза, Китая, Болгарии, Румынии и других стран — друзей чехословацкого народа. Мы видим столицы этих стран, слышим песни разных народов, мы на мгновение переносимся в Китай, на строительство крупнейшей гидростанции, плывем по Волге... Все это возникает в памяти Алены и Вашека в связи с задаваемыми им вопросами. Мы слышим их голоса, то взволнованные и глухие, то звонкие и поспешные, уверенные и робкие...

— Будапешт!

— На реке Волге!

— В Закарпатской Украине!

То и дело зажигаются все новые и новые цифры на щитах соревнующихся. Алена и Вашек не уступают друг другу в ответах. Но вот Алена отстает на два очка... У Вашека уже одиннадцать очков! Затем счет сравнивается. По лицу Алены видно, что она устала. Вашеку тоже приходится нелегко: соперница хорошо подготовлена. И вот последний, решающий вопрос!

— Последний вопрос! — объявляет диктор. Он устал и вытирает лоб платком.— Сейчас вы услышите голос одного из советских спутников! Какому спутнику принадлежит этот голос?

Зрительный зал замирает. Все прислушиваются. И вот из радиорепродуктора доносится голос спутника: «Пи-пи-пи-пи!»

Кто подавал вселенной эти сигналы? Какой спутник? Их было три. Чей это голос?

Вашек прислушивается. Сейчас он ответит! Сейчас... сейчас... Он знает...

Это второй...

— Это второй! — одновременно про себя шепчут Алена и Вашек. И одновременно смотрят друг на друга.

И тут Вашек внезапно видит перед собой лицо Алены таким, каким оно было в то мгновение, когда она отвернулась от него там... возле кафе... В его памяти проносятся воспоминания: сосиски... платье... портфель...

Гонзик совсем съехал со стула.

В притихшем зале все еще звучит голос второго советского спутника.

— Это радиосигнал второго советского спутника! — тихо, но всем кажется, что очень громко, объявляет Алена.

В квадрате на щите за спиной Алены вспыхивает цифра «13».

Ребята вскакивают со своих мест. Кричат. Хлопают в ладоши. Гонзик убит. Он тупо глядит на сцену.

Притихшие, сидят зрители у телевизоров.

— Путешествие по Черному морю из Одессы в Сухуми и обратно выиграла Алена Граская. Вторая премия — путевка в Татры — вручается Вашеку Калабису.

— Ну что же,— говорит мама Вашека.— Поехать на месяц в Татры тоже удается не каждый год!

Победители конкурса пожимают на сцене друг другу руки.

— Ты что же, мне нарочно проиграл?..

Вашек молчит...

Зрители в зале шумно приветствуют двух победителей конкурса.

Все, кроме Гонзика, хлопают в ладоши.

— Ты почему не хлопаешь? — спрашивает какой-то любопытный пионер.

— Как я с ним намучился! — отвечает мрачный Гонзик.—Он обязан был выиграть! Он не мог забыть, что это голос второго спутника! С ним просто что-то случилось!

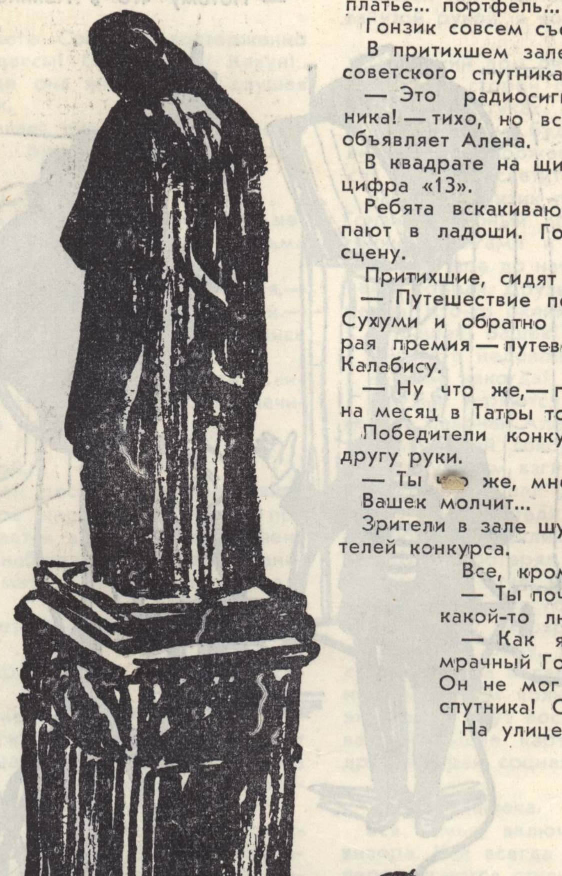
На улице, возле Дома пионеров, ребята шумной толпой окружили Вашека.

— Я проиграл из-за тебя пять марок Бельгийского Конго! — с укоризной говорит один мальчик.

— Мы так за тебя переживали! — вздыхает толстый паренек.— Я даже вспотел.

— Как вам не стыдно! — одергивают их две девочки с косичками.— Он в таком состоянии!.. Не слушай их, Вашек! Мы приготовили тебе цветы. Вот они... На, возьми!

Вашек позорачивается и, опустив голову, направляется к остановке

Гонзик бежит уже по Карлову мосту...

трамвая. Все смотрят ему вслед.

Девочки суют букет цветов в руки растерянного Гонзика. Гонзик с букетом в руках срывается с места и бежит за другом.

— Вашек, погоди!

Тот останавливается.

— Ну?

— Я понимаю. Ты ей нарочно уступил? Да?

Вашек презрительно усмехается и идет дальше. Грустный Гонзик остается стоять один.

Предместье Праги. Вечер. Небольшой, уже знакомый нам домик. Соседки окружили мать Вашека.

— Все, что ни делается, все к лучшему! — успокаивают соседки маму Вашека.— Мало ли что могло бы с ним случиться на этом Черном море!

— Кто бы мог подумать, чтобы в этом соревновании победила девочка! — вздыхает одна из соседок.— Впрочем, я сразу заметила: в ее лице было что-то мальчишеское!

В садик вбегает взъерошенный Гонзик.

— Здравствуйте, пани Калабисова! Вашек дома?

— Он пошел прогуляться... Кажется, на Карлов мост...—отвечает мама Вашека.

— На Влтаву? На Карлов мост? — Гонзик меняется в лице.— Не волнуйтесь, пани Калабисова. Не волнуйтесь! Я его догоню... Я его верну...

Гонзик исчезает. Мать Вашека и соседки недоуменно переглядываются.

Набережная. Во весь дух, толкая прохожих и шепча себе под нос торопливые извинения, которые слышит только он сам, спешит Гонзик. По пути он рассуждает сам с собой:

— Нет, он все-таки не такой дурак, чтобы пойти топиться!.. Ну, подумаешь, проиграл... Из-за этого не стоит бросаться в реку...

Гонзик бежит уже по Карлову мосту, в тревоге присматриваясь к одиноким прохожим. И вдруг он видит: облокотившись на перила, стоят рядом мальчик и девочка. Гонзик замедляет шаги и, не замеченный ребятами, останавливается в тени, возле одной из статуй Карлова моста.

Вашек и Алена стоят рядом. Они молча смотрят вниз, через перила, на темную, отражающую прибрежные огни Влтаву.

Вашек и Алена молча смотрят вниз через перила на Влтаву.

— Река — это все-таки не море...— говорит Вашек, нарушая молчание, и, плюнув через перила, с интересом следит за падающим вниз плевком.

— Не знаю... Наверное... Это все, что ты мне хотел сказать? — иронически спрашивает Алена. — Ты поклялся по телефону, что у тебя ко мне есть какое-то важное дело! Так что же все-таки ты мне хотел сказать?

— Одну вещь я тебе уже сказал,— отвечает Вашек. — Что я тебе проиграл не нарочно. Ты себе даже не можешь представить, как я хотел выиграть!

— Почему же ты не выиграл? — настороженно интересуется Алена.

— Я задумался... — бесхитростно объясняет Вашек.— Я почему-то вспомнил, как мы с тобой познакомились... Сосиски... Платье... Сам не знаю, почему мне это как-то сразу пришло в голову... А ты в это время уже ответила...

— Нашел что вспоминать! — с показным равнодушием отвечает Алена. — Я и то уже забыла... Так что же ты мне хотел сказать? Зачем ты меня вызвал на это... свидание?..

Вашек выпрямляется и смело глядит в глаза Алене. Некоторое время молчит, как бы испытывая ее. Затем, собравшись с мыслями, твердо и решительно говорит:

— Ты едешь в Советский Союз! Ты будешь в Одессе! Ты можешь выполнить одно пионерское поручение?

— Какое поручение? — недоумевающе спрашивает Алена.

— Я хотел это сделать сам,— говорит Вашек.— Я хотел найти советского солдата и лично передать ему эту карточку...

Вашек лезет за пазуху и достает знакомую нам фотографию. Протягивает ее все еще ничего не понимающей Алене. Та осторожно берет из рук Вашека фотографию, при свете фонаря смотрит на нее.

Ни Алена, ни Вашек не догадываются, что в нескольких шагах от них, затаив дыхание, наблюдает за ними Гонзик. Маленький разведчик не слышит их разговора, но он видит, как Вашек достает что-то из-за пазухи и протягивает Алене. Гонзик догадывается, что это заветная фотография. Гонзик видит, что Алена долго смотрит на карточку и затем прячет ее в сумочку. Потом Вашек и Алена отходят от перил и идут по мосту рядом. Вашек, очевидно, рассказывает Алене всю историю с советским танкистом. Дети удаляются. За ними, на некотором расстоянии, следует, как тень, маленький Гонзик...

Перрон пражского вокзала.

Сколько путешественников, столько разных характеров, желаний, вкусов, планов и настроений. В Советский Союз едут люди разных возрастов и разных профессий: рабочие и врачи, инженеры и журналисты, агрономы и крестьяне... И каждый говорит о своем.

Молодой человек в синем берете, с пишущей машинкой в руках, сообщает своему собеседнику:

— Я журналист! И мне надо будет писать не меньше трехсот строк в день! Надо написать серию очерков. Так что моря я почти не увижу...

— А меня интересуют чайные плантации возле Батуми! — доверительно отвечает ему его собеседник, полный человек, в котором легко угадывается сельский житель.— Всю жизнь я пью пиво, но в данном случае меня интересует чай!..

Если бы руководитель группы чехословацких туристов пан Туричек не был уже давно седым, он мог бы поседеть сейчас. Туристы буквально осаждают его со всех сторон. Вот он стоит на перроне, окруженный тремя путешественницами. У него отсутствующий взгляд, он не слышит задаваемых ему вопросов, он думает о своем: кто-то из туристов опаздывает!

— Содруг Туричек! — обращается к нему одна из туристок.— С парохода можно будет посылать письма и телеграммы?

— Пожалуйста!

— Пан Туричек! Что мне делать? Я взяла с собой ключи от квартиры! Я успею позвонить приятельнице?

— Попробуйте!

— Как в это время года море? В шторм меня укачивает!

— Пан Туричек! Говорят, в нашей делегации будут дети? — С этим вопросом обращается к нему только что подошедшая толстая туристка.

— Дети будут! — решительно отвечает пан Туричек, машет кому-то рукой. — Содруг Пасек! — И устремляется вдоль состава.

Возле одного из вагонов Алена знакомится с высоким, худощавым подростком. Он с рюкзаком за плечами, с большим биноклем и фотоаппаратом на груди. Из бокового кармашка клетчатой куртки выглядывают головки авторучек. В руке у него толстая общая тетрадь в красной папке. Мальчик близорук, носит очки, и это придает ему еще бо́льшую серьезность.

— Петр Глабазня из Остравы-Прживоза! — представляется он с достоинством, пожимая руку Алене.

Подскакивает бойкий паренек, который, несмотря на полноту, очень подвижен и суетлив.

— Поздравляю! — восклицает он, обращаясь к Петру. — У нас уже есть нянька!

— Я?! — удивляется Алена и даже отступает на шаг.

— Да нет, не ты! — просто отвечает мальчик.— Лацо Маркус из Жилины! Будем знакомы! — Он поспешно и деловито протягивает Алене руку.— Знаете, к нам приставили учительницу. Она будет следить за каждым нашим шагом!

— Я это предвидел,— говорит Петр, разглядывая в свой бинокль туристов на перроне. — Какая она из себя, эта учительница?

— Пожилая... Седая такая...— говорит Лацо.— Да вот она, прощается со своей дочкой!

— Где? Где? — интересуется Петр и направляет бинокль в ту сторону, куда показывает Лацо.

Возле журнального киоска разговаривают две женщины. Одна — молодая, лет двадцати четырех, стройная, стриженная «под мальчика». Другая — пожилая, с добрым лицом.

— Иржина! Запомни, что меня с тобой не будет! Ты не должна выходить на станциях из вагона! И не высовывайся в окно. Не лежи долго на солнце: загар проходит, а больное сердце остается. Я буду беспокоиться!

— Хорошо, мама! Хорошо! — оглядываясь по сторонам, говорит девушка.— Ты забываешь, что я уже не школьница! Я уже учительница! Прости, меня зовет руководитель. До свидания, мама! Я буду писать!

Женщины целуются.

Мчится поезд. За окнами вагонов сменяются пейзажи Чехословакии. Мелькают переплеты мостов, телеграфные столбы, лужайки, пестрые от полевых цветов. Лес то подбегает к самому полотну железной дороги, то взбирается на холмы и горы, то опускается в долины. Иногда проносятся встречные поезда, на мгновение заслоняя чудесные виды природы. А потом опять разворачивается красочная панорама пригородов и предместий...

— У меня двести человек, у вас всего трое! — говорит Туричек Иржине Мачковой, стоя в коридоре вагона.— Но это дети! А за ними надо смотреть и смотреть!

— Я вас понимаю! — отвечает Мачкова.— Они не должны выходить на станциях. Не должны высовываться из окна. Я вас правильно понимаю?

— Абсолютно правильно. Одним словом, под вашу ответственность! — заканчивает разговор Туричек и открывает дверь в свое купе.

В одном из купе сидят трое юных пассажиров:

Алена, Петр и Лацо. Дети успели не только познакомиться, но, кажется, уже и подружиться. Сейчас они заняты тем, что сортируют свои запасы продуктов.

— Давайте все сюда! — командует Лацо.

Ребята охотно достают и выкладывают все, что они взяли с собой в дорогу. Тут и огурцы, и колбаса, и сыр, и яблоки, и пирожки, и пирожные...

— Сначала уничтожим то, что быстро портится! — говорит Лацо и начинает откладывать в сторону скоропортящиеся продукты.— Вы как любите огурцы? В кожуре или чищеные? Хотя огурцы мы оставим на завтра: они ведь не портятся!

Никто ему не возражает. Все молча соглашаются.

В соседнем купе сидят Мачкова и полная туристка.

— Вот вы сидите здесь, а они там уже, может быть, вылезли на крышу! — делает предположение полная туристка, наливая из термоса кофе.

— Ну почему же обязательно на крышу?! — смеется Мачкова.— Моя задача заключается в том, чтобы они не видели во мне няньку. Иначе я отравлю им все существование!..

— Но ведь от них только и жди проказ: что-нибудь разобьют, разольют...

Рывок поезда — и кофе из чашки опрокидывается на платье полной дамы...

Ребята в купе стукаются лбами.

По рукам ходит заветная фотография Вашека. Дети серьезно и с интересом разглядывают фотографию.

— Взрослым ничего не надо говорить,— уверенно говорит Лацо, передавая фотографию Петру.— А то они все возьмут в свои руки и все испортят!

— Если мы найдем этого солдата и его девочку, я смогу здорово описать все это в своем путевом дневнике.— говорит Петр.

— Девочке сейчас, должно быть, уже девятнадцать лет! — задумчиво произносит Алена.— Она уже окончила школу...

— Давайте мне сюда эту карточку! — неожиданно говорит Лацо.— Она будет храниться у меня!

— Нет уж! — возражает Алена.— Она будет храниться у меня!

— Тогда я за нее не отвечаю! — обиженно восклицает Лацо.

Мчится поезд. Дымят за окнами вагонов трубы фабрик и заводов, мимо которых, замедляя на стрелках ход, проходит пассажирский состав...

Ночь.

В купе вагона спят дети и учительница Мачкова. Точнее сказать, спят Алена и учительница. Лежа на верхних полках, не спят Лацо и Петр. Лацо задумчиво ест яблоко.

— Перед нами нелегкая задача,— шепотом говорит Петр, обращаясь к Лацо.— Найти в СССР бывшего танкиста, не зная его имени и фамилии! Перестань жевать!..

— В Одессе у Алены есть подруга... Это раз! И потом ведь мы кое-что уже знаем! Это два! —так же шепотом возражает Лацо.— Фотография сделана в Одессе, на улице Гоголя, дом номер двадцать семь...— И откусывает яблоко.

Идет поезд, приближаясь к границе Чехословакии и Советского Союза...

Одесса.

По солнечной, обсаженной каштанами улице идет группа чехословацких туристов. Их интересует все: и архитектура города, и мемориальные доски на зданиях, и памятники, и фасоны летних платьев, и витрины магазинов...

Мы видим знакомых нам Туричека, полную туристку, учительницу Мачкову и, конечно, наших юных героев: Алену, Петра и Лацо. Туристы устали после осмотра города. Некоторые из них, в частности полная туристка, плетутся с трудом, отставая от основной группы. Туричек идет рядом с гидом, то и дело оглядываясь на своих соотечественников. Он тоже устал и часто вытирает платком пот со лба. Мачкова записывает что-то в записную книжку.

— Сейчас мы выходим к оперному театру,— бодро говорит девушка-гид.— Это второй по красоте оперный театр в мире. Как вам хорошо известно...

— А мы не можем пройти к театру по улице Гоголя? — вдруг спрашивает Алена.

Все туристы поворачиваются к ней.

— Да... Мы слышали, что это очень красивая улица,— приходит Алене на помощь хитроватый Лацо.

— Это самая обыкновенная улица. Вторая направо... Она лишена каких бы то ни было исторических памятников. А где вы о ней слышали? — удивляется девушка-гид.

Туричек гордо выступает вперед.

— Они изучили все города Советского Союза! И почти все улицы! Ведь они лауреаты конкурса «Знаешь ли ты страны наших друзей?».

— Ах так?! Очень интересно! Возвращаюсь к оперному театру...

Долговязый Петр, пошептавшись с Аленой, начинает фотографировать дом, который явно не представляет никакого интереса для съемки. Тем временем группа туристов сворачивает за угол. Как только она скрывается из виду, Алена восклицает:

— Вторая улица направо! Бежим!..

И вот уже улица Гоголя. Прохожие обращают внимание на ребят, которые по внешнему виду чем-то, едва уловимым, отличаются от юных горожан Одессы. Мелькают белые таблички на фасадах домов: «21», «23», «25»...

И вот наконец все трое перед домом № 27. Это самый обычный, ничем не примечательный дом в городе. И на первом этаже его ничем не примечательное учреждение: столовая. Столовая? Вот странно!

Лацо аппетитно потягивает носом: столовая!

— А где же фотоателье? — недоумевает Алена.

— Я бы с удовольствием пообедал! — продолжает Лацо.

— Как тебе не стыдно! В такой момент думать о еде! — возмущается Алена.

— На сытый желудок мы бы гораздо быстрее все отыскали.

— Пожалуйста! — Алена протягивает Лацо рогалик.— Насыщай свой желудок! Если ты для этого приехал за границу! — с презрением восклицает Алена.— Правда, Петр?

Петру отвечать некогда: он в этот момент запечатлевает на фотопленку дом № 27.

Алена останавливает прохожего:

— Просим вас... просим вас сказать нам (от волнения она говорит не очень складно)... где здесь фотоателье?

— А вы что, не русские? — спрашивает в ответ прохожий, обратив внимание на акцент Алены.

— Ано! Ано! Нерусские! Нерусские! — охотно, радуясь, что прохожий хоть что-то понял, соглашается Алена. И незаметно одергивает Лацо: — Перестань жевать!

— Мы туристы! Из Чехословакии! — солидно поясняет Петр.

Вокруг уже начинают собираться любопытные.

— Алена! — кричит Марина, чуть не вываливаясь из окна.

— Вы хотите сфотографироваться? — спрашивает симпатичный прохожий.— Я могу проводить вас в самое лучшее фотоателье.

— Лучше всех снимает мастер Симанчук! — авторитетно заявляет кто-то.— Я фотографируюсь у него буквально с пеленок.

— Нет, нет... Вы нас не поняли...— пытается объяснить Алена.— Здесь было ателье, в этом доме! И оно нам очень нужно.

— В этом доме?..

Все прохожие вместе с ребятами задирают головы вверх и шарят глазами по этажам.

— Да-а...— вспоминает старожилка Одессы с хозяйственной сумкой в руках.— Я помню, до войны здесь была фотовитрина.

Чешские туристы продолжают свое путешествие по городу.

— Сейчас мы подходим к порту! — бодро вещает девушка-гид.— Здесь можно увидеть флаги всех стран!

Мачкова отстала от группы. Она взволнованно оглядывается по сторонам: где же ее питомцы?

Туричек незаметно, словно ничего не подозревая, наблюдает за Мачковой.

Неширокий одесский переулок. Перегородив его с одного тротуара до другого, движется шумная толпа. Это наши юные чешские друзья в окружении одесситов, с которыми они познакомились на улице Гоголя.

— И надо же, чтобы ваша подруга жила как раз в таком маленьком, некрасивом переулочке! — сокрушается старожилка Одессы с хозяйственной сумкой в руках.

— Ну, вот мы и дошли,— говорит одна из сопровождающих.— Дом номер семнадцать.

— Большое спасибо! — благодарит Алена.

— А может, вас до квартиры проводить? — спрашивает симпатичный прохожий.

— Нет, нет, мы сами найдем! Спасибо! До свидания!

— Честь праци! — неожиданно произносит один из одесситов.

— Честь праци! — обрадованно кивают головами дети.

Трое ребят поднимаются по лестнице.

— Почему Марина нас не встретила, просто понять не могу! — удивляется Алена.— Я же послала ей и письмо и телеграмму!

Ребята останавливаются на площадке, возле квартиры № 7. Алена несколько раз нажимает кнопку звонка.

— Э-э, чего зря звонить-то?! — восклицает Лацо и подбегает к почтовому ящику, который набит до отказа: из него высовываются газеты и корешки журналов.

Лацо пытается что-то вытащить оттуда.

Алена останавливает его:

— Как тебе не стыдно лазить в чужой ящик!

— Вот где находится твое письмо! — торжественно, словно сделав крупное открытие, заявляет Лацо.— Ящик скоро лопнет: значит, в квартире никого нет... Все уехали. И твоя Марина тоже.

— Согласен. Здесь нам нечего делать,— говорит Петр.

— Ну, что ж... Пошли!..— грустно соглашается Алена.

Друзья начинают медленно спускаться вниз. Им навстречу, вверх по лестнице, взбегает загорелая девчонка с букетом полевых цветов в руках. Не обратив внимания на ребят, она пробегает мимо.

Все трое, как по команде, останавливаются и прислушиваются к шагам девочки.

— Нет, побежала выше...— вздыхает Алена.

И они продолжают спускаться вниз.

Между тем девочка, поднявшись этажом выше, стучит в одну из квартир. Ей открывает дверь другая девочка.

— Маринка! Ты? — восклицает она.— Тебя отпустили с дачи?

— Я удрала!

— Как же это?

— Я записку оставила: «Вызвали в город по важному делу!». А по какому, сама не знаю. Ты написала: «Выезжай!» — и все!

— У меня денег только на одно слово хватило,— оправдывается Катя.

— А что случилось?

— Слышу вчера: к вам в дверь стучат, чуть прямо не выламывают. Спускаюсь и вижу: телеграмму принесли! Международную, от Алены Граской!

— Приехали?!

— Нет! С утра, как часовой, возле твоей квартиры дежурю. Вот только на десять минут отлучилась: Женьку покормить. Ой, когда ты у нас наконец вырастешь?! — обращается она к маленькому брату, сидящему с полным ртом над тарелкой каши.

Марина подходит к банке с уже увядшими цветами и машинально выбрасывает их в окно.

— Ой! Что это ты? С ума сошла? — вскрикивает Катя и выглядывает в окно. Она видит: букет попал в группу стоящих во дворе ребят.

— Нас забрасывают цветами! — не без иронии констатирует Петр, снимая с плеча увядшую ромашку. Лацо и Алена смотрят на окно, из которого выбросили букет. Из окна смотрят дзе девчонки...

— Мы нечаянно! Извините! — кричит Марина.

— Ничего! Ничего! — по-чешски отвечает Алена и, приветливо улыбаясь, машет рукой.

— Чего, чего? — про себя шепчет Марина, и вдруг до ее сознания доходит догадка.— Алена! — истошно кричит она, чуть не вывалиаясь в окно.

Алена оборачизается.

...Внизу, во дворе, вокруг садового столика собрались наши юные чехи и Марина с Катей. У Марины в руках карточка.

— Это очень интересно! — решительно заявляет Марина.

— Но очень трудно! — добавляет серьезно Катя.— Вы же не знаете ни имени, ни фамилии этого танкиста!

— Не знаем! — грустно соглашается Лацо.

— Вот именно, не знаем! — подтверждает Алена.

— И потом прошло уже столько лет...— добавляет Петр.— Может быть, вообще...— не договаривает своей мысли Петр.

— Что вообще? — сердито спрашивает Алена.

— Ну, вообще... Он не живет больше в Одессе, или еще что-нибудь...— неуверенно оправдывается Петр.

— Он живет в Одессе! Одесситы не так легко покидают свой город! — решительно вмешивается в разговор Марина, все еще рассматривая фотографию.— Мне даже кажется, что я его где-то видела!..

Ребята с удивлением и надеждой смотрят на Марину.

— У меня есть план! Сначала посоветуемся с моим дядей.

— Я только прозерю, доел ли Женька кашу! — говорит Катя.— Я вас догоню!

— А где твой дядя? — интересуется Алена.

— В стакане! — не моргнув глазом, отвечает Марина.

И вот он, этот «стакан»,— на углу шумной одесской улицы. Из него хорошо видны потоки троллейбусов и автомашин.

— Это называется стаканом? — серьезно спрашивает Петр и записывает что-то в свою тетрадь.

— Да! — бойко отвечает Марина.— Видите, стеклянный! А внизу металлический!.. Подождите меня здесь!..

Петр записывает что-то в записную книжку.

— Дядя Гриша! А дядя Гриша! — обращается Марина к милиционеру, сидящему в будке.

— Марина?! Ты в городе? — с удивлением спрашивает регулировщик, не глядя на свою племянницу, и продолжает переключать светофор.

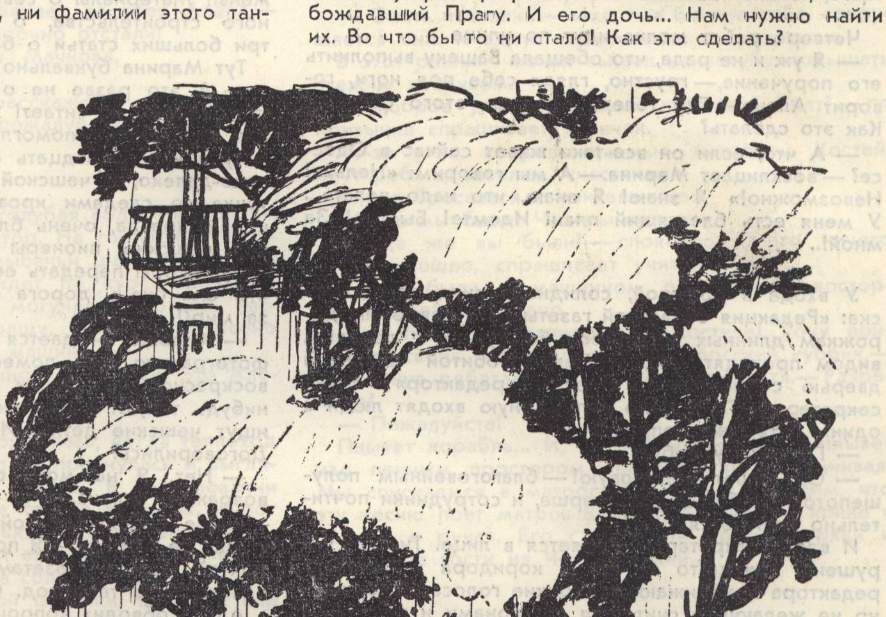
— Дядя Гриша, у меня к вам срочное дело!

— Что случилось? Какое дело?

— Международное!

— Международное? — улыбнувшись, переспрашивает милиционер, на мгновение отвлекаясь от работы и дав «зеленую улицу» потоку транспорта.— Ну, что за дело такое?

— Посмотри на эту карточку! — Марина протягивает ему фотографию.— Это бывший танкист, освобождавший Прагу. И его дочь... Нам нужно найти их. Во что бы то ни стало! Как это сделать?

Петр, Лацо и Алена смотрят на окно, из которого выбросили букет.

Милиционер достает блокнотик и карандаш, приготавливается записывать.

— Очень просто! Фамилия? Имя? Отчество?

— Вы, дядя, спросите еще адрес! Тогда и искать не надо! Мы же ничего этого не знаем!..

Возле светофора, несколько дольше обычного задержавшего движение на перекрестке, накопилось довольно много автомашин.

— Что он, заснул там, что ли? — произносит один из шоферов, с нетерпением выглядывая из кабины.

— Может, он давно уже живет в другом городе,—говорит в это время регулировщик, переводя рычажок светофора.— Слушай! Ты мне мешаешь работать!

— Дядя! Неужели вы не можете нам помочь?

— Милиция тут бессильна!

— Ах, бессильна?! — возмущается племянница.— Прекрасно! Тогда мы его сами найдем!

Четверо ребят молча идут по улице.

— Я уж и не рада, что обещала Вашеку выполнить его поручение,— грустно, глядя себе под ноги, говорит Алена.— Где теперь найдешь этого солдата? Как это сделать?

— А что, если он все-таки живет сейчас в Одессе? — восклицает Марина.— А мы говорим: «Нельзя! Невозможно!» Я знаю! Я знаю, что надо делать... У меня есть блестящий план! Идемте! Быстро! За мной!..

У входа в большой, солидного вида дом вывеска: «Редакция областной газеты». По ковровым дорожкам длинных коридоров бесшумно, с деловым видом проходят люди. Перед обитой клеенкой дверью с табличкой: «Главный редактор» — сидит секретарша. То и дело в приемную входят люди с одним и тем же вопросом:

— Главный у себя?

— Он пишет передовую! — благоговейным полушепотом сообщает секретарша, и сотрудники почтительно удаляются.

И вдруг секретарша меняется в лице. Тишина нарушена: откуда-то из конца коридора к кабинету редактора приближаются звонкие голоса, совершенно не желающие считаться с законами и традициями учреждения. В приемную входит делегация ребят во главе с Мариной.

— Отдел пионерской и комсомольской жизни на третьем этаже,— сухо произносит секретарша.

— А нам нужен главный редактор! — звонко сообщает Марина.

— Это невозможно! Он детей не принимает... И вообще он сейчас занят.

— А это и не дети вовсе! Это иностранные туристы. Делегация. А я их переводчица. (Она обращается к изумленным чехам.) Вот видите... Это приемная главного редактора нашей газеты. Это секретарь. Знакомьтесь!

Все трое ребят поочередно протягивают секретарше руку:

— Честь праци! Честь праци! Честь праци!

Двое сотрудников с гранками в руках появляются в дверях:

— Главный у себя?

— Он занят,— сообщает секретарша и снимает телефонную трубку.

— Буфет? Принесите, пожалуйста, в кабинет главного фруктовой воды и бутербродов. У нас сейчас будет иностранный прием.

Знаменитая одесская лестница. По ней спускается группа чехословацких туристов. Отсюда вид на порт. Заметно, что даже неутомимая девушка-гид немного устала.

— Эта лестница известна многим из вас по фильму «Броненосец «Потемкин»! — сообщает она.— Потом мы поднимемся вверх, и вы сами убедитесь.

— Если можно, мы не будем подниматься наверх, а поверим вам на слово...— робко говорит кто-то из туристов.

Мачкова в полной растерянности оглядывается по сторонам.

Кабинет редактора. На столе бутерброды и бутылки с фруктовой водой. Лацо налегает на еду, и Алена время от времени одергивает его. Редактор ходит по кабинету. Он, словно оправдываясь в чем-то, обращается к Марине:

— Но поймите: ближайшие номера ужасно загружены! Материалы о севе, о новых методах жилищного строительства, о физкультурной олимпиаде, три больших статьи о борьбе за мир...

Тут Марина буквально подскакивает в кресле.

— А это разве не о борьбе за мир?! Большие статьи никто не читает! Я знаю... А это все прочтут! Как мать Вашека помогла раненому советскому солдату и как двенадцать с половиной лет где-то далеко-далеко, в чешской семье, хранилась эта карточка со следами крови... Вот видите, тут следы крови, правда, очень бледные... И еще все узнают, как чешские пионеры привезли эту фотографию сюда, чтобы передать ее бывшему танкисту, потому что она очень дорога ему... Разве это не борьба за мир?!

— Хорошо! — сдается редактор.— Оставьте нам фотографию. Мы поместим ее через три дня, в воскресном номере, и дадим «шапку». Ну, какую-нибудь такую: «Откликнитесь, бывший танкист! Вас ищут чешские дети!» Или что-нибудь вроде этого. Договорились?

— Нет. Я не могу оставить карточку! — твердо возражает Алена.

— Не бойся! Не бойся! Я буду следить! — убеждает ее Марина.— Я потом перешлю ее тебе авиапочтой, вместе с газетами. В любой город, где остановится ваш теплоход. Согласна?

Алена обводит вопрошающим взглядом своих товарищей.

Редактор снимает телефонную трубку:

— Андрей Маркович! В воскресенье на третью полосу поставим вместо «Летних советов врача» один важный материал... Клише и подпись к нему. Нет, нет, не ТАССовский...

По направлению к порту идет группа знакомых нам ребят. Они возбуждены, о чем-то разговаривают...

К постовому милиционеру подходит Иржина Мачкова. Она что-то спрашивает у него. Проходящая мимо машина заслоняет ее от нас...

В порту стоит большой теплоход. По трапу поднимаются чехословацкие туристы.

Один из туристов с возмущением говорит, обращаясь к другому:

— Все-таки это — безобразие! Мы, взрослые, ходим организованно, а дети проявляют самостоятельность! А теперь изволь волноваться за них! Безобразие!

— А зачем волноваться? — как бы успокаивая себя, отвечает собеседник.— С ними ничего не может случиться! Здесь не Западный Берлин!..

— Но они же отлично говорят по-русски! — успокаивает одна из туристок полную соседку.

— До отхода теплохода еще целых три часа!.. Дивный теплоход! Только бы меня не укачало!..

— Бедная Мачкова! Я не завидую ей! — слышится в ответ.

Одесская улица. На углу улицы стоит Мачкова. У нее растерянный вид. Кажется, она вот-вот заплачет. Из-за угла появляются пятеро ребят. Все они едят мороженое. Смеются.

— Мачкова! — неожиданно говорит Алена и дергает за рукав Катю. Та чуть не подавилась мороженым.

Ребята в нерешительности останавливаются.

— Кто? — не понимает Катя.

— Наша руководительница! Мы от нее убежали! — шепчет Алена.

Мачкова видит ребят.

— Ой! — не может удержаться она от радостного крика.— Куда же вы пропали? Заблудились?

— Нет! — решительно отвечает за всех Алена.— Мы не заблудились! Мы нарочно отстали!

— Нарочно? — удивляется Мачкова.

— Да! — говорит Петр.

— И мы вам сейчас все расскажем! — продолжает Алена.— Познакомьтесь, пожалуйста, с нашими друзьями!

Рассвет над морем.

Кипит за кормой зелено-голубая вода. Необозрим и прекрасен морской простор. На горизонте, словно недвижимые, застыли рыбачьи шаланды. Теплоход, мерно покачиваясь, идет по курсу. Большое судно похоже на доброе, могучее животное. Рассекая грудью морскую толщу, оно дышит ровно и спокойно. Мерно стучат машины...

Мы видим на палубе одинокую фигуру. Это Алена...

Голос Алены за экраном:

— Вечером я так и не дождалась, когда теплоход тронется. Я заснула. А когда я проснулась и выглянула в окошечко, мы уже плыли... В Чехословакии нет моря. Я читала о море только в книгах. И вот оно! Какое большое!.. Сколько же в нем воды! Ой!.. Жалко, что Вашек не увидит его... А что, если вдруг поднимется шторм и вся эта соленая вода...

Тут вдруг из спасательной шлюпки, висящей над палубой, до слуха Алены долетают странные крики:

— Лево руля! Право руля! Сос! Сос! Помогите! Помогите!..

На миг Алена цепенеет. А потом бросается к шлюпке. Лацо и Петр, стоя в шлюпке, раскачивают ее из стороны в сторону. На них пробковые спасательные костюмы...

— Что вы делаете? — кричит Алена.— Куда вы залезли!

Заметив ее, Петр восторженно, потеряв всю свою солидность, вопит:

— Человек за бортом! Человек за бортом!

— Давай руку! — вторит ему Лацо, обращаясь к Алене.— Мы в открытом море! Мы потерпели кораблекрушение! А ты — в воде... Сейчас мы тебя спасем! Давай руку! Сейчас...

Увлекаемая мальчиками, Алена падает в лодку...

— Надевай пояс! — командует Лацо.

— Что это такое? — раздается строгий, громовой голос.— Кто вам разрешил залезть в шлюпку? До чего додумались!.. А ну-ка, сейчас же марш отсюда! Вылезайте, вылезайте!

Петр и Лацо испуганно выглядывают из-за борта шлюпки и видят молодого высокого матроса, лицо которого не предвещает ничего доброго. Мальчишки собираются спрыгнуть на палубу, но матрос останавливает их:

— Сначала снимите пояса!..

Ребята послушно и смущенно выполняют это распоряжение, а потом с помощью молодого матроса переправляются на палубу. Они стоят тихие, как-то сразу присмиревшие.

— И чего только ваши родители смотрят? Спят?!

— Мы без родителей,— тихо говорит Алена.

— И вообще мы попали туда нечаянно, в шлюпку... Случайно...— невпопад оправдывается Лацо.

— Нечаянно... Случайно...— ворчит моряк.

— Мы туристы...— сообщает Петр.

— Откуда вы?

— Из Чехословакии!..

— Из Праги,— добавляет Алена.

— Из Праги, значит? — задумчиво переспрашивает моряк.

Мачкова, прикрывая за собой дверь в каюту мальчиков, выходит на палубу.

— Опять исчезли...— тихо, как бы про себя, сокрушается она. И вдруг сталкивается с Туричеком.

В этот ранний час он вышел на палубу подышать свежим воздухом.

— Доброе утро! Как ваши питомцы? Спят? — по привычке спрашивает Туричек.

Из-за угла, сопровождаемые матросом Костей, идут ребята, веселые, счастливые.

Алена бросается к учительнице:

— Где мы были! Что мы видели!

— Где же вы были? — спокойно, будто ничего не произошло, спрашивает учительница.

— Мы были в машинном отделении! — восторженно сообщает Лацо.

— А потом на капитанском мостике! Хочу пригласить своих новых друзей в матросский кубрик,— подмигнув ребятам, говорит матрос Костя.— Разрешите?

— Пожалуйста!

Плывет корабль... И, не отставая от него, плывет над пенным простором песня, тихая, задумчивая. Мы спускаемся в матросский кубрик и видим, что эту песню поет матрос Костя. Он сидит на койке с баяном в руках. Его слушают и друзья-моряки и маленькие гости из Чехословакии...

В садике дома, где живет Марина, собрались ребята.

— Завтра в газете должна быть напечатана фотография танкиста! — сообщает Марина внимательно слушающим ее мальчишкам и девчонкам.

— Мы установим посты в редакции и типографии! — продолжает она.

Подбегает запыхавшийся паренек.

— Ну, Борька, что ты узнал? — обращается к нему Марина.

— В типографию без пропусков нельзя!

— Та-ак! — вслух рассуждает Марина.— Ничего страшного. Каждый из нас принесет из дому по пятнадцать копеек. И вы с Вовкой и Катей целый вечер будете звонить из автомата в типографию. Проверять! Понятно?

— Целый ве-ечер!..— говорит Катя.— А с кем Женька будет?..

— Возьми его с собой! И тарелку каши можешь прихватить: в автоматной будке покушает... А Сашка, Соня и я расставим посты в редакции.

В приемной редактора газеты. Здесь дежурит Марина. Она стоит, как на посту, возле окна.

Секретарша в явно нервозном состоянии.

— Вы что же, так и будете до самого вечера здесь сидеть? — спрашивает она Марину.

— Нет. Я только до трех. Потом меня сменят...

Фотолаборатория редакции. Здесь дежурит любознательный, задумчивый паренек по имени Сашка. Он придирчиво разглядывает оттиск и клише, которые показывает ему лаборант.

— По-моему, лицо танкиста не очень ясно получилось, вам не кажется? — тихо, как бы извиняясь, говорит Саша.— Может быть, еще раз переделать?

— Я уже делаю третье клише!

— Сделайте четвертое! — умоляющим голосом просит мальчик.— Надо ведь, чтобы он себя узнал! Понимаете?

— Понимаю! Понимаю!..— сердится лаборант.

В будке телефона-автомата, тесно прижавшись друг к другу, стоят Вовка и Борька. Катя с Женькой маются на улице, возле будки.

Вовка высовывается из будки:

— Дай-ка еще монетку!..

Катя протягивает ему кепку. И мы видим, что она полна пятнадцатикопеечных монет.

— Женьке спа-ать пора-а...— зовает Катя.

— Еще разочек! — бросает на ходу Вовка и скрывается в автоматной будке.

Он набирает номер телефона.

Типография. Печатается очередной номер газеты. Стучат печатные машины.

Выпускающий, высокий и сухопарый человек с очками на носу, в черном халате и нарукавниках, просматривает свежие оттиски завтрашнего номера.

На одной из полос знакомая фотография: бывший танкист с маленькой девочкой на руках. Под фотографией набрана заметка.

Звонит телефон. Выпускающий снимает трубку.

— Слушаю!

Будка телефона-автомата.

— Печатают! — говорит Вовка.

— Спроси еще раз! — шепотом подсказывает Борька.

— Значит, вы печатаете?! — вновь кричит Вовка в трубку.

— Печатаем, печатаем! Завтра утром увидишь в газете,— устало говорит выпускающий и кладет трубку на рычаг. Потом он вновь склоняется над полосой газеты и говорит сам себе:

— Волнуются!.. Надоели... А все-таки молодцы!..

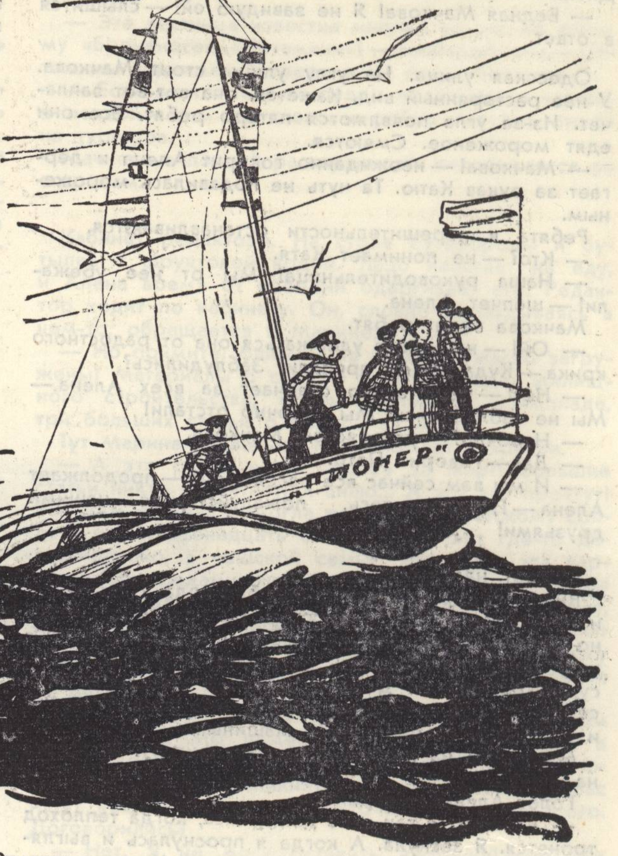
Передвинув очки на лоб, начинает вслух читать заметку:

— «Эту фотографию привезли наши друзья из Чехословакии».

Мы видим, как из печатной машины один за другим вылетают свежие номера газеты...

Извилистая горная дорога, ведущая из Ялты в пионерский лагерь «Артек». Открытый автобус заполнен веселыми, загорелыми артековцами, среди которых мы видим чехословацких пионеров и учительницу Иржину Мачкову. Она сидит рядом с пожилой седенькой женщиной.

Ветер бьет в лица пионерам, заставляет придерживать руками косынки и белые панамы, треплет алые галстуки. Звучит задорная артековская песня:

От артековского причала отошел катер «Пионер».

Везут, везут ребят!
Машины встречные гудят:
«Куда везете столько человек?»
Прохожий смотрит вслед,
И слышит он в ответ:
«В Артек! В Артек...»

Опытный водитель ловко ведет широкий автобус по узкой дороге, петляющей между гор. Из-за крутых поворотов возникают живописные виды Крыма: виноградники, карабкающиеся на взгорья, вершины гор, берег моря с белыми зданиями здравниц... Изредка из-за поворотов выскакивают встречные машины, и пассажиры весело машут артековцам.

Вот и Артек — солнечная пионерская республика!

Шофер протяжно сигналит, дежурные по лагерю распахивают ворота и бегут встречать гостей.

Черноморская волна ударяет в артековский пляж. Потом она как бы облизывает гальку, то унося ее с собой, то вновь выкатывая на берег. От артековского причала только что отошел катер «Пионер». Команда катера — артековские ребята.

— Этот катер нам черноморские моряки подарили! — объясняет юным чехам, стоящим на палубе, капитан катера, паренек лет тринадцати, в морской фуражке, полосатой тельняшке и с красным галстуком на шее.

— У вас красный живот! — неожиданно говорит Лацо, с завистью поглядывая на штурвального, ведущего катер.

Штурвальный, веснушчатый паренек, изрядно загоревший на солнце, задирает тельняшку:

— У кого красный живот? У меня не красный!

Алена не может удержаться от смеха.

— Ты чего?..— спрашивает ее штурвальный.

— «Красный живот» — это «красивая жизнь»! — сквозь смех отвечает Алена.— По-чешски! Понимаешь? Счастливая жизнь — красный живот!..

Штурвальный машет рукой.

— У меня уже все в голове перепуталось! Здесь у нас все языки сразу изучишь! Тут тебе и «бонжур», и «ол-райт», и «гутен морген». А теперь еще «красный живот» прибавился! «Мерси боку».

Все смеются.

— Да-а, у нас тут, рядом, международный пионерский лагерь,— солидно поясняет капитан.— Двадцать три национальности! Ничего?.. Сегодня у них будет костер дружбы. На самой вершине Медведь-горы. Во-он там!.. Видите?

— А мы тоже приглашены туда! — гордо заявляет Лацо.

— Счастливые!..— вздыхает капитан. И грустно командует: — Самый малый!..

Катер подходит к группе скал, торчащих из воды.

— У нас в Чехословакии тоже красивые горы! — задумчиво произносит Петр. И смотрит в бинокль.

Татры. Пионерский лагерь в горах. В одной из палаток, возле радиоприемника, сидит Вашек. Он ловит какую-то ускользающую радиоволну. Рядом с ним его товарищ по лагерю — пионер Отто.

— Что ты ловишь? — спрашивает Отто.

— Одессу! — отвечает Вашек.

— Зачем тебе Одесса? — удивляется Отто.

— Просто так,— уклончиво отвечает Вашек.

Высоко над морем поднялась зеленая гора Аю-Даг, что в переводе значит «Медведь-гора». И в самом деле, гора похожа на гигантского сказочного медведя, который улегся на берегу, чтобы погреться на добром южном солнышке. Мордой медведь уткнулся в море, и волны щекочут нос спящему зверю.

Мы видим, как по горной тропке карабкаются вверх пионеры-артековцы. Мы видим и трех чешских друзей, и учительницу Мачкову, и старенькую артековскую библиотекаршу Анну Павловну с алым пионерским галстуком на груди. Все они не спеша поднимаются на вершину горы — туда, где вечером вспыхнет и запылает пионерский костер дружбы.

Алена и ее товарищи, с палками в руках и заплечными рюкзаками, останавливаются, чтобы немного передохнуть. Сверху им открывается живописная зеленая панорама черноморского побережья Крыма, а в центре ее почти неподвижная в этот час морская бирюза. Весь Артек как на ладони... День клонится к вечеру, и солнце печет теперь уже не так сильно.

— Вы не устали? — спрашивает Иржина Мачкова у Анны Павловны, которая остановилась немного передохнуть.—Может быть, вы напрасно пошли с нами?

— Что вы! — смеется библиотекарша.— Не было еще случая, чтобы я отказалась от такого удовольствия! Я уж про себя решила: как не смогу подняться на Аю-Даг, так, значит, пора на пенсию. Походы и костры — это моя слабость.

Внезапно в небе раздается гул мотора. Все поднимают головы. Над горой летит вертолет.

— Позор! Позор! — кричит Лацо и тычет пальцем в небо.

— Почему «позор»? Кому «позор»? — удивляется Анна Павловна.

— «Позор» — это на чешском языке значит «внимание»,— поясняет Мачкова.

— А-а-а! — улыбается Анна Павловна, поправляя на шее красный пионерский галстук.— А я удивляюсь: почему вдруг «позор»?! Это летит наш артековец Леня Пахомов. Бывший, конечно, артековец! — смеется она.— Он приглашен на костер дружбы и приземлится прямо там, на вершине горы. Не было у меня в библиотеке ни одной книжки про авиацию, которой бы он не прочитал!

Вертолет скрывается из вида.

Где-то в горах трубит пионерский горн. Тянется в гору цепочка пионеров.

На вершине горы, на небольшой полянке, идет репетиция одного из концертных номеров костра дружбы. Исполняется национальный танец. В центре зеленой площадки уже сложены сучья и ветки. Здесь хлопочут костровые.

В небе появляется снижающийся вертолет. Юные артисты, зрители и костровые с криком несутся к месту посадки вертолета...

У вертолета, приземлившегося здесь, столпились ребята. Летчик, бывший артековец, с пионерским галстуком на шее, держит в руках пухлый белый пакет, весь испещренный печатями, марками, штемпелями. Со всех сторон сыплются вопросы:

— А сколько километров в час он дает?

— А сколько человек поднимает?

— А он на корабль сесть может?

— А вы нас покатаете?

Летчик потрясает в воздухе белым пакетом.

— Вопросы потом! А сперва помогите мне найти (он смотрит на адрес)... Алену Граскую из Праги! Ей срочный пакет! Из Одессы!

— Это я! Это я!..— раздается торжествующий мальчишеский крик. Лацо в своей широкой панаме, сползающей на глаза, отчаянно работая локтями, пробирается вперед, к летчику. Тот удивленно смотрит на него:

— Ты... Алена из Праги?

— Нет, я Лацо из Жилины.

— Для тебя я, к сожалению, ничего не привез!..

— Но мы же вместе... Вместе с Аленой... Мы чешские туристы! — Лацо оборачивается и кричит: — Алена! Алена! Скорей! Сюда!

Девочка, запыхавшись, раскрасневшись от волнения, тоже пробилась к вертолету, только с противоположной стороны.

— Я из Праги! Это мне...

— Документов не требую,— говорит летчик, протягивая Алене пакет,— хотя рискую головой! Один этот пакет везли на аэродром целых двадцать человек. И одна весьма серьезная гражданка, примерно вашего возраста, заявила: «Попробуйте только потерять! Здесь документ международного значения!» Просто запугала меня!..

— Ну да! Здесь ведь наша карточка! — говорит Алена, нетерпеливо разрывая пакет.— И вот еще... газеты! Смотрите: газеты!.. Целая пачка! Петр! Лацо!..

— Я вижу! Я здесь...— откликается Лацо, от волнения сдвигая панаму на самый затылок.— Дай их... Газеты будут храниться у меня!

Все жарче разгорается костер. Костровые подбрасывают сучья, на которые с жадностью набрасываются языки пламени.

Пионерка, ведущая концерт, объявляет:

— А сейчас пионеры второго отряда исполнят чешскую народную песню...

И вот юный голос запевает мелодичную песню, рожденную на чехословацкой земле. Песня растет, звучит все громче, все шире, все веселей. Вместе с русскими ребятами поют эту песню и Алена, и Лацо, и Петр...

У чешских ребят взволнованные, растроганные лица. В темной южной ночи, под звездным небом Крыма, над горами и над морем, над переливающимся огоньками берегом звучит их родная песня...

Жарко пылает пламя костра.

Чуть в стороне от костра библиотекарша Анна Павловна, с газетой в руках, летчик Пахомов и учительница Мачкова.

— Ребята никогда не увлекаются пустячными делами! — говорит Анна Павловна.— Уж поверьте мне: я тридцать лет с ребятами работаю...

— Конечно!— соглашается учительница Мачкова.— И я тоже считаю: это дело совсем не пустяковое.

— Дело-то благородное! — соглашается летчик.— Только вот не знаю, что из него получится... Бог его знает, где сейчас ваш бывший танкист! Советский Союз велик — где его искать? Как иголку в сене! Может, он сейчас где-нибудь в Антарктике... А вы давно из Праги?

— Недавно... Так вы считаете наши поиски безнадежными?

Летчик пожимает плечами:

— Как вам сказать... Хотел бы я, конечно, вам помочь, да не знаю, как! — продолжает Пахомов.— Впрочем, есть у меня один приятель, артист. Он, пожалуй, мог бы вам быть полезен...

— Артист? — удивляется библиотекарша.— А при чем тут артист?

— Артист Вартан Маргелян! — подтверждает летчик.— Сейчас он артист, но на войне он был танкистом и тоже участвовал в освобождении Праги. Хотя, честно говоря, и он может ничего не знать об этом неизвестном солдате...

— А где он сейчас? — интересуется Мачкова.

— Он выступает в цирке. У него оригинальный номер: «Мотогонки по вертикальной стене». Я, право, не знаю, где он сейчас может быть. Вообще-то он родом из Еревана, живет в Москве, а летом гастролирует по городам Союза. Одним словом, артист!

— Жалко! — вздыхает Мачкова.

— Да-а-а... Вот мечтаю побывать в вашей стране! И пиво ваше люблю. Пльзенское! — шутит летчик.

— Этим исчерпываются все ваши знания о Чехословакии? — смеется Мачкова.

— Нет! — не раздумывая, отвечает Пахомов.— Люблю «Проданную невесту» Сметаны, люблю «Черта и Качу» Дворжака, люблю...

Пионерский лагерь в Татрах. Сейчас здесь идет жаркая волейбольная игра. Болельщики окружили площадку.

Судья то и дело свистит, объявляя подачи мяча.

В одной из команд играет Вашек Калабис. Надо сказать, что играет он отлично. Его подачи, пасовки, резкие и сильные удары по мячу вызывают восторг болельщиков.

Вашек — сегодня герой спортивного дня.

Внезапно появляется пионерка. По нарукавной повязке в ней можно узнать дежурную по лагерю. В руках у нее большой конверт. Дежурная ищет глазами Вашека и, найдя его, подходит к краю площадки так, чтобы Вашек мог увидеть и услышать ее.

Вашек становится на подачу.

— Вашек! — тихо произносит девочка.— Тебе пакет из Одессы!

Вашек вздрагивает. Судья уже дважды дал свисток, но Вашек медлит с подачей. Болельщики удивлены: решается судьба игры!

— Откуда пакет? — переспрашивает Вашек.

— Из Одессы! — повторяет дежурная и показывает на советские марки в углу пакета.

— Хорошо! Потом! — стараясь сохранить спокойствие, говорит Вашек и посылает мяч в аут.

Болельщики возмущены: что случилось с Вашеком? Он же «король резаной подачи»! Но «король» через минуту пропускает два верных мяча. Игра закончена. Свист болельщиков и полное возмущение друзей Вашека.

Вашеку не терпится прочитать письмо из Советского Союза. Вот оно у него в руках. Он вскрывает конверт и достает из него газету. Со страницы ее смотрит знакомая фотография.

Ребята окружают Вашека. Они с любопытством заглядывают ему через плечо. Некоторые даже вскочили для этого на скамейку...

Внимание туристов привлекает летящий над морем вертолет.

Вертолет быстро снижается.

Палуба теплохода. Он идет курсом на Сухуми. Ялта осталась позади, видны ее последние домики на склонах гор.

Один из чехословацких туристов обращается к другому:

— Итак, подвожу итоги: в домике Чехова мы были, в Никитском ботаническом саду — тоже, на винном комбинате были и даже ознакомились с его продукцией...

— У меня до сих пор шумит в голове...— мечтательно вздыхает кто-то из туристов.

— Но мы не побывали в Артеке! — горестно восклицает одна из туристок.— Это ужасно!..

— Зато там побывали наши дети! — иронически замечает полная туристка.— Легкомыслие их руководительницы граничит с безумием. Отстать от теплохода! Невероятно! Из-за них содругу Туричеку пришлось остаться в Ялте. Они доведут его до сердечного припадка...

— Я слышал, что они выполняют какое-то важное поручение.

— Какое? Кто вам сказал? — живо заинтересовался журналист.

— Туричек.

— Сам Туричек?..

Внимание туристов привлекает летящий над морем вертолет. Он быстро приближается. Все пассажиры с интересом наблюдают за ним. Вот он уже повисает над теплоходом... Матросы тоже наблюдают за вертолетом, который, конечно же, не зря появился здесь и, кажется, не торопится дальше.

Вертолет снижается и летит рядом с теплоходом, настолько низко, что можно хорошо разглядеть лица его пассажиров: трех ребят, их учительницу и... Туричека!

Все пятеро улыбаются пассажирам теплохода. Делают знаки.

Пассажиры-туристы указывают друг другу на вертолет.

— Господи! — восклицает полная туристка.— Они перетянули нашего Туричека на свою сторону!

— Это нечестно! — произносит, смеясь, один из туристов.— Я бы тоже не имел ничего против прогулки на вертолете! А главное, они будут в Сухуми раньше нас...

Вертолет набирает высоту и берет курс на Сухуми.

Все туристы, в том числе и полная туристка, машут руками ему вслед...

Одесса. В кабинете редактора газеты звонит телефон. Редактор снимает трубку.

Будка телефона-автомата. В будке, прижавшись друг к другу, стоят четверо ребят. Возле будки толпятся другие ребята.

— Александр Петрович! — говорит Марина.— Это опять я! Вы уж нас извините! Ну как? Не нашелся?

— Пока нет,— отвечает редактор.

К телефону-автомату подходит гражданин в шляпе. Он, по всей видимости, хочет куда-то позвонить. Увидев скопление ребят возле телефона, он спрашивает:

— Все сюда?

— Все! — раздается в ответ.

Гражданин, покачав головой, уходит...

Кабинет редактора газеты. Звонит телефон. Редактор снимает трубку:

— У телефона...

Телефон-автомат в подъезде дома. Гражданин в шляпе говорит с редакцией газеты:

— Товарищ редактор! В вашей газете была опубликована фотография бывшего танкиста с ребенком на руках. Я знаю этого человека. Вернее, я знаю его жену...

Сухуми...

По залитой солнцем улице, мимо пальм, приветливо машущих своими широкими зелеными ветвями, словно гигантскими веерами, идет группа чехословацких туристов.

Петр, как всегда, что-то фотографирует.

Туристы проходят мимо большого рекламного щита. На нем изображен мотоциклист, застывший в головокружительном вираже. Надпись гласит:

«Гонка на мотоцикле по вертикальной стене. Вартан Маргелян».

Никто не обращает внимания на цирковой плакат.

— Куда мы сейчас идем? — спрашивает Лацо у Алены.

— В гости к нашим предкам! — отвечает та.

— К кому?! — удивлен Лацо.

...С ветки на ветку прыгает обезьяна. Это Сухумский обезьяний питомник. Его обычно посещают все туристские экскурсии, и наши туристы, разумеется, тоже заглянули сюда.

Возле одной из клеток, где обитает семья человекоподобных обезьян, стоят Алена и Петр. Петру приходит в голову гениальная идея — сфотографировать «предков» в непосредственной близости.

— Я хочу, чтобы не было видно решетки! — говорит он.

— Пусть все думают, что ты зашел прямо к ним в клетку! Да? — улыбается Алена.

Петр, не долго думая, просовывает свой фотоаппарат между прутьями клетки и хочет щелкнуть затвором. Но не тут-то было! Не успел Петр оглянуться, как его замечательный, единственный в своем роде фотоаппарат очутился в руках у одной из обезьян и был утащен на дерево.

Обезьяна обнюхивает аппарат и вдруг, подражая Петру и другим фотографам, которые, видно, часто надоедают ей, приставляет аппарат к глазам, будто готовясь снимать экскурсантов...

Как ни трагичен этот случай, все, кроме пострадавшего, не могут удержаться от смеха. Лацо даже плачет от смеха...

К клетке с обезьянами подходит служитель в белом халате и начинает открывать дверь клетки, строго поглядывая на ребят.

Уставшие туристы возвращаются из питомника в гостиницу. Опять тот же рекламный щит с афишей о выступлении Вартана Маргеляна.

Взрослые равнодушно проходят мимо цирковой рекламы, однако дети задерживаются.

— Хорошо бы пойти сегодня в цирк! — мечтательно говорит Лацо.— Смотрите, как интересно!

— Можно попросить Иржину! — говорит Алена.

Ребята догоняют Мачкову.

— Иржина! Давайте сходим сегодня вечером в цирк! — просит Лацо.

— Сегодня вечер у нас занят,— отвечает Мачкова.

— А может быть, все-таки мы пойдем в цирк? — умоляющим голосом говорит Лацо.— Сегодня там выступает артист Маргелян. На мотоцикле!

— Кто выступает? — настороженно переспрашивает Мачкова.— Как ты сказал?

— Артист Маргелян. Гонки на мотоцикле!

— Хорошо! — неожиданно соглашается Мачкова.— Я думаю, что мне удастся уговорить Туричека и он отпустит в цирк. А откуда ты узнал, что сегодня выступает артист Маргелян?

— А там написано, на большом щите! — показывает Лацо.

...Гремит бравурный марш.

У входа в цирк трое ребят: двое мальчишек и девочка.

Пионерка возмущается:

— Я говорила, что надо отдать ей билет, и пусть приходит сама!.. Всегда опаздывает!.. Осталось семь минут... А первый номер самый интересный!

— Сказала тоже: самый интересный! — усмехается один из мальчишек.— Дрессированные собачки!.. Самый интересный номер — гонки по вертикальной стене!

— А я очень люблю собак! — не сдается девочка.

— Вот дождемся еще одного автобуса и пойдем,— неторопливо, баском говорит второй пионер.— А билет ей оставим на контроле.

— Автобус! Автобус! — провозглашает второй пионер.

И в самом деле, к цирку подкатывает автобус.

— Служебный... Интуристов возит! — разочарованно говорит девочка.

Из автобуса выпрыгивают Алена, Петр, Лацо и учительница Мачкова.

Автобус отъезжает.

Мачкова обращается к пионерам, стоящим у цирка:

— Скажите, пожалуйста, где здесь продаются билеты?

— Билеты? А вы кто? Иностранцы?

— Мы из Чехословакии...

Пионерка восторженно обращается к своим приятелям:

— Слышали? Из Чехословакии! — И потом к туристам: — Я вас провожу... Я вам покажу...

Касса цирка закрыта. Висит аншлаг: «Все билеты проданы».

— Да-а... Нам не повезло! — солидно и тяжело вздыхает Петр. И сочувственно смотрит на Алену, которая тоже помрачнела.

— Ничего, ничего! — успокаивает ребят пионерка.— Все будет в порядке! Идемте за мной!..

И снова у входа в цирк.

— Давайте сюда билеты! — приказывает девочка-пионерка своим друзьям.— Мы сегодня не пойдем... Мы эту программу уже видели...

— Как это видели?! — удивляется один из пареньков.

— Очень просто! Неужели ты забыл? — невозмутимо говорит девочка, забирая у ребят билеты и передавая их чехам.

— Вот, возьмите, пожалуйста!..

— Это правда?— недоверчиво спрашивает Мачкова.

— Правда! Правда! Мы эту программу уже видели! — спешат подтвердить и оба пионера.

В это время из подошедшего автобуса выпархивает цветущая толстушка в пионерском галстуке. На ходу кокетливо приводя в порядок свой наряд, она бежит к ребятам. Подруга делает ей издали уморительные знаки: «Не подходи, не подходи к нам! Стой на месте!..»

Девочка в полном недоумении останавливается и растерянно оглядывает себя.

— Сколько мы вам должны? — спрашивает Мачкова.

— Нисколько! Нам дали билеты бесплатно — в городском пионерском лагере!

— И это правда?

— Ну, конечно, правда!

Лацо хватает билеты:

— Они будут храниться у меня! Вы потеряете...

— Идите скорей! Уже начало! — торопит пионерка, одновременно знаками удерживая на месте свою подругу.

— Спасибо! Большое спасибо!

Алена и Мачкова благодарят сухумских пионеров. И все четверо спешат в цирк.

Тогда пионерка милостиво разрешает подруге подойти. Та подбегает.

— В чем дело? Мы же опаздываем! — растерянно спрашивает девочка.

— Сегодня мы в цирк не идем! — отвечает решительная пионерка.

Девочка смотрит на красочный щит, на котором изображен мотоциклист, исполняющий номер на вертикальной стене.

Надпись на щите гласит:

«Сегодня и ежедневно
Вартан Маргелян».

Девочка тяжело вздыхает...

И вдруг плакат словно ожил: мы видим работающего на вертикальной стене мотоциклиста. Он исполняет головокружительные номера, заставляя весь зрительный зал, затаив дыхание, следить за каждым его движением.

В первых рядах зрителей наши друзья — чехословацкие туристы.

Но вот номер окончен. Ребята аплодируют ему. Лацо шепчет что-то на ухо Петру. Тот кивает головой в знак согласия.

Мачкова, чуть наклонившись к Алене, говорит:

— Идем!..

Все четверо поднимаются и, чуть пригнувшись, чтобы не мешать остальным, идут между рядами.

На сцену в это время выбегают два клоуна. Идет потешная интермедия, во время которой один из клоунов берет у зрителей разные вещи: часы, шляпы, носовые платки. Все это клоун обещает вернуть в целости и сохранности их владельцам. Зрители охотно идут ему навстречу.

Вот клоун замечает Лацо, идущего к выходу, и хватает его за рукав. Артиста привлекла широкая белая панама. Он протягивает к ней руку...

Но Лацо не дает.

— Нет, нет... Я не могу... Это подарок! Из Артека...

— Мы видим человека! Откуда? Из Артека! — тут же в рифму импровизирует клоун. Все аплодируют.

— Дай панаму... Отдай... Это же некрасиво...— шепчет Алена.

Лацо неуверенно протягивает клоуну свою панаму. Панама попадает в руки клоуна, и — о, ужас! — во что она превращается на глазах у публики: в нее льют воду, разбивают яйца, сыплют муку и опилки...

Лацо вне себя. В довершение всего публика умирает от хохота. Алена, Мачкова и даже солидный

У причала Одесского порта собралось много людей, встречающих теплоход.

Петр чуть не падают от смеха на пол. Но еще громче смеются они, когда, получив свою панаму обратно в целости и сохранности, Лацо испуганно, словно все еще не веря клоуну, заглядывает в нее... И потом, убедившись, что все в порядке, сам громко смеется.

И вот наши герои уже за кулисами цирка. Ребята идут мимо клеток с животными — львами, собаками, кроликами; они видят жонглеров и акробатов, репетирующих свои номера.

— Куда мы идем? — интересуется Алена.

— Терпение, терпение! — отвечает Мачкова.— Не только вам иметь от меня тайны... Сейчас вы все узнаете!..

Вартан Маргелян принимает гостей во внутреннем дворе передвижного цирка. Он отдыхает здесь после трудного номера. Мы узнаем в нем командира танка, который 9 мая 1945 года остановился в предместье Праги, возле дома Вашека. Да, это тот самый танкист, что помогал перевязывать своего раненого товарища.

Артист Маргелян приветливо поднимается навстречу приближающимся к нему Мачковой и детям.

— Здравствуйте!

— Слушаю вас, товарищи!

— Мы из Чехословакии...— тихо говорит Мачкова.— Помните Прагу?..

Лицо Маргеляна становится серьезным.

На миг водворяется молчание... Но вот Иржина продолжает:

— Нам очень понравился ваш номер!

— Очень понравился! — добавляет Алена.

— Но у нас есть к вам одно дело,— продолжает Иржина.— Вы не могли бы с нами поговорить?

— С удовольствием! — говорит Маргелян.— Я к вашим услугам.

— Мы слышали, что вы участвовали в освобождении Праги...

— Было такое дело! — серьезно отвечает Маргелян.

— Вы были танкистом? Правда?

— Да.

— Скажите,— продолжает Мачкова.— Вы случайно не знали этого человека? — С этими словами Иржина протягивает Вартану Маргеляну известную фотографию.

Артист долго и внимательно смотрит на карточку

Ребята с недоумением переглядываются.

— Да, это танкист Никитин. Степан Андреевич Никитин... Я провел с ним всю войну, с ним и до вашей Праги дошел... И карточку эту знаю: он не расставался с ней никогда...

Немного помолчав, как бы вспоминая что-то далекое и тяжелое, Маргелян добавляет:

— Прекрасный был человек!

— Почему «был»? — с тревогой спрашивает Мачкова.

И вот перед нашими глазами возникает то, о чем рассказывает Маргелян.

Первое утро мира в Праге... Но мирная жизнь еще только вступает на улицы города. Вчерашние баррикады, словно плотины, перегородили окраинные переулки и улицы. Одноэтажными красными домиками застыли в пути трамваи. Из мрачно насупившегося дома, сложенного из темно-серых гранитных глыб, советские бойцы и горожане бережно, поддерживая за руки, выводят ослабевших и измученных людей. Здесь было гестапо. Глаза заключенных отвыкли от солнца...

А сколько его сегодня в городе, щедро украшенном всеми дарами весны!

На улицах еще не видно троллейбусов и автомобилей, по городу еще разъезжают танки, но курсируют они не спеша, с каким-то негромким, умиротворенным рокотом, словно прогуливаясь, словно отдыхая после тяжкой боевой работы.

Мы узнаем одну из машин. И как же не узнать: на бронированной груди ее бело-розовый букет сирени. Да, это тот самый танк, что прижался на несколько минут к обочине дороги возле дома Вашека.

Машина сворачивает в переулок. Навстречу ей из двора высокого старинного дома, украшенного мирными витиеватыми башенками и балкончиками, бегут дети, женщины... И вдруг откуда-то сверху торопливая пулеметная очередь. Падает женщина. Мальчик схватился за ее руку. И так дико, так невероятно, что в это солнечное утро — утро мира! — еще погибают люди.

Нина Петровна берет карточку, тихо опускает голову.

Танк дернулся, словно от неожиданного удара, остановился. На мостовую выпрыгнули два танкиста — капитан Маргелян и танкист с перевязанным плечом — Степан Никитин... Пригнувшись, они бросаются в парадное высокого старинного дома.

Навстречу им по лестнице бегут трое мальчишек. Они не знают, что произошло на улице, и очень радуются, увидев советских солдат: хватают их за руки и тянут в квартиру, дверь которой открыта.

— Потом! Потом!.. Где у вас ход на чердак? Покажите! Только быстрее, быстрее!

Танкисты, следуя за ребятами, вбегают в квартиру. За столом, щедро уставленным едой, сидят три советских солдата и обедают. Хозяйка радостно приветствует появившихся двух танкистов.

— На чердак! — командует Маргелян, обращаясь к солдатам, сидящим за столом.— Скорей!

Солдаты бросают ложки и, схватив автоматы, устремляются за танкистами. Мальчишки бесстрашно показывают путь на чердак.

И вот чердак старинного дома. Низкие, угрюмые своды...

Белеет на веревке белье. Старые ящики, бочка... Возле окна судорожно и озлобленно припали к пулемету три фашиста. Они не успели удрать и теперь оказались в ловушке.

Происходит молниеносная схватка. Маргелян успевает очередью из автомата уложить одного из врагов. Двое советских солдат падают, раненные выстрелами фашистов. Степан Никитин, зайдя со стороны, бросается в рукопашную схватку с одним из пулеметчиков. Но раненое плечо мешает ему осилить врага, и когда Маргелян приходит ему на помощь, Никитин уже недвижим.

Маргелян склоняется над телом убитого товарища. А на улице люди все еще с опаской прислушиваются к тому, что происходит на чердаке дома. Чердак молчит. Люди смелеют, выходят из подъездов, окружают советский танк.

Снова причал Одесского порта. Ясное летнее утро. Здесь собралось много людей, встречающих теплоход. Но не меньше людей столпилось на палубе судна. И те, что в порту, и те, что на теплоходе, приветственно машут друг другу руками, платками, шляпами...

Судно медленно приближается к причалу.

Матрос Костя ловко забрасывает чалку, и ее подхватывает на причале другой, такой же ловкий и молодой матрос.

Среди встречающих мы видим сотрудников редакции газеты и наших неутомимых одесских следопытов. Здесь и Марина, и решительный Вовка, и любознательный Сашка с хохолком на макушке, и серьезная, задумчивая Соня в очках, и Борька, и даже Катя со своим маленьким Женькой... Братишка упорно тянет Катю за рукав.

— Ну, во-от еще! — зло шепчет ему сестра.— Всегда тебе нужно... В самые ответственные минуты. Ничего! Подождешь!

В руках у них цветы. Но ребята не одни: рядом с ними стоит немолодая женщина, в руках у которой тоже букет цветов. Пионеры напряженно вглядываются в лица пассажиров теплохода. Они еще не увидели тех, ради кого пришли сюда, кому принесли газеты и цветы.

Два матроса, и среди них Костя, спускают трап. По нему начинают сходить на берег чехословацкие туристы.

Юные чехи подходят к Косте, и каждый пожимает ему руку. Петр дарит на прощание значок. Костя прикалывает его к тельняшке.

Ребята начинают спускаться по трапу. И вдруг они сверху видят, как навстречу, пробиваясь сквозь толпу встречающих, бегут одесские пионеры, а вслед за ними еле поспевает немолодая женщина с букетом цветов.

Алена улыбается, а голос ее за экраном звучит тихо и грустно:

— Сколько у нас появилось новых друзей!.. И вот они бегут нам навстречу... И смеются... Они ведь еще не знают, что Никитин погиб и что карточку теперь некому будет передать. Я очень хотела выполнить поручение Вашека... Я так хотела! Но я не смогла...

Ребята бросаются навстречу Алене, Петру и Лацо, дарят цветы.

— Вы получили газету? Получили? — спрашивает Марина у Алены.

Алена ничего не отвечает, опускает голову...

В это время подбегает и немолодая женщина с букетом цветов. Она обнимает Алену и целует ее.

Алена смущена и растерянна: она ничего еще не понимает.

— Это же Нина Петровна, жена вашего танкиста! — торопится объяснить Марина.— Она нашлась по фотографии! Понимаешь?

Чешские ребята начинают кое-что понимать.

— Это мой муж! — взволнованно говорит женщина, указывая на снимок в газете.— Эта фотография сделана накануне войны... Спасибо! Спасибо вам, дорогие!..

— А ваша дочка? — осторожно интересуется Алена.

— Дочка?

— Ну да! Девочка!

— У меня нет дочки... У меня сын!

— А чья же это девочка на фотографии? — удивленно спрашивает Мачкова.

Женщина улыбается...

По трапу спускается матрос Костя. Он подходит к пожилой женщине и неожиданно для ребят нежно целует ее в щеку.

— Здравствуй, мама!

— Вот она, моя девочка! — говорит Нина Петровна и шутливо треплет сына за вихор.— Да, да! Не обижайся, пожалуйста: в детстве ты был очень похож на девчонку!

Наши герои потрясены...

Марина протягивает Косте номер газеты.

Костя смотрит на фотографию, читает заметку...

— Костя знает эту карточку,— тихо говорит Нина Петровна.— Она висит над его кроватью...

Группу ребят, Мачкову, Никитину и ее сына окружили чехословацкие туристы.

— Но почему же они все держали в секрете? Мы бы все... все бы им помогали!..— перебивая друг друга, взволнованно говорят туристы.

— Они хотели сами, без помощи взрослых! — объясняет Туричек.— И правильно! Я сам был таким в их годы!..

Алена бережно вынимает из кармана карточку и протягивает ее Нине Петровне.

— Вот видите... Здесь, сбоку... следы крови...

Нина Петровна берет карточку, тихо опускает голову. Матрос Костя обнимает мать.

— Приезжайте! Приезжайте к нам в Прагу! — словно стараясь ободрить их, горячо говорит Алена.— Я познакомлю вас с Вашеком, который хранил эту фотографию двенадцать с половиной лет... Приезжайте!..

— Мы приедем...— тихо отвечает Никитина.— Мы приедем к вам... к тебе, к Вашеку... и к нему!..

Она смотрит на фотографию мужа.

Прага. Город празднует день Освобождения. Уже смеркается. Вашек и Алена идут по вечернему городу, то сворачивая в узкие переулки, то пересекая площади, то проходя по улицам под высокими каштанами. В свете витрин и реклам Вацлавского Наместе блестят дождевые плащи—серый и голубой. Ребята идут не спеша, молча, иногда улыбаясь друг другу...

Они останавливаются возле закрытого уже в этот поздний час большого кафе-автомата.

Взглянув через витрину внутрь кафе, Алена улыбнулась и посмотрела на Вашека. Тот кивнул головой и засмеялся.

Видно, что оба они подумали об одном и том же...

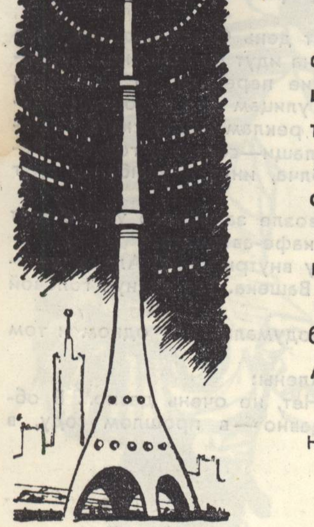
И мы слышим голос Алены:

— Это было давно... Нет, не очень давно... В общем, даже совсем недавно — в прошлом году, в конце мая...

Разговор о ближайшем будущем

Уже близко осуществление величайшей мечты человечества — мы приступаем к построению коммунистического общества. Скоро соберется XXI съезд Коммунистической партии. Он наметит план развернутого строительства коммунизма в нашей стране, он решит, что нам нужно сделать в первую очередь для его победы.

Уже за эту семилетку жизнь советских людей изменится до неузнаваемости. Каким будет наше завтра? Какие перемены в технике, в быту, в сельском хозяйстве произойдут в самое ближайшее время? Ребятам хочется знать это; они задают множество самых различных вопросов.

Разговор о ближайшем будущем, начатый в декабрьском номере в прошлом году, продолжается.

Какой будет теперь школа?

ШКОЛА БУДЕТ ГОТОВИТЬ ВАС, РЕБЯТА, К ТРУДУ. Товарищ Н. С. Хрущев говорил на XIII съезде комсомола: «У каждого, независимо от положения его родителей, должна быть одна дорога — идти учиться и, научившись,— работать».

Раньше, до революции, такого единого для всех пути не было. Дети из богатых семей только учились, не зная забот, и становились потом людьми «чистого», умственного труда: адвокатами, инженерами, учеными. Дети же из семей бедняков, как правило, не могли учиться. И на их долю выпадал лишь тяжелый физический труд. «Одним — труд, другим — образование и плоды труда» — таков был закон старого общества. В то время и человеком-то считали лишь того, кто не занимался физическим трудом. О таком говорили: «Он выбился в люди».

В нашей стране «выбиться в люди» — значит стать умелым рабочим, передовым колхозником, врачом, учителем — словом, стать полезным народу в любой области. У нас нет противопоставления труда умственного труду физическому.

Нашим государством управляют рабочие и крестьяне. А ведь когда-то говорили, что они «не способны» управлять.

И если кто-то рядом с вами разглагольствует о том, что, дескать, работать на заводе стыдно, знайте, что это он не сам придумал. Это еще задолго до него говорила буржуазия, а он лишь повторяет чужие слова. Он хочет в наше социалистическое общество перенести обычаи общества капиталистического. Вы, наверно, сами найдете, что ответить такому человеку.

Вы скажете ему:

— Посмотри! Все, что видят наши глаза, все, что нужно человеку, сделали руки рабочего и крестьянина. Все: дом, в котором ты живешь, одежду, которую ты носишь, стол, за которым сидишь, продукты, которые ты покупаешь в магазине. Как же можно не стремиться стать таким же полезным человеком? Как же можно не ценить людей, без которых нельзя жить, самых главных людей на свете?

По правде говоря, до сих пор в школах плохо готовили ребят к труду. Вот и полу-

чалось: окончит человек десятилетку и не знает, куда ему деться. В институт не поступил, на предприятие тоже берут неохотно: ведь он ничего не умеет...

Главная задача школы теперь такая: подготовить ребят к тому, чтобы после ее окончания каждый мог принять участие в полезном труде. До сих пор у нас обязательным было семилетнее образование. Те, кто сегодня учится в 5-м, отчасти в 6-м классах, должны будут закончить восьмилетнюю неполную среднюю общеобразовательную трудовую политехническую школу.

В школьных мастерских ребята научатся работать на станках, обрабатывать металл и дерево; девочки, кроме того, будут обучаться домоводству: шитью, кулинарии. На пришкольных участках, в школьных ученических бригадах ребята научатся выращивать овощи, кукурузу, цветы, ухаживать за домашними животными. В каждом классе будет выделено специальное время (от 12 до 24 дней в год) для общественно полезного труда. Так еще в школьные годы вы сможете познакомиться с несколькими профессиями и выбрать себе дело по душе.

Кстати, учиться в такой школе будет легче, потому что не будет перегрузки уроками. Ребята будут больше заниматься спортом, пением, рисованием, музыкой.

У некоторых из вас, ребята, могут возникнуть такие мысли: «Зачем же столько учиться? Шли же раньше на завод и совсем малограмотными, а работали, и неплохо». И некоторые не только думают так, но и «действуют»: учатся на двойки, а то и вовсе бросают школу, не доучившись. Эти ребята глубоко заблуждаются. Пройдет несколько лет, они вырастут, и обязательно спохватятся, и будут говорить: «Эх, что ж я наделал!»

Потому что у нас остается все меньше таких профессий, которые не требуют больших знаний. Чтобы работать на современных станках, управлять новыми машинами, рабочему надо знать и математику, и физику, и химию, и черчение. Тот, кто работает, например, на сложном станке, оборудованном электронными приборами,— тот уже не простой рабочий, про него не скажешь, что он занимается только физическим трудом. Нет, он должен быть образованным человеком, без знаний его и близко не подпустят к станку.

Вы уже, наверно, слышали о бригадах коммунистического труда, которые возникли в дни подготовки к XXI съезду партии. Посмотрите: все рабочие этих бригад решили продолжать свое образование. Казалось бы, зачем? Ведь они и так перевыполняют нормы, ведь это лучшие бригады. Но рабочие видят: чтобы трудиться на современных машинах, нужно много знать и быть культурными людьми.

Школа дает не только знания: она раз-

Самый интересный урок! Ребята, которые окончат 22-ю школу в Краматорске, будут подготовлены к труду.

вивает ум, память, смекалку, умение учиться; и тот, кто хорошо знает основы наук, тот быстро овладеет любой профессией — и самой простой и самой сложной.

Задумайтесь, ребята, над таким вопросом: да, стране для осуществления ее грандиозных планов нужно сейчас очень много металлистов и строителей, ткачих и продавцов, трактористов и комбайнеров, доярок и овощеводов. Но разве для этого обязательно обучать всех ребят литературе, истории, географии? Зачем это делается? Почему в тезисах о перестройке системы народного образования, одобренных Верховным Советом СССР, указывается, что надо лучше развивать художественный вкус школьников?

Да для того, ребята, чтобы вы выросли людьми высокой культуры, чтобы ваша жизнь была осмысленной, радостной, полной, чтобы каждый человек в нашей стране понимал живопись и поэзию, театр и музыку, был способен наслаждаться искусством, чтобы люди становились красивее, умнее.

Вот почему надо как следует изучать литературу и языки, историю и географию. Вот почему партия заботится о том, чтобы помочь всем юношам и девушкам получить среднее образование.

Для этого намечаются три пути.

Первый путь: работать на производстве и учиться в школе рабочей или сельской молодежи. Этот путь проверен жизнью. Тот, кто работает у станка, тот пойдет учиться не потому, что его «мама заставляет», а потому, что он сам понял, как это необходимо. И он будет хорошо учиться, как бы трудно ему ни было.

Второй путь — учиться в средней общеобразовательной трудовой политехнической школе с производственным обучением. Здесь можно получить и среднее образование и профессию для работы в народном хозяйстве.

А часть ребят сможет выбрать третий путь — пойти после восьмилетки в техникум, где учащиеся будут получать полное среднее образование, рабочую специальность и звание специалиста средней квалификации (техника).

Но на любом пути, какой бы вы ни избрали, вас ждет серьезное учение и интересный труд. Соединение обучения с производительным трудом, подготовка ребят к жизни — вот главный смысл принятого недавно «Закона об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования». Перестройка школ по новому Закону приведет к тому, что вы, ребята, вырастете знающими, культурными, трудолюбивыми людьми, строителями коммунистического общества.

Е. АФАНАСЕНКО,
министр просвещения РСФСР.

Скоро ли будет построен атомный ледокол?

АТОМОХОД «ЛЕНИН» УЖЕ ПОСТРОЕН. ОН ГОТОВИТСЯ К ПЛАВАНИЮ. Разрез атомного ледокола вы видите на цветной вклейке.

Сердце корабля — атомный реактор. На ледоколе три реактора; они заключены в общий защитный кожух и могут работать все вместе или каждый в отдельности.

Реактор — это большой цилиндр из толстой стали. В цилиндр опущены десятки урановых стержней. Чтобы стержни не крошились, они вставлены в прочную оболочку. Когда много стержней находится рядом, между ними начинается сильная «перестрелка» невидимыми частицами — нейтронами. От этого стержни все сильней нагреваются.

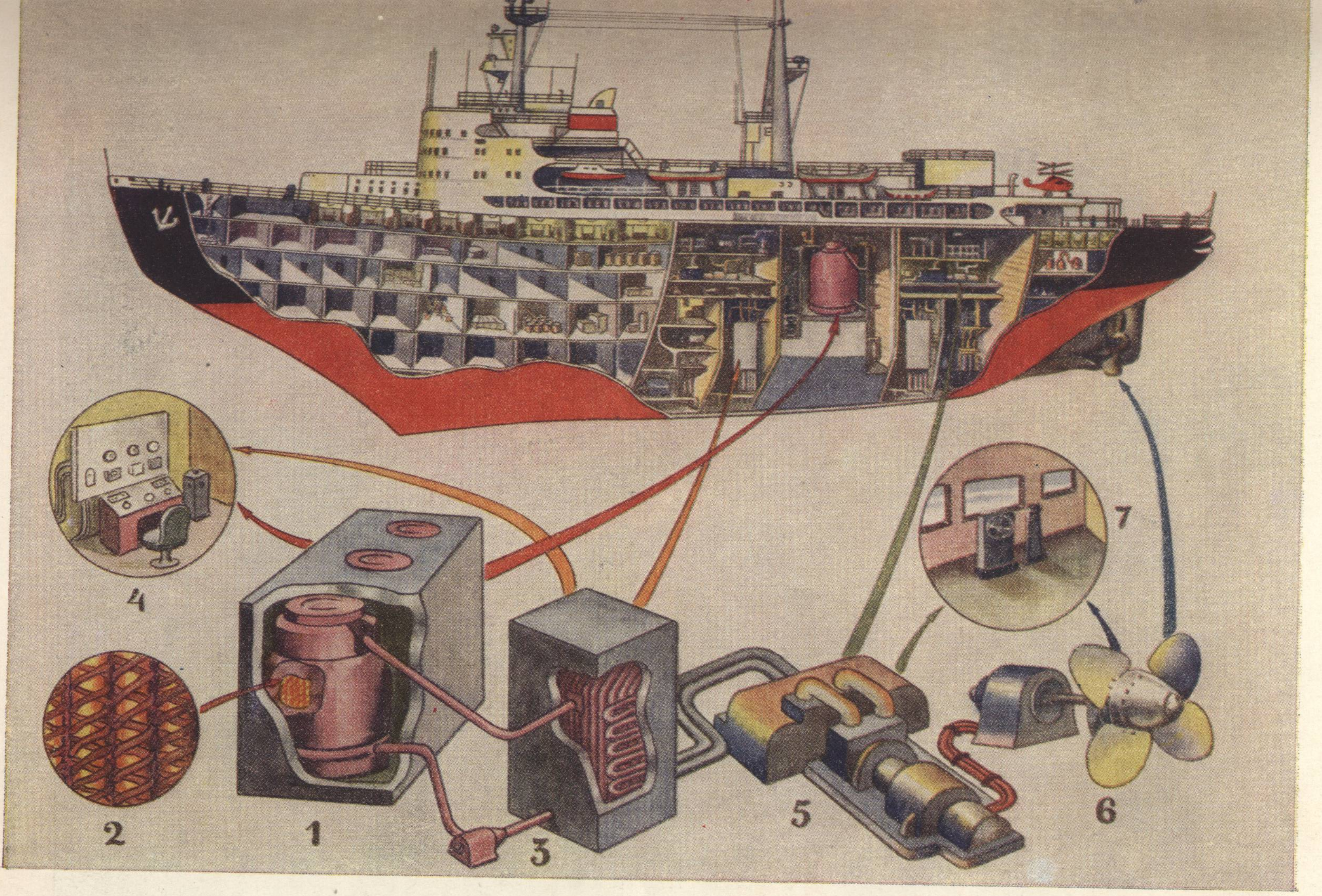
Чтобы отнять у них тепло, каждый стержень омывается водой. Она входит в реактор холодной, а выходит очень горячей, нагретой больше чем на 200 градусов. Но превращать воду в пар нельзя: она отравлена радиоактивным излучением. Эта вода идет в теплообменные аппараты и через стенки трубок нагревает другую, чистую воду. Отдав тепло, она возвращается обратно в реакторы. А чистая вода превращается в пар, который по паропроводам мчится в турбины, ударяет множеством струй в их лопатки и заставляет с огромной скоростью вращаться тяжелые турбинные роторы.

Вал каждой турбины соединен с валом электрического генератора, который при вращении вырабатывает ток для работы гребных двигателей корабля. У атомохода три винта, у каждого из них четыре широких, круто изогнутых лопасти. На лопасти может поместиться целый пионерский отряд.

На центральном посту управления дежурный инженер наблюдает за работой быстрых и точных приборов, которые автоматически управляют реакторами.

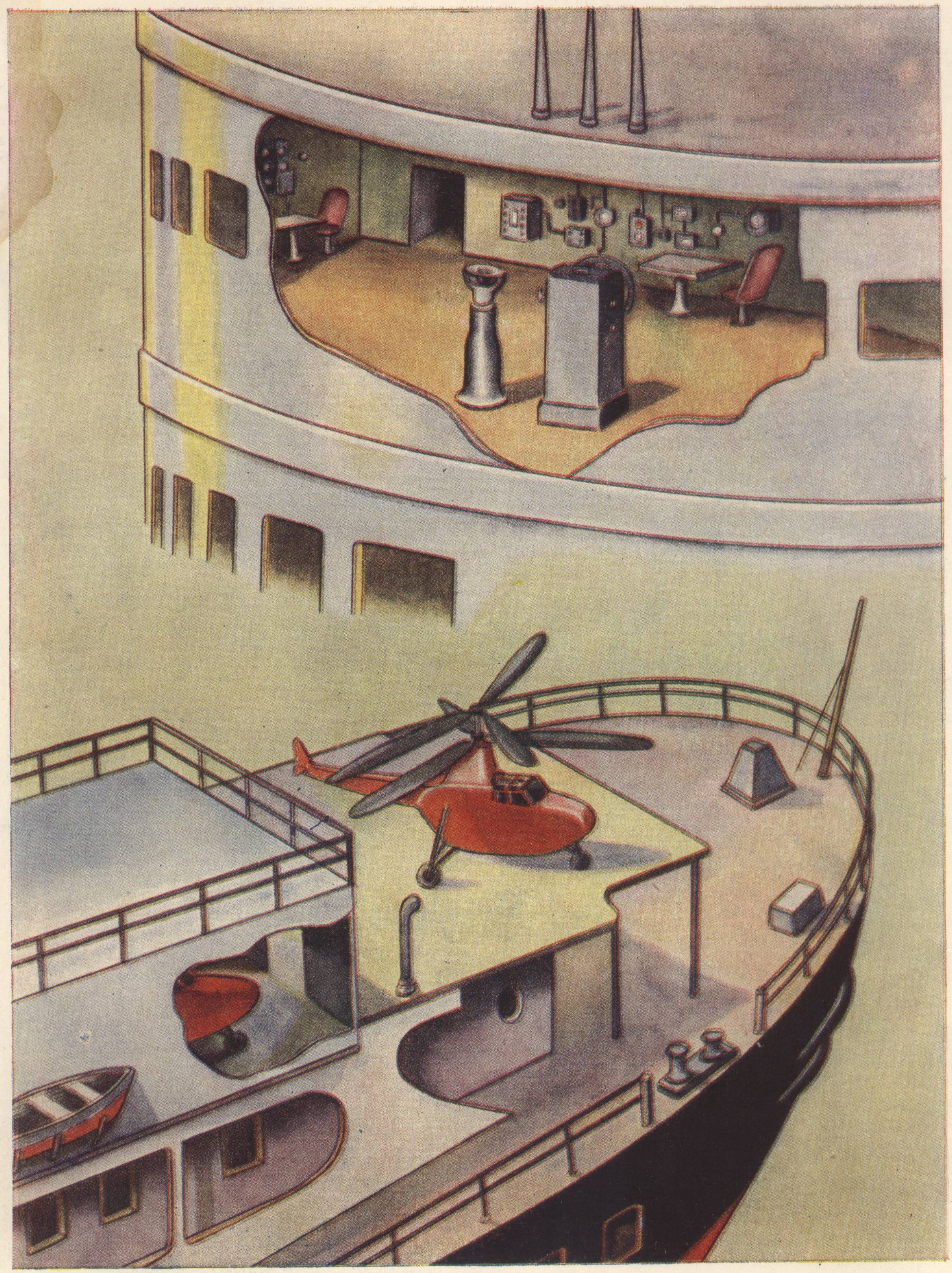
Работой гребных двигателей управляет из главной ходовой рубки вахтенный штурман. Стоит ему нажать кнопку, и гребные двигатели начинают вращать свой винт в нужном направлении.

Ходовая рубка — это огромный зал. В центре его установлен небольшой штурвал. Маленькая «баранка», не больше автомобильной, с поразительной легкостью поворачивает руль весом больше тридцати тонн. Рядом со штурвалом установлен компас.

Этот рисунок позволяет вам заглянуть внутрь нового могучего корабля — атомного ледокола «Ленин». Внизу схематически изображены источники его энергии и двигатели. Здесь колоссальные силы, скрытые в атоме, освобождаются и превращаются в энергию движения корабля.

1 — реакторы; 2 — урановые стержни, помещенные в воду; 3 — теплообменный аппарат; 4 — центральный пост управления работой реакторов; 5 — электрический генератор; 6 — гребной двигатель; 7 — ходовая рубка. Подробнее обо всем этом вы прочитаете в журнале.

На верхнем рисунке — ходовая рубка атомного ледокола; внизу — кормовая часть корабля. На ней свободно размещаются два вертолета и ангар.

Он тоже необычный. На всех современных кораблях указывает направление не магнитная стрелка, а быстро вращающийся волчок — гироскоп — и указывает более точно, чем обычный компас.

По прямому курсу корабль поведет рулевой-автомат. И ни один моряк не сможет соперничать с автоматическим рулевым. Только при маневрировании вахтенный возьмется за рукоятку штурвала.

Атомоход оборудован всеми новейшими приборами, которые есть на лучших современных кораблях.

В рубке множество автоматических помощников. Вот ультразвуковой прибор, прощупывающий глубину. На его экране видны все неровности морского дна. Он так хорошо «видит» под водой, что даже различает крупную и мелкую рыбу в проплывающих косяках.

Когда на море спустится непроницаемый туман и из рубки не будет виден даже нос корабля, на помощь штурману придет «сверхзоркое око» радиолокатора. Глядя на экран, моряки увидят берег почти за сорок километров, а голову плывущего человека — на расстоянии в три километра.

Вы хотите узнать скорость атомохода? Перед вами циферблат; его стрелка покажет в любой момент не только скорость, но и то, какой путь пройден кораблем.

Атомоход — это настоящий плавучий город, в нем больше девятисот различных помещений, и без телефона тут никак не обойтись.

Здесь есть не только мощная радиостанция и радиоузел, но и своя АТС — автоматическая телефонная станция.

Под носовой палубой вы видите на рисунке балластные цистерны. Их наполнят водой, когда нужно будет ломать очень толстый лед. От этого нос тяжелеет и удары его становятся сокрушительными.

На корме корабля есть небольшой аэродром; на нем стоит вертолет, а рядом, в ангаре,— второй вертолет. Вертолеты будут вылетать на разведку за сто и больше километров и по радио сообщать об опасных скоплениях льдов.

Моряки атомохода «Ленин» будут жить в одноместных и двухместных каютах. В каюте — диван и кровать, письменный стол, гардероб, два кресла. Кровать на день прячется в нишу. Диван установлен поперек, а кровать — вдоль корабля. При бортовой или килевой качке можно лечь где удобней.

Кроме салонов и просторной столовой, на корабле есть поликлиника, прачечная-автомат с удивительными стиральными «комбайнами». Чтобы все это показать, нам пришлось бы сделать рисунок размером с большую географическую карту. Ведь длина корабля — 134 метра, ширина — почти 30 метров и высота без надстроек — 16 метров. Его надстройка высотой с пятиэтажный дом. Когда атомный ледокол «Ленин» выйдет в плавание, вы увидите кинофильм о нем и сможете разглядеть все подробно. А ждать осталось совсем недолго!

Ю. Моралевич, инженер.

Будут ли машины, которые работают сами, совсем без людей?

КОНЕЧНО, БУДУТ. МАШИН, КОТОРЫЕ МОГУТ РАБОТАТЬ САМИ, БУДЕТ ОЧЕНЬ МНОГО У НАС. А вот таких машин, которые смогли бы обойтись совсем без человека, пока еще нет. Машин, которые работают сами, и сейчас немало. Часы, например, тоже сами работают: заведешь их, поставишь, а там целые сутки можешь даже и не вспоминать о них: в любое время дня и ночи они сами именно так, как нужно, повернут все три стрелки.

Но совсем без человека не могут работать даже самые лучшие часы. Во-первых, нужно их заводить. Во-вторых, как ни точны часы, они немножко все-таки ошибаются. Время от времени нужно исправлять их ошибки. А в-третьих, даже самые надежные часы «устают»: части их срабатываются, загрязняются, приходится чистить и ремонтировать механизм.

Когда-то — лет триста назад — часы считались очень сложным механизмом. Но были и тогда и раньше другие машины, которые работали сами...

Вот, например, мышеловка — это очень старинный механизм, а она ведь тоже работает сама, без человека.

Человек заряжает мышеловку и задает ей задачу: «Как только мышь потянет сало, захлопни дверцу».

А дальше мышеловка сама прекрасно справляется со своим делом. Справляется даже лучше, чем справился бы самый старательный человек. Она терпеливо стоит, тихая, неподвижная, холодная... Стоит так и день и два, если нужно, но как только мышь отважится потянуть за кусочек сала, мышеловка, словно ожив, «вспоминает» приказ, данный ей человеком, и мгновенно выполняет его с завидной точностью.

Вряд ли кому придет в голову утверждать, что мышеловка — «умная» машина. А вот человек, который придумал первую мышеловку, был, наверное, очень умным человеком. Он сумел так расположить, так организовать неодушевленные кусочки дерева и металла, что, подчиняясь законам природы, они на определенный сигнал (мышь потянула сало) ответили определенным действием (захлопнулась дверца).

Таких машин, которые на определенный сигнал отвечают определенным действием, в разное время было придумано множество. Их давно уже стали называть «автоматами», что по-гречески значит «самодвижущиеся».

Были и прежде очень сложные автоматы. Сохранились, например, и до сих пор созданные замечательными мастерами прошлого механические игрушки-автоматы, в которых куклы разыгрывают целые сцены: они ходят, танцуют, приседают, кланяются друг другу...

Вот новорожденная автоматическая линия. Она изготовлена на Московском станкостроительном заводе имени Серго Орджоникидзе и уже прошла испытания. В линии 12 станков-братьев. Их специальность — обрабатывать блоки цилиндров мотора. Отсюда, из этого цеха, их повезут в Харьков на тракторный завод «Серп и молот». Станки-автоматы будут сверлить, растачивать, фрезеровать, делать нарезку; что ни час, то сорок блоков готовы, а в цехе всего два человека наблюдают за работой автоматической линии.

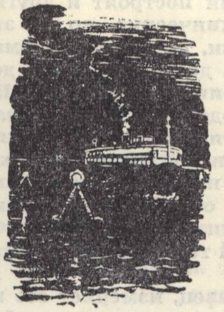

Но до тех пор, пока производство товаров из кустарных мастерских ремесленников не перекочевало в цеха фабрик, автоматы так и оставались более или менее курьезными игрушками.

Другое дело на фабрике. Там рабочий часто целый день делает одно только движение, допустим, открывает или закрывает в нужную минуту какой-то кран. Так неужели нельзя заменить такого рабочего автоматом? Конечно, можно, и во многих случаях это давно сделано. Есть даже легенда о том, как мальчик, поставленный к крану парораспределения одной из первых паровых машин, соединил веревочкой шатун с краном и, таким образом, изобрел автоматическое парораспределение.

Множество автоматических устройств с давних пор работает на фабриках и заводах. Но возможности автоматизации производства долгое время были скованы тем, что автоматы реагировали только на механические сигналы. Нужно было тронуть, толкнуть, нажать, потянуть, ударить по какому-то рычажку, чтобы автомат пришел в действие, или «сработал», как говорят инженеры. А живой человек может «сработать» и на другие

сигналы: живому человеку достаточно увидеть, услышать, попробовать на вкус, понюхать...

И еще одно большое неудобство тормозило развитие автоматики: чтобы передать движение, приходилось строить сложные системы передач с множеством осей, рычагов, шестерен, приводов... Системы эти были не очень надежны, не очень точны, часто слишком тихоходны — они срабатывали с опозданием...

Но вот на помощь человеку пришло электричество. И сразу огромный скачок вперед сделала автоматика. Сердцем этой новой автоматики стало электромагнитное реле. Подчиняясь слабому электрическому сигналу, с невиданной скоростью бегущему по проводам, электромагнитное реле замыкало электрическую цепь, куда нужно направляло потоки электроэнергии, а та уже могла выполнять работу: открывать и закрывать двери и краны, пускать и останавливать станки, включать и выключать двигатели, зажигать и гасить свет и делать тысячи других дел, на которые способно электричество.

Потом электрический автомат научился «видеть». Нехитрое устройство — фотоэлемент — сделало световой сигнал для электрического автомата ничуть не менее надежным, чем механический, тепловой, химический и другие.

А когда появилась на свет электронная лампа — удивительное реле, позволяющее улавливать, различать и усиливать в миллионы раз самые ничтожно слабые электрические сигналы,— вот тогда во многих случаях электрический автомат не только встал наравне с живым человеком, но кое в чем и обогнал его.

Сейчас где только не работают автоматы!

Есть автоматы, которые с наступлением темноты зажигают огни на речных бакенах, а по утрам гасят их; есть автоматы, которые в полете ведут самолет надежнее самого опытного пилота; есть автоматы, которые лучше любого диспетчера командуют движением большого железнодорожного узла; есть автоматы, которые за пятнадцать копеек почистят вашу обувь; есть автоматы, которые управляют полетом ракет.

Недавно на Пленуме Центрального Комитета КПСС выступал товарищ Логинов. Он рассказал о том, как обыкновенный трактор с небольшим приспособлением превратился в машину, которая сама пашет землю лучше самого внимательного тракториста. Этот трактор-автомат не знает усталости, в любую жару и в холод, днем и ночью пашет без огрехов.

Много есть автоматов, но всего удивительнее заводские автоматические линии — цеха, которые работают без людей.

Станки-автоматы появились давно. С помощью электрических, гидравлических, пневматических и механических устройств такие станки выполняли отдельные, вполне определенные операции точнее, быстрее и лучше, чем самые опытные рабочие.

Потом рабочий снимал деталь со станка автомата, переносил на другой станок, тот делал свою долю работы... Другой рабочий переносил деталь на третий станок, и так далее, пока металлическая болванка, допустим, не превращалась в готовое изделие...

Линию станков-автоматов обслуживали живые люди. И обидное получалось для людей положение: «глупые» станки — любой из них не умнее мышеловки — выполняли сложную, точную работу, а умные люди — на побегушках у станков — только и делали, что от одного к другому переносили детали.

А нельзя ли и это дело поручить автоматам?

Оказалось, что можно, но не так просто. Перед создателями первых автоматических линий, линий комплексной механизации, встали те же задачи, что и перед создателем первой мышеловки: нужно было так расположить, так организовать все механизмы и автоматы линии, чтобы вся система четко и слаженно, не «заедая», выполняла уже не одну операцию, а целый цикл, целый комплекс операций.

Сейчас есть у нас автоматические линии, на которых с одной стороны закладывают в машину рулоны хрома, катушки ниток, клей, полотно, подметочную кожу, блочки, а на другом конце с конвейера снимают готовую обувь. За восемь часов такая линия выпускает почти три тысячи пар обуви, а обслуживают эту линию всего несколько наладчиков.

Есть автоматические линии, которые выпускают детали электродвигателей, подшипники, автомобильные поршни... Эта линия, в частности, работает с точностью до тысячной доли миллиметра... Она работает сама, эта линия. Она сама следит за тем, чтобы детали были выполнены с должной точностью. Если появится брак, она сама выкинет бракованную деталь... И все же «совсем» без человека не может обойтись и эта линия. Человек следит за ее работой, человек в случае нужды налаживает эту линию, меняет сработавшийся инструмент, заменяет «уставшие» механизмы и детали...

Сейчас сто пятьдесят таких линий работает на заводах нашей страны. В ближайшие семь лет на специальных заводах построят еще тысячу четыреста новых автоматических линий, которые будут вырабатывать самые разнообразные изделия. Десятки автоматических линий построят и другие предприятия: автомобильные, тракторные, электротехнические, но и это не все. В скором времени у нас будут не только станки, не только автоматические линии, а и целые заводы, где все, от начала до конца, будут делать автоматы. Сейчас уже строится такой завод шарикоподшипников. Но этим, конечно, не ограничится автоматизация производства. Уже есть, например, станки с программным управлением. Вот эти станки, на взгляд непосвященного человека, действительно производят впечатление «умных».

Представьте себе какую-нибудь сложную деталь, например корабельный винт. Есть станки, которые без помощи человека обрабатывают такие детали, но, прежде чем запустить такой станок, приходится сделать образец и команду станку дать примерно в таком виде: «Сделай точь-в-точь, как эта штука».

И станок делает: сам внимательно ощупывает образец, измеряет его во всех направлениях, соответственно устанавливает инструмент, сам выбирает нужный цикл работы... И все же один он не может работать, ему нужна модель. А новые станки — те будут самые сложные детали делать без модели. Вместо модели в них будут закладываться магнитофонные ленты, на которых электрическими сигналами записана программа работы такого станка. Ведь в конце концов, если рассмотреть действия станка при выполнении им самой сложной работы, все эти действия можно свести к нескольким простым операциям. И вот, оказывается, математическим путем можно рассчитать наперед все эти действия, все операции, перенумеровать их, записать на магнитную пленку и таким образом дать станку сложное задание.

И, когда разберемся, получается, что этот «умный» станок ничуть не умнее обыкновенной мышеловки: так же, как и мышеловка, он на определенный сигнал отвечает определенным действием.

Но есть все же машины, которые «поумнее» мышеловки. Это те машины, которые обладают «памятью» и «умеют» делать «выбор». Эти машины не торгуют билетами, не режут металл, не шьют сапоги: у них другая работа — они считают. Самые сложные подсчеты, на которые человеку приходится тратить долгие часы напряженной умственной работы, эти машины производят в считанные секунды. У них совершенная «память», все, что нужно «запомнить», такая машина записывает на магнитную пленку и хранит столько времени, сколько нужно. А когда приходится выбирать решение, такой машине ничего не стоит перебрать в своей «памяти» все возможные случаи и выбрать наилучший.

Такие машины «думают» в десятки раз быстрее, чем человек, но совсем без человека и они не могут работать. Как сложному станку человек задает программу работы, так и самой совершенной счетной машине нужно задать программу работы, без которой весь ее молниеносный счет, вся ее чудовищная память не принесут никакой пользы...

Так было, так и будет всегда: человек останется хозяином, командиром, а машина — самая совершенная, самая «умная» — будет лишь выполнять его волю, его приказы, его задания.

С каждым годом все большую и большую часть своей работы человек будет поручать машинам, оставляя за собой только командные посты. Над этим трудятся сейчас ученые, инженеры, математики... Об этом написано и в тезисах по семилетнему плану: «Переход к комплексной механизации и автоматически управляемому производству с применением средств электронной техники составляет наиболее характерную черту современного технического прогресса и должен быть основным направлением в создании конструкций новых машин».

В. Степанов,
инженер
А. Некрасов,
писатель.

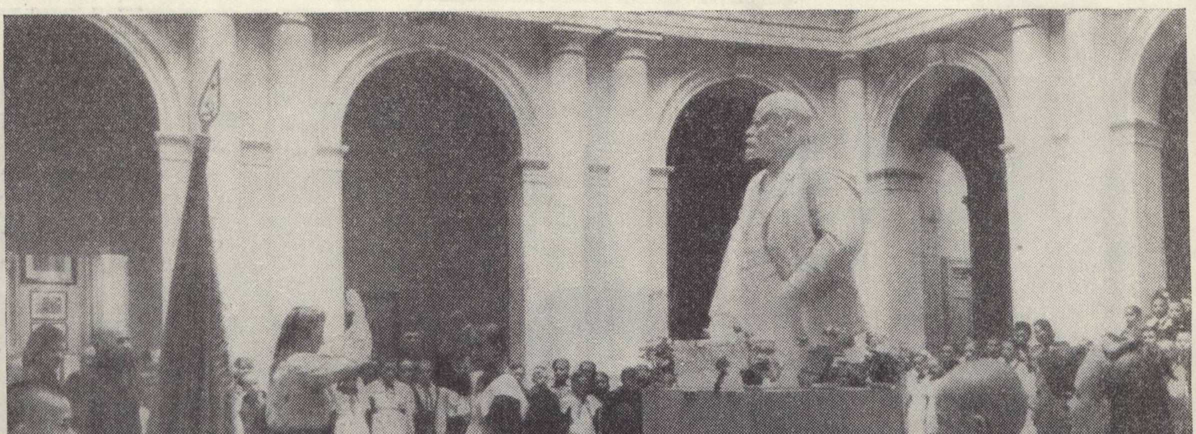

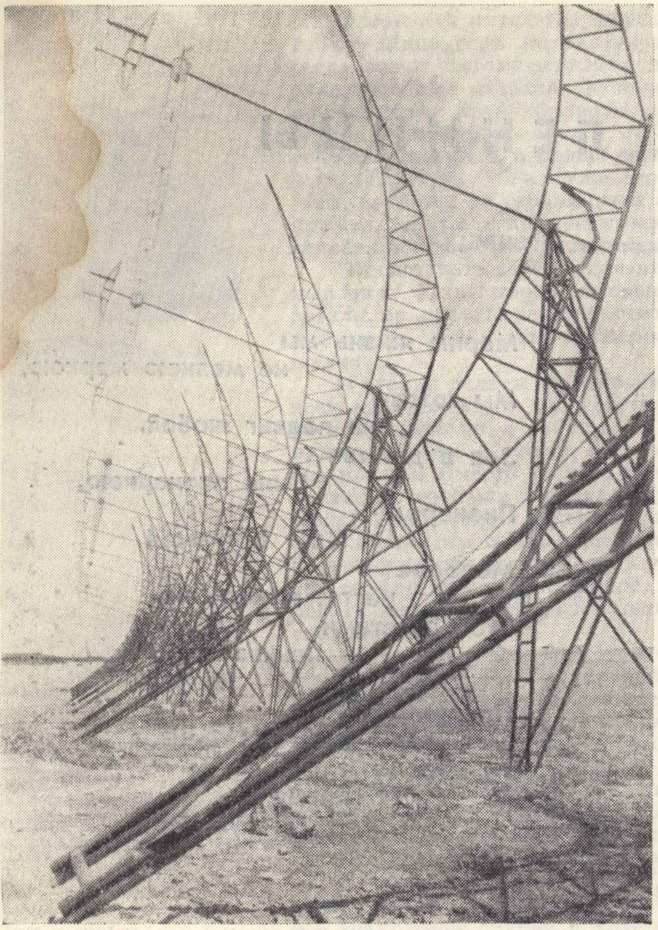
ЮНЫЕ ЛЕНИНЦЫ

Владимир ЛИФШИЦ

Нам открыты
пути небывалые,
Пионеры
всегда впереди,
Пионерские
галстуки алые
Пламенеют
у нас на груди!
Все мы клятву
давали у знамени —
Не нарушим
ее никогда.
Овладеть
обещали мы
знаньями,
Не бояться
любого труда.

Мерим жизнь мы
не мелкою меркою,
Мы готовы
на подвиг любой.
Зоя в детстве
была пионеркою,
Пионером —
Олег Кошевой!
Молодое
растет поколение,
Чтоб заветами
Ленина
жить,
По примеру
великого Ленина
Трудовому
народу
служить!

ШАГИ СЕМИЛЕТКИ

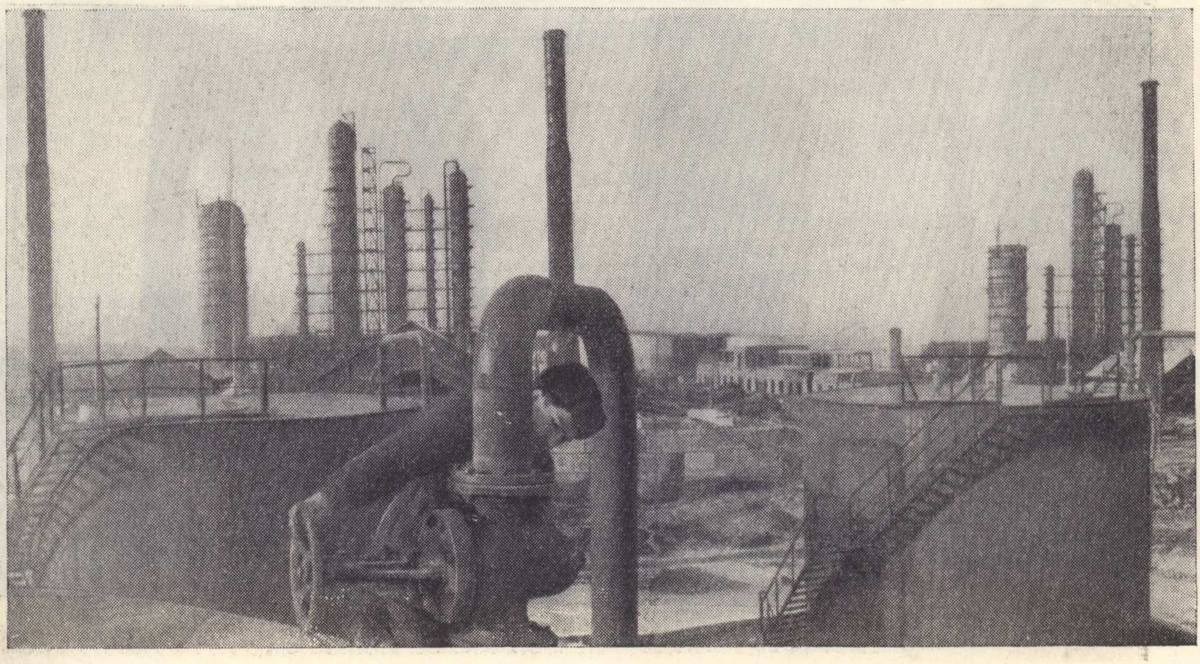
В наши дни, когда в великий семилетний поход двинулся советский народ, дел у нас на земле непочатый край. А мы еще и на небо заглядываем.

Оказывается, и там, на небе, ждут нас неотложные дела. Из мирового пространства прилетают к нам частицы вещества, доносятся тихие шорохи «голосов» далеких звезд... Изучая пути космических частиц, наблюдая жизнь других миров, ученые лучше узнали землю, заглянули в самые сокровенные тайны строения вещества, нашли дороги к раскрепощению неисчерпаемых запасов энергии атомного ядра.

Вот тут, на фотографии, радиотелескоп, который устанавливают в горах Армении. На миллиарды километров в глубь мира заглянут наши ученые с помощью этого телескопа и, может быть,— кто знает? — сделают еще немало открытий.

Внизу тоже интересный снимок: это самый обыкновенный нефтеперерабатывающий завод. Таких сотни у нас в Союзе.

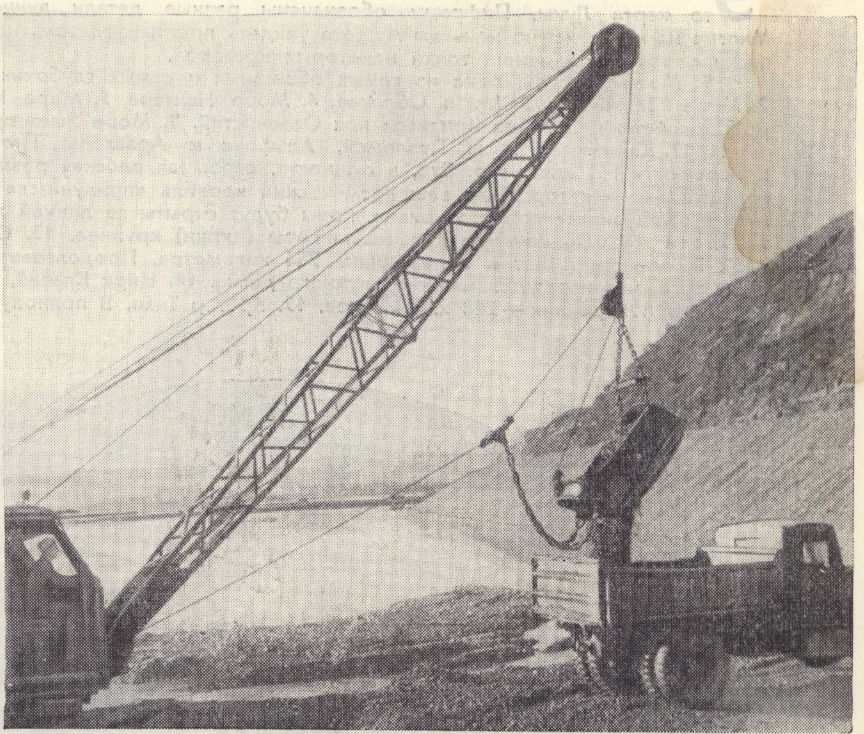
Но этот завод построен там, где недавно еще глухая тайга шумела на склонах прибайкальских гор, в городе Ангарске, рядом со строящейся Ангарской ГЭС, которая скоро даст много дешевой электроэнергии.

Прежде чем закладывать завод, нужно построить путь к месту работ.

Здесь вы видите прокладку подъездных путей к строительству нового металлургического завода в Западной Сибири...

И телескопы-гиганты, и новые заводы, и могучие электростанции — все это кирпичи в фундамент коммунизма, подъездные пути к завтрашнему дню.

А на фотографии внизу сняты строители коммунизма — рабочие киевского завода «Красный экскаватор».

Объединившись в бригаду коммунистического труда, они решили заставить машины работать быстрее и лучше, чтобы обогнать время, приблизить светлое коммунистическое завтра.

А чтобы самим не отстать от времени, чтобы с гордо поднятой головой прийти в завтрашний день, все они решили учиться, повышать квалификацию, быть примером для других и на работе и в быту.

Это карта Луны. Цифрами обозначены разные детали лунной поверхности. Многие из них в ясную ночь вы можете увидеть простым глазом: например, темные пятна «морей» или яркие точки некоторых кратеров.

1. Море Дождей, одна из самых обширных и самых глубоких лунных впадин. **2.** Море Влажности. **3.** Море Облаков. **4.** Море Нектара. **5.** Море Изобилия. **6.** Море Спокойствия. **7.** Море Кризисов или Опасностей. **8.** Море Ясности. **9.** Океан Бурь. **10, 11, 12.** Кольцевые горы Птоломей, Альфонс и Арзахель; Птоломей имеет в поперечнике 161 километр. Это, в сущности, огромная плоская равнина, окруженная кольцом высоких гор. Если ваш космический корабль «прилунится» посреди Птоломея, вы не увидите горного кольца. Горы будут скрыты за линией лунного горизонта. И все же есть на Луне кольцевые горы (цирки) крупнее. **13.** Самый обширный цирк Гримальди имеет в поперечнике 254 километра. Продолговатым он кажется из-за того, что находится на краю лунного диска. **14.** Цирк Клавий, второй по величине. Его поперечник — 248 километров. **15.** Кратер Тихо. В полнолуние он выглядит

чрезвычайно ярким, и от него, простираясь чуть ли не на половину лунного диска, расходятся светлые лучи. Кратер Тихо с его лучами виден в полевой бинокль. Даже простым глазом он различим, хотя и не так хорошо. Есть и другие светлые кратеры: Коперник — **16;** Кеплер — **18. 17.** Горная система Кавказ. **19.** Апеннины. **20.** Альпы. **21.** Алтай. **22.** На границе Моря Дождей и Океана Бурь стоит кратер Эратосфен.

Мы находились среди громадного амфитеатра, в обширной круглой равнине на дне гигантского кратера. Его обрывистые стены замыкали нас со всех сторон. На западе они были озарены светом еще невидимого солнца, вырисовываясь ослепительно ярко на фоне звездной темноты.

Слабый свет вокруг нас отражался от западного края кратера и открывал обширную волнообразную равнину, холодную и серую, постепенно темнеющую к востоку. Бесчисленные вершины, призрачные холмы, сугробы снегоподобного вещества. Но то, что я принял за снег, оказалось замерзшим воздухом.

Потом вдруг сразу наступил лунный день. Солнечный свет скользнул по скалам, коснулся нагромождений у их подошв и, точно в сапогах-скороходах, быстро достиг нас.

...Серые вершины вспыхивали одна за другой и клубились дымящимся паром. Резкие контрасты белого и черного в окружающем пейзаже исчезали. На востоке все еще стелился туман, но на западе небо было голубое и чистое. Мы находились уже не в пустоте, а в атмосфере. Всюду расстилались ярко освещенные солнцем широкие ржаво-бурые пространства голой изрытой почвы. На скате нерастаявшего сугроба виднелись разбросанные сухие ветки такой же бурой окраски, как и скалы. Ветки! В мертвом мире! Когда я приглядывался к ним, то заметил, что вся лунная поверхность покрыта волокнистым покровом, похожим на ковер из опавшей бурой хвои... Я увидел между опав-

НА ЛУНЕ

Е. РУБЦОВА

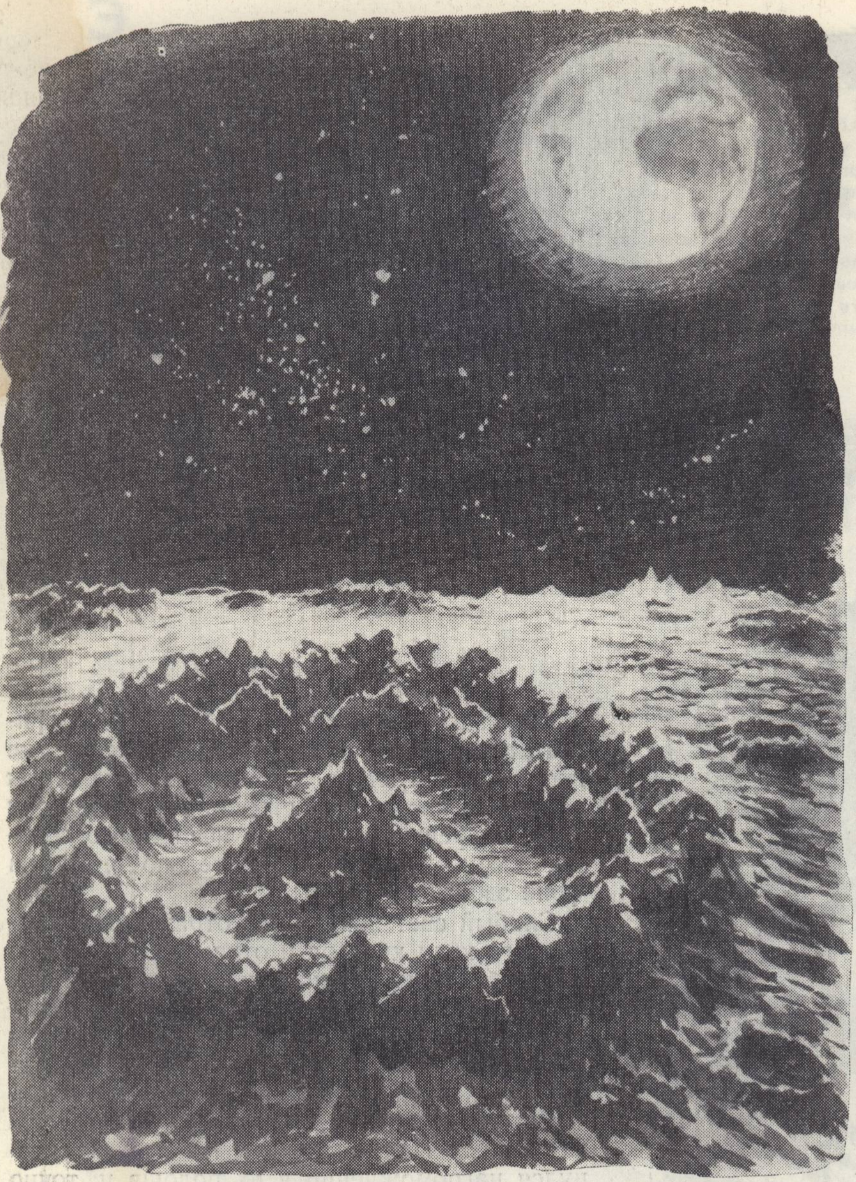
Рисунки П. Кирпичева.

А за этой бахромой возвышался силуэт массивного растения, узловатого, вроде кактуса. Оно росло на наших глазах. Стоило отвернуться на минуту и снова взглянуть, как контуры его уже изменялись.

Этот быстрый рост лунной растительности казался чудом. Представьте это! Представьте утро на Луне! Оттаивание мерзлого воздуха, оживающую и шевелящуюся почву, бесшумный быстрый рост стеблей и листьев...

Так рассказывает о своем путешествии на Луну мистер Бедфорд. Но если бы мистер Бедфорд существовал на свете, а не был придуман английским писателем Гербертом Уэллсом и если бы он действительно попал на Луну, он бы этого там не увидел. Во всяком случае, не увидел бы ни сугробов «замерзшего воздуха», ни растений, которые спешат распуститься, пока тянется двухнедельный лунный день.

Он увидел бы резкие тени, темные, как ночь, увидел бы белый ослепляющий свет солнца, медленно плывущего по черному небу среди ярких звезд, и огромный диск Земли в туманном ореоле земной атмосферы. Он увидел бы скалы, острые и зубчатые, как хребет сказочного дракона, нагромождения угловатых каменных глыб, не сглаженных ни дождями, ни ветрами, ни волнами прибоя. Он увидел бы зияющие черными трещинами равнины, засыпанные слоем ноздреватых каменных осколков, щебенки и пыли. Да мы почти в точности видим все это и с Земли. Мощные телескопы показывают Луну такой, какой она представлялась бы пилоту межпланетного корабля с высоты всего ста двадцати километров.

Ночи на Луне светлее земных. Диск «полной» Земли в тринадцать раз больше, чем лунный, а отраженного солнечного света Земля посылает Луне в восемьдесят раз больше, чем полная Луна Земле.

шими иглами какие-то круглые или овальные тельца, которые можно было принять за гальку. Вдруг одно из них, потом другое зашевелилось и раскрылось, показывая зеленовато-желтый росток, потянувшийся к лучам восходящего солнца. Через несколько мгновений зашевелилось и лопнуло третье тельце. С каждой секундой количество лопающихся семян увеличивалось. Уверенно и быстро они пускали из себя корешок в почву и изогнутые ростки в воздух.

...Весь откос, еще недавно такой мертвый, покрылся теперь темной оливково-зеленой растительностью колючих листьев и стеблей.

Обращенная к нам сторона Луны — горы, равнины и другие подробности лунных ландшафтов изучены лучше, чем земные, потому что тут географы в худшем положении, чем селенографы. Географы ни разу не видели Землю целиком со стороны. Правда, они зато ходят по Земле, они могут взять в руки и рассмотреть любой камешек, который их заинтересовал. И все же лунные горы, видные как на ладони, лучше известны, чем горы Антарктиды и даже чем Памир. Ведь всего каких-нибудь два десятка лет назад был обнаружен и измерен самый высокий пик Памира, а самая высокая вершина Луны — девятикилометровый пик близ лунного южного полюса, в горной цепи Лейбница — известна с прошлого столетия. Еще Галилей начал измерять высоты лунных гор по их теням, а ведь это было больше трехсот лет назад.

Из чего состоят лунные горы? Чем покрыта поверхность Луны? Почему лунные «моря», о которых известно, что в них нет и никогда не было воды, почему они темнее остальных областей Луны? Об этом жители Земли знают очень много, хотя никто еще не держал в руках даже самого маленького обломка горных пород Луны.

О Луне нам рассказывает прежде всего лунный свет. Измеряя разными способами отражение солнечных лучей от лунной поверхности, ученые сравнивали результаты с отражением солнечного света разными земными веществами.

Они получили ответ: лунные горные породы больше всего похожи на вулканические лавы и на вулканический пепел Земли. В гористых областях — более светлые лавы, на поверхности «морей» — темные лавы.

Измеряя температуру лунной поверхности с помощью чувствительных электрических «градусников», астрономы узнали, что во время лунного дня, который длится целых две недели, солнце накаляет каменистую поверхность Луны больше чем на сто градусов, а после заката солнца, с наступлением лунной ночи, температура падает до ста шестидесяти градусов мороза.

Есть ли на Луне настоящая атмосфера? Уже давно ученые ответили: «Нет». Отсутствие воздушной оболочки видно даже «на глаз». На Луне нет полутеней. На Луне нет ни сумерек, ни рассвета. Когда Луна в своем пути по небу заслоняет звезду, звезда исчезает за краем лунного диска сразу, мгновенно. Это признаки, что атмосферы нет. И все же ученые продолжали измерения и наблюдения.

Московский астроном Ю. Н. Липский особыми способами исследовал свет на терминаторе (так называется граница тени между освещенной солнцем, дневной половиной лунного диска и темной, ночной). С помощью тончайших измерений ему удалось «поймать» атмосферу Луны. Ее плотность тоже оказалась тончайшей: по расчетам Ю. Н. Липского, она в десять тысяч раз меньше, чем у нашей земной атмосферы. Это в десятки, а может, и в сотни раз больше того, что предполагали раньше. И все же такую призрачную атмосферу можно не брать в расчет. Не мудрено, что все видимые признаки показывали ее отсутствие!

Кроме безводных «морей» и горных цепей, немного напоминающих земные, есть особый вид гор на Луне: кольцевые горы, кратеры и цирки. Они словно гигантские плошки с дном в десятки и даже в сотни километров и с краями, возвышающимися на два, на четыре, а то и на семь километров. Сотни кратеров и цирков измерены. Нанесены на карты все видимые детали. Разрушенные кратеры, от которых остались только призрачные, светлые следы на поверхности лунных «морей», и те нанесены на карты.

Даже вторая, невидимая половина Луны на одну десятую потеряла свою таинственность. Двигаясь вокруг Земли, Луна медленно покачивается. Эти покачивания, либрация, позволили астрономам время от времени бросать взгляд на ту сторону и обнаружить — по крайней мере с краев, поблизости от видимой половины,— те же цирки, те же кратеры, те же острые зубчатые гребни, пики, темные пятна «морей».

Так, может быть, больше нечего узнавать на Луне? Может, все теперь известно, потому что бесчисленные «путешествия на Луну» с помощью телескопов уже все раскрыли о неразлучной подруге нашей Земли?

Нет, еще далеко не все известно! Есть много спорных и неясных вопросов.

Вот лунные цирки и кратеры уже добрую сотню лет как изучаются, но почти столько же времени идет нескончаемый спор, как они образовались.

— Это вулканические кратеры,— говорят одни ученые.

— Тогда почему ничего подобного нет среди вулканов Земли? — возражают им другие.— Ведь Земля больше Луны, у нее вулканическая деятельность и сейчас продолжается.

— Вот именно! Земля больше Луны! На Луне сила тяжести в шесть раз слабее. Там любой брошенный камень в шесть раз дальше летит. Поэтому вулканические изверже-

Вот три кольцевых горы на берегу Моря Облаков. Вверху — Птоломей, внизу — Арзахель. В середине — Альфонс, недавно удививший ученых всего мира. Это здесь, на его центральном пике, было обнаружено вулканическое извержение впервые в истории изучения Луны.

ния породили на Луне грандиозные кратеры. Таким земное тяготение не дало бы образоваться.

— И все же вулканические процессы здесь ни при чем! Да их никогда и не было на Луне! Кратеры и цирки образованы взрывами метеоритов, падавших на Луну из межпланетного пространства.

— Хороши метеориты, делающие воронку диаметром больше двухсот километров!

— Ну и что ж такого! Могут быть огромные метеориты.

— Так почему на Земле нет от них воронок?

— Как нет! А Каньон Дьявола в Аризоне?

— Сравнили! Каньон Дьявола — всего один километр в поперечнике, а не двести.

— На Земле атмосфера...

— Но она не может задержать падение космического тела, способного сделать воронку, в которой поместится Бельгия.

— Ну, вероятно, такие воронки образовывались прежде и у нас на Земле, но это было так давно, что следы их исчезли. Ведь ветер и вода все сглаживают!

Вот так длится спор. В этот спор уже вмешались и геологи, но он все еще не кончен. Обе стороны находят новые доводы в свою пользу.

— Этот спор по-настоящему кончится только на Луне,— сказал нам недавно один астроном.

А вот еще загадочный «лунный вопрос»: откуда взялась Луна? Почему из всех планет солнечной системы только у нашей Земли такой большой спутник: всего в четыре раза меньше Земли по диаметру. У остальных планет спутники в тысячи раз меньше их самих.

— Луна образовалась в то же время, что и Земля, но независимо от нее, как самостоятельная планета, а потом была захвачена «в плен» притяжением Земли и стала ее спутником,— говорят одни.

— Земля и Луна произошли из одного и того же сгустка раскаленного вещества,— говорят другие.

— Луна оторвалась от уже затвердевавшей Земли под действием каких-то сил, а на том месте, где раньше была Луна, получилась Тихоокеанская впадина,— говорят третьи.

— Я бы с удовольствием проверила это на Луне! — сказала нам одна исследовательница Земли, геолог.— Я ведь изучаю, как и в каком соседстве располагаются разные породы в земной коре, как образуются земные минералы. Если только Луна «сбежала» из Тихоокеанской впадины, этому обязательно найдутся доказательства в ее каменном теле.

А вот о чем думают физики: на Луну, не защищенную атмосферой, обрушиваются яростные потоки ультрафиолетового излучения Солнца и ливни космических частиц. Эта непрестанная бомбардировка, вероятно, вызывает искусственную, «наведенную», радиоактивность веществ лунной поверхности. Такое явление природы на Земле неизвестно. Хорошо бы его пронаблюдать на Луне! Впрочем, физики убеждены, что им еще по дороге на Луну встретятся без числа всякие открытия. А географы и геофизики мечтают попасть на Луну, чтобы изучать оттуда... Землю.

Кажется, один лишь «лунный вопрос»

давно уже не вызывает спора. Происходят какие-либо перемены на лунной поверхности сейчас, в наше время?

Вот что говорит по этому поводу старый, двадцать лет назад выпущенный учебник астрономии: «Вулканические извержения на Луне, по-видимому, давно прекратились. Теперь это мертвая каменистая пустыня... До сих пор на поверхности Луны не произошло ни одного изменения, которое было бы доказано». Примерно то же говорится о Луне и в книжках, напечатанных недавно.

Недра Луны мертвы! Беспробудным сном спят ее вулканические силы! Так считали даже те, кто стоит за вулканическое происхождение лунных цирков, кратеров, «морей».

Но... давайте взглянем на Луну. В центральной части лунного диска, на берегу Моря Облаков, вытянулась цепочка из трех кольцевых гор: огромный плоский цирк Птоломей, к югу от него — чуть меньший Альфонс и еще южнее — Арзахель.

В 1957 году американский астроном Альтер, фотографируя из обсерватории Маунт Вильсон Луну, нашел, что подробности внутри кольцевого вала кратера Альфонс неясно видны, словно затянутые вуалью.

Мнение, что на Луне не может быть никакой вулканической деятельности, давно и прочно укоренилось, поэтому такие случаи обычно принято было считать или обманом зрения, или дефектом пластинки, или игрой освещения на Луне. Может быть, так было бы и на этот раз, но астроном Пулковской обсерватории Николай Александрович Козырев решил последить за кратером Альфонс, проверить, что с ним происходит.

Совсем недавно, прошлой осенью, Козырев поехал в Симеизскую обсерваторию и на большом телескопе стал фотографировать спектр Альфонса. Спектр — это луч света, разделенный на свои составные части, радужная полоска, с помощью которой астрономы уже многое узнали о Вселенной.

Но вот уже два десятка снимков сделал ученый. В них не было ничего необычного. И вдруг 3 ноября, около четырех часов утра по московскому времени, еще один снимок сообщил то, чего не мог бы уловить самый зоркий глаз: центральный пик Альфонса светится красноватым светом!

Потом еще два часа прошло без перемен, а в шесть утра яркость пика внезапно стала увеличиваться. За тридцать минут она возросла почти вдвое. А в спектре Альфонса появились яркие полосы углерода и его соединений. Это значило: из кратера вырываются раскаленные газы.

События на центральном пике Альфонса перевернули прежние представления ученых. На Луне вулканические силы действуют и в наше время! Луна не мертвая планета: в ее недрах идут сложные процессы, дающие о себе знать на поверхности. Тем интереснее побывать на Луне, не правда ли, ребята? И знаете, это не за горами! Мы будем свидетелями, а то и участниками полетов на Луну.

Народ, который смог забросить три искусственных спутника — своих космических разведчиков — на границы земной атмосферы, скоро сделает следующий шаг во Вселенную: оснащенные точными приборами ракеты полетят и на Луну и в облет Луны. Это уже не завтрашний, а сегодняшний день нашей науки и техники.

А за этим недалеко время, когда человек ступит на лунную равнину, покрытую пылью тысячелетий и озаренную светом Земли.

Ребята! Пока готовился к печати этот номер «Пионера», пока наборные машины — линотипы — набирали и отливали строки этого рассказа о Луне, произошло событие, поразившее весь мир. Советские люди сделали новый шаг в космос: мощная ракета, созданная нашими учеными и инженерами, построенная нашими рабочими, регулируемая электронным мозгом, оторвалась от Земли. Побеждена извечная сила земного тяготения!

Пролетев вблизи Луны по рассчитанному учеными маршруту, прислав на Землю из «лунных окрестностей» тысячи радиосигналов, сообщающих показания научной аппаратуры, космическая ракета удалилась от Луны и начала обращаться вокруг Солнца по эллиптической орбите. Иными словами, она стала планетой солнечной системы.

Десятая планета! Первая планета, созданная человеческими руками, мчится вокруг Солнца!

Запомните этот день: 2 января 1959 года. Он навсегда войдет в историю человечества как победный день прорыва в межпланетное пространство, как начало эры космических полетов. Мчится ракета и несет на борту алый вымпел с гербом Советского Союза.

Все *чешские дети знают о Смоличке, смешном маленьком человечеке, который жил в лесном домике со своим другом Златорогим оленем.*

Когда олень уходил по своим оленьим делам, он не велел Смоличку открывать дверь злым лесным девчонкам. Но девчонки очень хорошо пели. Не послушался Смоличек оленя, открыл дверь, лесные девчонки ворвались в избушку, схватили Смоличка и унесли к себе. Это были очень ленивые девчонки, они ничего не делали у себя дома, а Смоличка заставляли варить, мести пол, убирать. Ему приходилось даже расчесывать волосы этим лентяйкам. Так было, пока Златорогий олень не узнал, где лесные девчонки спрятали Смоличка, и не пришел за ним.

Смоличек

СКАЗКА

Франтишек ГРУБИН **Рисунки Иржи Трнки.**

Златорогий олень спас Смоличка от лесных девчонок и отнес его домой. Дома Смоличку, конечно, досталось. Он, всхлипывая, обещал, что будет послушным, что никогда этим девчонкам не станет открывать двери, и, правда, не открывал.

Однажды зима долго не наступала. Светило солнце, и почки снова распустились, как будто в мае. Золотые рога стали очень тяжелыми, и оленю захотелось их сбросить.

— Не бросай рога, олень, пожалеешь,— уговаривал Смоличек.— Чем зимой от волков защищаться будешь?

— Зимы уже не будет, Смоличек,— отвечал олень,— вот сброшу старые рога, отдохну, а новые пока вырастут.

— А что бы сказал на это дедушка Моховик?

Дедушку Моховика слушались все в лесу: олени, белки, лисицы, дятлы, медведи — короче, все звери, все птицы, все растения.

— Дедушка Моховик об этом даже не узнает,— сказал олень.

И вот однажды утром забрался олень в чащу и вернулся без рогов.

Но едва дошел он до избушки, упала из туч первая снежинка, за ней другая, третья, и только успел олень два раза щипнуть траву, как началась метель.

Снег шел целый день.

Олень лежал в горнице, и ему было стыдно, что он без рогов.

— Я говорил тебе,— упрекал Смоличек,— всю зиму ты не сможешь выйти ни на шаг.

В тот вечер они легли спать грустные.

Утром проснулся олень и видит: в окно льется солнечный свет.

— Солнышко, солнышко! — закричал он.— Вставай, Смоличек, зима уже прошла!

Смотрит, а Смоличка нет. Вышел олень наружу: солнышко светит — это правда, но всюду, куда ни погляди, лежат высокие сугробы, ветви склонились под снеговыми шапками.

— Смоличек, где же ты?! — закричал олень.

Но никто не отзывался. В снегу были видны следы Смоличка. Олень пошел по следам, но скоро потерял их: дул ветер, и следы занесло снегом.

И тут невдалеке завыли волки. Олень наклонил голову и приготовился к бою. Потом вспомнил, что нет у него рогов. А без них что он может против волков поделать? Он повернулся и поскакал к избушке.

Вдруг откуда ни возьмись прискакала сахарная избушка.

А что же было со Смоличком? Смоличек встал еще в полночь, оделся потеплее и тихо-тихо, чтобы не разбудить оленя, вышел на мороз. И пошел к дедушке Моховику просить для оленя новые рога. Трудно было ему идти! Он спотыкался во тьме, шел против ветра, метель засыпала ему глаза снегом. К тому же мальчик вообще не знал, куда идти, чтобы найти дедушку.

А лесные злые девчонки, видите ли, опять захотели заполучить Смоличка.

— Вот попадется он нам,— говорили они,— мы уж позабавимся.

А Смоличек этого не знал, шел в темноте, пробирался сквозь снег, и вдруг откуда ни возьмись, из тьмы, что ли, прискакала, окошками заморгала сахарная избушка:

Иди сюда, Смоличек,
Смоличек-Смолик,
накрыт у нас столик,
дорожка в домик гладкая,

миндальная, сладкая,
из шоколада стены,
окна из сахарной пены.
Иди к нам, Смоличек,
Смоличек-Смолик,
накрыт у нас столик!

Свет и тепло из окошек избушки манили Смоличка. И он очень любил сладкое. Только он подбежал к избушке, как все исчезло, лишь со всех сторон раздавался визгливый смех злых лесных девчонок:

Смоличек теперь у нас,
острижем его сейчас!

От блеска сахарной избушки Смоличек даже не видел ничего вокруг. Он побежал изо всех сил, ноги увязали в снегу, но он не останавливался. И зачем вышел он ночью на дорогу?!.

Смех затих, и Смоличек подумал, что убежал от злых лесных девчонок.

Снег перестал валить хлопьями, и скоро между ветвями высоких деревьев засверкали звезды. Но Смоличку не стало веселее: он очень замерз, а звезды ведь не греют.

— Я, наверно, не дойду,— вздыхал он.

Тут кругом разлился бледно-золотой свет, прямо навстречу Смоличку по лесной дороге шел месяц. Тонкий голосок запел:

Месяц, сахарный рожок,
укуси его, дружок!

Смоличек догадался, что это все забавляются лесные девчонки. Он отступил назад, месяц шагнул вперед, Смоличек шагнул вперед, месяц — назад; так стали они скакать, шаг туда, шаг обратно, пока месяц не пропал так же внезапно, как и появился. И снова раздался визгливый смех злых лесных девчонок, они обступили Смоличка со всех сторон и стали петь:

Смоличек теперь у нас,
острижем его сейчас!

Смоличек собрал последние силы и побежал. А девчонки за ним. Они обгоняли его, смеялись своим писклививым смехом, хватали его за шапку, за рукава, за полы, отставали от него и опять обгоняли.

— Дедушка Моховик, дедушка Моховик! — закричал Смоличек.

Как услыхали это девчонки, сразу, как будто их ветром сдуло, попрятались. Они боялись дедушку Моховика: он не терпел в лесу такой нечисти.

Смоличек добежал до хижины, срубленной из сосновых бревен и покрытой хвоей.

— Дедушка Моховик, дедушка Моховик! — не переставал он кричать, ему казалось, что за ним все еще гонятся.

— Кто это меня будит? — отозвался из хижины низкий голос.

— Это я, Смоличек, ищу дедушку Моховика!

— Тот Смоличек, что не слушался оленя?

— Да, но я теперь слушаюсь, это олень не слушается.

— Посмотрим, посмотрим... Ну, что ж, входи, Смоличек, я дедушка Моховик.

Смоличек вошел. Такой удивительной горницы он еще не видывал: вместо лампы освещали ее светлячки, в одном углу маленькие грибки высовывали из мха свои шляпки, в другом спали ежи, в третьем — медведи. В четвертом углу стояла березовая кровать. На ней сидел высокий старик, руки и грудь его обросли мхом, усы у него были зеленые, а волосы из еловых иголок.

— Чего тебе надобно? — спросил он Смоличка.

Смоличек рассказал, как олень не послушался, сбросил рога, а теперь без них не может выйти из дому.

— И я должен дать тебе новые рога? — спросил старик. Он встал и вынул из-под кровати золотые рога. И стало от них в горнице светло, как днем.

— Подожди,— сказал дедушка Моховик,— они тяжелые, я сам отнесу их оленю. И попадет же ему!

Он ушел, а Смоличек залез на теплую постель и уснул сразу же, как будто его в воду опустили.

Когда он проснулся, дедушка Моховик уже воротился.

— Вставай, Смоличек, олень ждет.

Стоял уже день, солнце рвалось в горницу. Медведь в углу ворчал, грибы вытянули шеи, чтобы посмотреть, что происходит.

Смоличек выбежал из хижины. У порога стоял его олень, веселый, с ярко горящими золотыми рогами. Дедушка Моховик посадил Смоличка на оленя.

— Не меняй рога, пока я не прикажу,— погрозил дедушка оленю.

Олень обещал. Смоличек сказал спасибо, и они полетели по заснеженному лесу. Солнышко блестело, золотые рога сверкали так, что вороны чуть не ослепли. Все волки попрятались, а злые лесные девчонки и нос боялись высунуть.

С той поры олень всегда слушался дедушку Моховика, а Смоличек — оленя.

Перевела **Евг. Аронович.**

Написал писатель книжку, но часто от художника зависит, будут ли любить ее ребята, будут ли с увлечением перелистывать страницы, не отрываясь разглядывать картинки: яркие, веселые, а то и страшные.

Мы хотим познакомить вас с художниками, которые заставляют читателя любить книжку. Этих художников хорошо знают и очень любят чешские ребята.

Вот перед вами рисунки художника И. Трнки. «Волшебник Трнка» — так зовут его на родине. В его рисунках к детским книжкам какая-то особая, сказочная прелесть. Посмотрите на милого кудрявого мальчугана наверху страницы. Как он уткнулся в книгу! Это заставка из сборника народных сказок. А дальше — три свирепых разбойника из книги «Лесные приключения». Страшные разбойники до полусмерти испугались петуха, кошки и козы. А внизу справа — картинка не к сказке, а к стишку. Какие пушистые снежинки кружатся в воздухе! И как смешно, что из нежных, узорных снежинок можно слепить пузатого снеговика с метлой, на которого даже ворона смотрит с удивлением! И как жаль, что у холодных снежинок такой недолгий век! Чуть повеет теплом, и они растают...

Вот о чем рассказывает вам «Волшебник Трнка» этим своим рисунком. Трнка любит ребят и любит рисовать для них.

А теперь переверните-ка страницу!

Познакомьтесь с другим чешским художником, А. Забранским. Здесь его рисунки из книжки «Станьте в круг». В этой книге собраны народные стишки, присказки, считалочки.

Нравится вам пастушок на картинке? А вот считалочка:

Кони, кони, чудо-кони!
Кто сумеет?!
Кто догонит?!
В поле, где блестит роса,
Я пасу их сам.

Остальные рисунки — к стишкам-присказкам о пойманной мышке, о трех козах, собиравших груши на продажу, о лягушке-попрыгушке, о завтраке четырех мышат.

Эти рисунки такие же легкие, простые и веселые, как народные стихи и присказки, к которым они сделаны.

Николай Герасимович и его сыновья

Владимир **СТЕПАНЕНКО**

Рисунки Б. Винокурова.

Осенью над степной дорогой никогда не оседает пыль. Машины и днем и ночью везут зерно на элеватор.

Однажды вечером, когда в полях еще кричали перепела, около магазина в совхозе остановилась запыленная машина.

— Эй, мальцы, приехали! — крикнул шофер и направился в магазин за папиросами.

Из кузова вылезли два мальчика. Старший, в синей вельветовой тужурке с «молнией», помог младшему стать ногой на колесо и поддержал его, когда он прыгал на землю.

Потом старший мальчик снова забрался в кузов и сбросил на землю фанерный чемоданчик и небольшой мешок — все их вещи.

Шофер вышел из магазина и с наслаждением закурил папиросу. Внимательно, может быть, даже чересчур внимательно, посмотрел на ребят.

— Держите, мальцы! — Он достал из глубокого кармана комбинезона пряники.— Ну, скорей находите своего отца! А мне еще до совхоза километров шестьдесят надо ехать. Как у нас на целине говорят: час не время, сто километров не расстояние.

— Большое спасибо! — сказал старший мальчик и откусил пряник.

— Спасибо! — повторил за братом младший.— Витя, пойдем!

— До свидания!

Витя перекинул мешок через плечо, подхватил легкий сундучок.

Ребята неторопливо зашагали к поселку. Темнело. Из степи тянуло прохладой. В домах уже зажгли свет. Ребята старались идти около освещенных окон, боясь подступающей ночи.

Мальчикам казалось, что они легко найдут своего отца в этом небольшом поселке, где каждый житель должен хорошо знать всех. Но первый же мужчина, к которому они обратились и попросили показать, где живет Тарасов Николай Герасимович, удивленно развел руками.

— Не помню... Кажется, у нас нет здесь такого!

— Слышишь? — испуганно сказал младший, и голос его задрожал.

Старший крепился, но и ему явно стало не по себе.

— Помнишь, папа писал, что работает на нефтяном складе?..— неуверенно сказал он.

Поколебавшись, ребята решили еще раз попробовать. Теперь они обратились к женщине, которая несла от колодца воду.

— Скажите, пожалуйста: вы не знаете, где живет Тарасов Николай Герасимович? Он работает на нефтяном складе.

Женщина опустила ведра с водой, оперлась на коромысло, внимательно осмотрела ребят и, прежде чем ответить им, в свою очередь, спросила:

— А вам он кто будет?

— Отец!

— Папа! — сказал за братом Саша и посмотрел на женщину большими доверчивыми глазами.— Мы у бабушки жили, а она у нас умерла.

Видно, потому, что за дальнюю дорогу он не один раз рассказывал о себе, мальчик сообщил это без волнения.

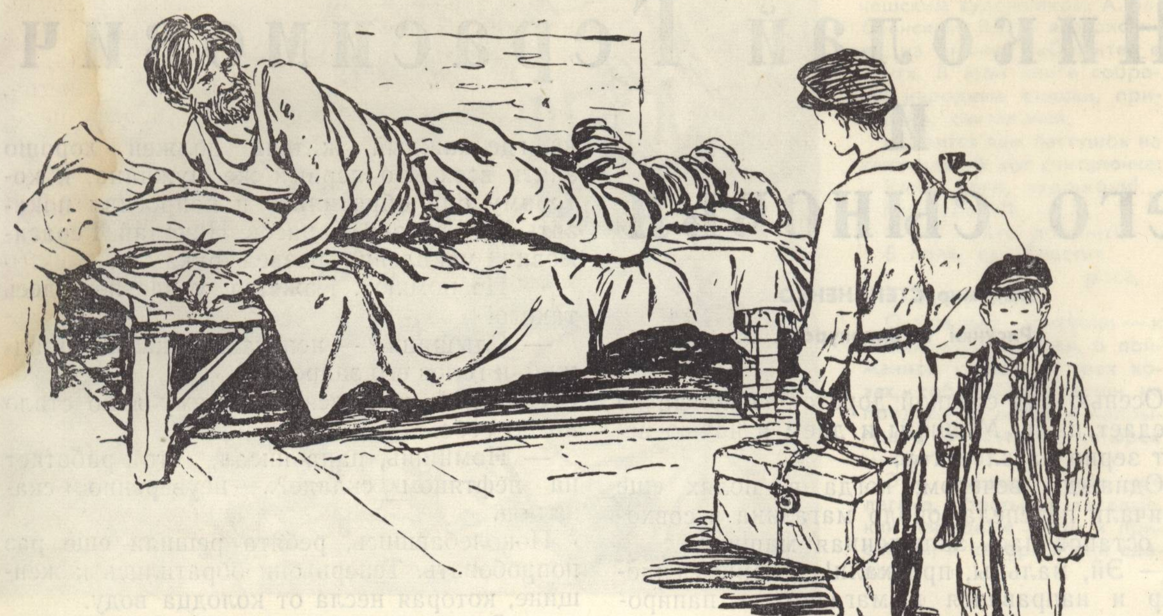
— Тарасов, говорите? — Женщина вздохнула и показала рукой в сторону крайнего дома: — Вон там он живет!

Вите показалось, что женщина слишком быстро подхватила ведра, словно старалась как можно скорее уйти от них.

Последние шаги до дома, где жил отец, показались ребятам куда утомительнее их пятидневной дороги до совхоза. Едва переводя дыхание, они вбежали в маленькую комнату. Дверь была не прикрыта.

На грязной койке поверх байкового старого одеяла спал мужчина в рыжих, обтертых сапогах.

Витя сразу признал в нем отца. Но Саше даже в голову не пришло, что этот мужчина, заросший бородой, нечесаный, пьяный,— их отец. Он почти не помнил его, а пред-

— Папа, мы с Сашей приехали!

ставлял себе только по фотографиям, которые бережно хранила бабушка. На одном из снимков отец был сфотографирован в гимнастерке, с орденами.

— Папа, папа! — несколько раз позвал Витя, расталкивая спящего.

Наконец мужчина с трудом оторвал от подушки взлохмаченную голову и бессмысленно оглядел красными глазами комнату и ребят, не понимая, кто они такие и чего хотят от него.

— Папа, мы с Сашей приехали! — Витя продолжал расталкивать отца и наклонялся над ним, чтобы тот мог его лучше рассмотреть.— Это мы, Витя и Саша!

— Приехали?.. А кто вас звал?!

— Бабушка у нас умерла...

Мужчина упал на койку и заплакал. Худые лопатки вздрагивали под рваной майкой-безрукавкой.

Заплакал Саша. Он не плакал ни разу за всю длинную дорогу, пока они с братом добирались от Смоленска до совхоза.

— Перестань, Саша! — Витя быстро, чтобы не видел брат, смахнул слезы.

Так произошла эта первая встреча...

* * *

Виктор стал ходить в шестой класс, а Саша — во второй. Все, что только ни случалось в совхозе, сразу становилось известно в школе: поступили ли в совхоз новые тракторы «ДТ-54» или в магазин привезли валенки и полушубки...

Все ребята в школе знали, что отец Вити и Саши пьет. Да и как было им этого не знать!

Пожалуй, только один начальник отдела кадров в совхозе еще помнил, что заведующего складом зовут Николаем Герасимовичем и фамилия его — Тарасов. В совхозе все давно звали его Колькой: «Колька с ГСМ».

Однажды, собираясь идти в школу, Витя поставил на керосинку разогревать картошку. Он потянулся и посмотрел на будильник. Из-за отбитых ножек будильник все время лежал на боку.

— Саш, а ты чего расселся? Хочешь в школу опоздать?

— А я не пойду — ни сегодня ни завтра! — Саша подошел к керосинке и рукой взял кусок картошки со сковороды.— Меня все время дразнят: «Пьяница, пьяница, за бутылкой тянется!»

Витя остановился. Брат со всей решимостью высказал все, что наболело. Ну, конечно, ему стыдно, что у них нет приличных брюк, что они никогда не ходят в кино. Самому Вите никто в классе не напоминал об отце: боялись его крепких кулаков.

— Нет, Сашок, ты пойдешь в школу! Пускай только кто-нибудь попробует тебя дразнить! Мне скажешь! — Для большей

убедительности Витя сжал кулаки так, что побелели суставы пальцев...

Самым скучным для братьев днем было воскресенье. В этот день все ребята играют в волейбол или, сняв рубашки, лежат в трусах и майках на отлогом берегу Ишима. Но Витя и Саша лишены даже этого удовольствия: у них нет ни трусов, ни маек.

Вот почему в выходной день уходят они подальше от дома, от своих товарищей, на полевой стан в Куртысай.

На Куртысае братья успели перезнакомиться со всеми трактористами, прицепщиками. Они на дежурной машине объезжают поля бригад и помогают толстой поварихе Насте раздавать обед. Повариха всегда рада ребятам. Они пилят для кухни дрова, таскают воду со ставка.

В этот день братья всегда сыты. А когда они собираются уезжать с Куртысая в поселок, Настя обязательно завертывает им в газету что-нибудь на дорогу.

— Ты, Сашка, не смей больше брать от тети Насти ничего! — однажды сказал строго Виктор.— Мы с тобой не попрошайки!

— Она хорошая. Жалко ей нас! — оправдывался Саша, прожевывая пирожок.— Она всегда гладит меня по голове и говорит: «Непутевый у вас отец!» Вить, правда, он у нас непутевый?

— Это не ее дело! — с обидой сказал Витя.— Больше мы с тобой не поедем на Куртысай. Понял?

Но подошел выходной день, и Витя забыл о своем решении не ехать на полевой стан.

Теплые дни прошли. Все чаще и чаще теперь задували холодные ветры, гоня перед собою круглые шары перекати-поля.

В последнее время братья особенно подружились на Куртысае с трактористом Федором Лебедевым и его молодой женой хохотушкой Зиночкой. У них недавно родился сын Мишка. Ребята охотно носили Зиночке воду, качали горластого Мишку, соглашаясь с Зиночкой, что с Мишкой нет никакого сладу. Нравилось им смотреть, как Федор высоко подбрасывал мальчика вверх или укачивал его, напевая всегда одну и ту же песню:

Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой!

Видно, потому, что у ребят не было своего дома, их все больше и больше тянуло к Федору, к Зиночке, в их вагончик. Они даже реже стали помогать поварихе Насте развозить обеды.

Наступили холода. В вагончике Лебедевых было теперь ничуть не теплее, чем в поле. Федор по стенам прибил одеяла, но они не спасали от пронизывающего ветра. Ветер отыскивал все новые и новые щели, гулял по вагончику полным хозяином. Последний раз, когда ребята уезжали с Куртысая, Федор разговаривал с Виктором, как со взрослым:

— Ты понимаешь, мы бы сами еще долго могли жить. А вот Мишку здесь можно застудить! Он уже и без того кашляет. Никудышный он еще целинник. Нельзя его морозить. Я тебе записку дам, а ты ее самому директору передай! Передашь?

— О чем разговор?!

На другой день, выбрав время, Виктор пошел к одноэтажному дому, где помещалась контора совхоза. Он еще никогда не бывал там. К директору набралось много народу, пришлось ждать. Время тянулось удивительно медленно. Виктору даже захотелось спать. Наконец из кабинета вышел последний посетитель, инженер совхоза, в большом гремящем, как железо, плаще.

Виктор первый раз увидел так близко директора. Он был седой, но блестящие черные глаза молодили его. Сапоги и белая рубаха на нем были серыми от пыли.

— Ты ко мне? — удивленно спросил директор и принялся рукой разгонять табачный дым. Морщинки у глаз сбежались: он улыбнулся.

— Вот Федя Лебедев просил передать вам записку! Он тракторист.

— Значит, специальной почтой? — Директор развернул листок и принялся читать. Прочитав записку, он озабоченно забарабанил по столу рукой.— А где я комнату достану?

— Мишка у них. Он еще маленький, совсем никудышный целинник!

— Говоришь, никудышный целинник? — Директор засмеялся.

За дверью послышались шумные голоса. Один из них показался Виктору знакомым.

Дверь широко распахнулась, и он снова увидел инженера совхоза в гремящем, как железо, плаще, а рядом с ним стоял отец. Инженер несколько раз приходил в класс и рассказывал об устройстве трактора. Сейчас он был возбужденный и злой.

— Или меня увольняйте, или его! — нетерпеливо закричал инженер.— Но больше так я с Колькой работать не могу! Тракторы стоят! Солярки нет, а Колька спит на складе пьяный. Безобразие!

Виктор от стыда хотел выскочить из ка-

бинета, но инженер своим плащом загораживал дверь.

Отец был пьян. Он глупо улыбался, не понимая, о чем идет разговор.

— Николай! — Директор с силой ударил рукой по столу.— Мне надоело с тобой каждый день об одном говорить! Иди проспись, а завтра бери расчет.

— Витька, ты зачем здесь? — Тарасов заметил сына.— Тоже, подлец, приходил жаловаться на родного отца?

Виктор подбежал к отцу, взял его за руку.

— Почему вы называете его Колькой? — вдруг с обидой спросил он.— Его зовут Николай Герасимович Тарасов. У него два ордена есть!

— Ишь ты, защитник! — озабоченно сказал директор и застучал пальцами по столу.— А я и не знал, что ты Тарасова сын. Слышал, двое вас. Выходит, ты старший? Слушай, старший Тарасов: Лебедеву передай, пускай перевозит своего необжитого Мишку. Пока у меня поживут. А там комнату дадим. А вот как быть с твоим отцом, не знаю. Ты иди, а мы еще здесь потолкуем.

Виктор волновался за отца и в школе был угрюм и сосредоточен. Даже занятия по труду не обрадовали его. Он не воевал, как обычно, за токарный станок, чтобы работать первому. Безучастно вслушивался он в спор, который вдруг разгорелся между Вовкой Сиряком и Жорой Карташовым.

— Зря мы строим скворечники! — убежденно сказал Вовка, похлопывая ладошкой по обструганной доске.— Скворцы не садятся, а все равно летят мимо нас. Так в прошлом году было! Что, не веришь? Куда интереснее работа есть. Только за нее с умом взяться надо!

— Думаешь, у тебя у одного голова? — крикнул Жора.— А у нас вешалки, да?

— А ты слушай и не перебивай,— спокойно сказал Вовка и отбросил прядь волос со лба.— Вчера привезли разборные полевые домики для бригад. Отец говорил, что два таких домика им на бригаду дадут. Вот бы нам самим один такой домик собрать. Это, пожалуй, лучше, чем скворечники строить!

— А это здорово! — не утерпел кто-то из ребят.

— Здорово-то здорово, а кто нам разрешит? — не сдавался Жора Карташов.

И тут неожиданно в спор вмешался Виктор.

— Разрешат! — уверенно сказал он.— Я знаю директора... По-моему, он разрешит. А надо будет, сами с ним поговорим!

Как Виктор и предполагал, директор разрешил школьникам собирать походные домики для бригад.

На площадке недалеко от склада ГСМ, где были сгружены части домов-вагончиков, закипела работа. Ребята приходили работать в часы занятий по труду. Но за два часа они очень мало успевали сделать.

— Вовка! — как-то сказал Виктор перед выходным днем Сиряку.— Давай завтра соберемся. Знаешь, сколько за целый день можно сделать! Я своего Сашку приведу! Ты не смотри, что он пацан, он работать умеет!

— Мы решили в волейбол играть! — безразлично сказал Вовка.— Хотим седьмой класс обыграть! А до весны еще далеко, успеем собрать все домики.

— Ну, не хочешь и не приходи! — сказал Виктор.— Дай мне только чертеж.

— А больше ты ничего не хочешь? Сразу дай ему чертеж!

Но ребята поддержали Виктора:

— Сам не хочешь работать, так отдай чертеж. Подумаешь, задается!

Это был первый выходной день, когда братья не поехали на Куртысай. На площадке около домиков собралось много ребят. Витя развернул чертеж и принялся его рассматривать. Походный домик на листе был показан со всех сторон. «Если правильно взяться,— подумал Виктор,— за день много можно успеть! Нас вон сколько! Да еще и Саша! Правда, он маленький, но тоже может помочь!»

Ребята работали целый день, но успели сделать совсем мало.

Наступил второй выходной день. Наконец первый домик был собран.

Витя поднялся на крыльцо и открыл входную дверь.

В маленьком домике две комнаты. По стенам, как в железнодорожном вагоне, откидные полки, столик.

— Вот так дом! — удивленно сказал Жора, опустил верхнюю полку и разлегся на ней.— Даже не верится, что мы его сами собрали!

— Наш дом! — сказал Саша и стер со лба пот, размазывая грязь.

— Достать бы белой краски! — мечтательно сказал Витя.— Тогда можно было бы комнаты выкрасить!

— А вот сюда, на стол, положить конверты и бумагу,— заметил Жора.— Если захочет тракторист написать письмо, все у него есть!

— Это мы сделаем запросто,— сказал Витя.— И чернильницу поставим!

В следующий выходной день комнаты были выкрашены белой краской, на стол положены стопка белой бумаги, конверты, карандаши.

Директор совхоза и бригадир третьей тракторной бригады Роман Петрович Сиряк, отец Вовки, придирчиво принимали готовый домик.

— Роман Петрович, а ведь хорошо собрали! — сказал директор.— Молодцы!

О Вите Тарасове, Жоре Карташове и Косте Ибряеве написали в стенной газете. Особенно хвалили Виктора как хорошего организатора.

— Колька, ты бы прочитал, как стенная газета твоего сына хвалит! — сказал однажды шофер на складе.— Видно, хороший у тебя парень.

Захотелось Николаю Герасимовичу самому узнать, за какие дела хвалят его сына. Он даже специально пошел в контору, куда всегда старался заходить пореже.

В этот день дома Николай Герасимович удивленно посмотрел на своих ребят. Виктор сидел за столом перед учебником, а рядом, выставив кончик языка, что-то старательно списывал с книги в свою тетрадь Саша.

— Учитесь? — Николай Герасимович ласково, но неумело погладил по голове Сашу.— Читал, как тебя, Виктор, хвалят. Молодец! А вот для меня никто пока хорошего слова не найдет. А было время, тоже хвалили.— Он запустил длинные, худые пальцы в спутанные волосы.

Никогда еще не говорил так с ними отец. Братья сидели притихшие, не знали, что отвечать. Молчание было тягостным.

— Пап,— робко сказал Саша,— ты давно обещал с нами сходить на охоту.— Он осторожно дотронулся до руки отца.

— А ты думаешь, я соврал? Ваш отец не только водку умеет пить! Пойдем! Вот сейчас и пойдем!

Отец быстро вышел. Скоро он вернулся со старенькой двустволкой, подпоясанный широким патронташем.

Первым, по уговору, ружье нес Витя. Они уже успели далеко пройти по берегу Ишима, но из-за рыжих метелок прошло-

Ребятам нравилось смотреть, как Федор высоко подбрасывал мальчика вверх...

годнего камыша не поднялись ни одна утка, ни один чирок или куличок.

Витя был расстроен. Он еще не выстрелил ни разу, а они уже подходили к дальним кустам, около которых, по уговору, он должен был отдать ружье Саше.

— Давай ружье! — потребовал Саша. Он цепко обхватил тонкими руками ложе.

Они уже успели далеко пройти по берегу Ишима, но из-за метелок камыша не поднялась ни одна утка.

Нести ружье ему тяжело, но он не признается в этом.

Вышли к плотине. Неширокий Ишим перегорожен земляной насыпью, по которой переезжают машины на другой берег. Здесь дорога на железнодорожную станцию, куда ездят за горючим, везут зерно на элеватор. Подъем на плотине был весь густо полит маслом.

Саша засмотрелся и упал. Поднялся он, растопырив пальцы. Руки у него были в масле.

Эх, растяпа! — с досадой сказал Виктор и поднял оброненное ружье. — Папа, зачем здесь дорогу маслом полили? Чтобы пыли не было? Да?

— Солярку выливают.

— Зачем выливают? — не отставал мальчик.

— А где же ее выливать? Здесь горка.

— Ну и пусть горка!

— Так надо! — недовольно сказал отец, не понимая, как можно спрашивать о таких простых вещах. — Насос не качает со дна бензовоза. И в цистерне всегда солярка остается. Понял? Если раз съездит шофер на склад, у него в цистерне литров пять останется. Вот эти пять литров он и не доберет на складе. Понял? А если десять ездок за день — пятьдесят литров будет. Десять машин по десять ездок — вот тебе уже пятьсот литров. Полтонны выходит. А что получается? Полтонны останется на складе. Это только за один день. Понял? А кому нужны излишки на складе? На складе не заправят в такую цистерну, где есть на дне солярка. Вот шоферы и придумали выход: начнет машина подниматься в гору, цистер-

на наклонится, тут шоферу только открывай кран: враз остатки горючего выльются.

— И наши шоферы так делают?

— А ты как думал! На складе у меня ведь такой горы нет!

— Выходит, это они делают для удобства склада? — допытывался Витя.

Ему вспомнился недавний разговор в кабинете директора: «В бригадах нет солярки для заправки тракторов!» «Интересно спросить у Феди Лебедева,— подумал он,— сколько надо трактору солярки, чтобы вспахать один гектар!»

И хотя они давно уже отошли от плотины и ружье уже снова в руках у Вити, все новые и новые вопросы не дают ему покоя.

— Утка! Стреляй! — кричит Саша.

Витя вскидывает ружье. Сколько времени он с надеждой и нетерпением ждал этого момента! Два раза прогремело ружье, но, кроме сильных ударов в плечо, он ничего не ощутил.

— Промазал! — разочарованно, с болью в голосе закричал Саша.— Чур, мне теперь стрелять! — Он подобрал стреляную гильзу и положил ее в карман.

Только перед вечером, порядком уставшие, вернулись ребята домой. Саша нес маленького чирка, которого убил отец...

Раньше Витя несколько раз бывал у отца на складе. Большой радости он при этом не испытывал. Особенно неприятно там в жаркие дни, когда угарно пахнет бензином, соляркой, маслом.

В больших белых баках с надписью «Курить строго воспрещается» — бензин, в лежащих на боку огромных цистернах — солярка, в двух других, поменьше,— масло.

В маленькой будочке, конторе отца,— столик, табурет, счеты. Только глянув на них, можно безошибочно сказать, что они со склада ГСМ: все они перемазаны соляркой, маслом.

На стене ходики. К гире привязан большой болт...

Нельзя сказать, чтобы теперь Вите здесь нравилось больше, чем раньше. Но теперь он стал приходить сюда каждый день. Пока еще отец не заметил, что он начал строить сливную горку для машин. «Говорили, что сделать ее нетрудно,— думал Витя, отирая пот со лба.— А земля, как камень. Сколько работаю, а насыпал всего маленький холмик!»

От Вовки Сиряка, Жоры Карташова, Кости Ибряева и других ребят из шестого класса не укрылось, что Витя каждый день ходит на склад к отцу. Им захотелось узнать, что он там делает. Вот и пожаловали они всей компанией на склад.

Хочешь не хочешь, а пришлось Вите признаться, что он надумал сделать.

— Ты бы нам раньше сказал! — набросился на Витю Жора.— Думаешь, мы бы не помогли? Я сам эту мазутную горку на плотине знаю.

Теперь работал уже не один Виктор.

Однажды, когда ребята были заняты своей работой, на склад пришел Федор Лебедев. Не замечая ребят, он несколько раз громко позвал:

— Эй, здесь живые есть?

— Есть! — радостно отозвался Витя, чувствуя, что давно соскучился по Федору, Зиночке и горластому Мишке.

— Ребята, вы что, оборону держать решили? — спросил, подходя, Федор.— Окоп вам зачем?

— Отец надумал для машин сливную горку делать! — покраснев, тихо сказал Виктор.— Вот мы и решили ему помочь.

— А я заправиться пришел! — Федор засмеялся.— Ты без накладной, наверно, бензин не отпустишь? — Он извлек из кармана маленькую зажигалку.

— Без накладной нельзя! — стараясь придать своему голосу строгость, сказал Витя.

— Мишка все о вас спрашивает. Когда, мол, придут к нам Витя и Саша новую квартиру смотреть,— сказал Федор.— Что-то вы нас совсем забыли. Ну-ка, дай лопату, сейчас сапер покажет, как копать надо! Чья это лопата?

— Моя! — обрадованно сказал Витя.

— Такой много не наработаешь: ручка длинная, копать трудно!

Никто не обратил внимания, когда на склад въехал бензовоз. К ребятам подошел, сутулясь, Тарасов в своих рыжих, обтертых сапогах, в неизменной выгоревшей гимнастерке. В руках у него была старая полевая сумка с документами.

Федор посмотрел на Тарасова настороженно и недоверчиво. Потом, наверно, вспомнив разговор с Витей, он отошел и даже улыбнулся.

— Ручку надо у лопаты отрезать, слышишь, Николай! — сказал Федор.— Сыну куда легче будет копать!

— Надо будет отрезать,— сказал Тарасов, не понимая, зачем на складе ребята и что они надумали здесь копать.

— Дельно ты придумал! — сказал Федор и далеко выбросил ком земли.— Теперь, пожалуй, экономия будет.

— Должна быть! — охотно согласился Тарасов.

Ему было неудобно стоять без дела, и он взял лопату. Эта задержка ему была совсем некстати. Шофер поехал домой обедать и будет его ждать, чтобы вместе распить бутылку водки. Но уходить неудобно: Федора Лебедева он побаивался. Этот молодой тракторист не раз на собраниях ругал его за пьянку. Кто знает, зачем он сейчас пришел на склад! Директор сказал, что предупреждать больше не будет!

А в это время Федор думал о Тарасове: «Вот надумал горку сливную сделать, беспокоится о работе. А директор увольнять хотел! Лопатой он здесь много не наработает. Надо что-нибудь придумать!»

На другой день, когда ребята были в школе, на складе появился бульдозер. Трактор привел Федор Лебедев. Как всегда, работа увлекла его. Незаметно для себя он начал петь, не слыша за работой дизеля своего голоса:

— Три танкиста, три веселых друга —
Экипаж машины боевой...

То, что лопатами сделали бы за месяц, бульдозер выполнил за час. Федор был доволен: «Не все нам ругать Николая, надо и помочь человеку!»

Придя из школы, ребята очень удивились, когда увидели, что гора насыпана. Следы тракторных гусениц не оставляли сомнения в том, что здесь поработал бульдозер.

— Сразу видать, чья работа! — сказал Виктор.— Федя постарался!

— Думаешь, он? — Вовка Сиряк недоверчиво покачал головой.

— Факт, могу поспорить!

Ребятам осталось только поправить горку да выкопать яму, куда надо было подставлять бочку для слива солярки.

— Думал сначала, баловство какое придумали! — сказал, подходя, Тарасов.— А выходит, дельно сработали. Надо будет еще поправить, ну, да это я сам сделаю!

Через несколько дней по дороге в школу Виктор остановился около знакомых бензовозов.

Он хорошо знал эти машины. Шоферы готовились ехать за горючим на железнодорожную станцию.

— Слышал, что Колька придумал! — сказал молодой шофер, обращаясь к другому.— Заставил меня на горку заезжать и сливать солярку. Сроду такого не было! Канитель одна! Правда ведь?

— Кому Колька, а тебе он Николай Герасимович! — заметил вразумительно пожилой шофер с большими залысинами на открытом лбу.— Давно бы надо было ему помочь горку сделать. Он тебе в отцы годится, а ты — Колька!

Перед самой школой Витя повстречал отца. Было заметно, что он был чем-то взволнован. По-особенному светились его глаза.

— Вот как получилось! — озабоченно сказал он и пятерней почесал спутанные волосы.— Меня к директору вызывали. Не знаю, кто сказал ему, но он меня похвалил за сливную горку. А мне неудобно: я не строил ее! Даже премию сто рублей выписал. Решил я на эти деньги вам с Сашей трусы и майки купить. А то совсем оборвались! — Он обнял сына рукой за плечо и доверительно, как старшему товарищу, сказал: — Слышал, в одном совхозе машина сгорела? Хочу я на складе бочки с песком поставить! Долго ли до беды! А потом думаю за огнетушителями съездить. Посмотришь: Николай Герасимович еще себя покажет. Ну, иди, а то опоздаешь!

Витя радостно бросился бежать в школу, сильно раскручивая портфель в руке. Ему казалось, что он летчик и вот-вот оторвется от земли и полетит.

СПОРТ

На лыжню выходят новички

В. РУБЛЕВА

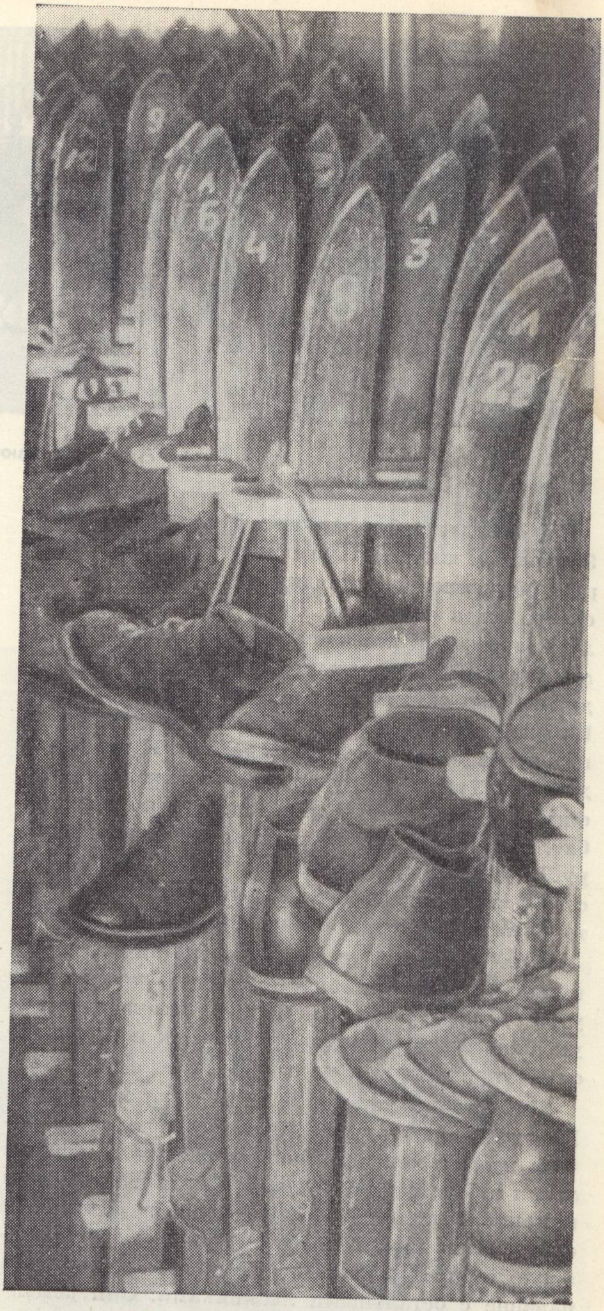
Фото С. Карасева.

В сокольнической школе № 382 лыжный инвентарь всегда в порядке. Даже летом у лыж вид полной готовности. Выстроившись по стеллажам, они стоят аккуратными рядами, как на поверке. Да и может ли быть иначе в школе, где все пионеры — и мальчики и девочки — любят лыжи? Ведь в Сокольниках снег рядом и лес рядом.

Здесь пойдет речь о звене из пятого класса «А». Пионеры этого звена еще ничем особенным не прославились в спорте, потому что они в этом новички, они еще только шагнули на первую ступеньку, только начали по-настоящему увлекаться лыжами. Вот о том, как они начали, пусть узнают все, кому тоже хочется сделать свой первый шаг на веселой, морозной, искристой лыжне.

Еще задолго до зимы стали ребята тренироваться. Каждую тренировку они начинали просто с пробежки, потом имитировали длинный, растянутый лыжный шаг. Лыжный шаг сменялся эстафетой, баскетболом.

Так шли тренировки всю осень. Осенью в Сокольниках шуршал под ногами золотой ковер опавших листьев. Позднее, когда начались утренники, хрустели замерзшие, мохнатые от инея травинки. Каждый день приносил новые приметы наступающей зимы. И когда наконец земля

Лыжи всегда в порядке!

покрылась первым легким снежком, радости не было конца, хотя по тонкому слою пороши, конечно, на лыжах еще нельзя было ходить.

А потом лег снег по-настоящему. И пошли лыжные тренировки. Сперва на лесной поляне ходьба по кругу без палок. Поляна вымерена, надо десять раз обойти ее, и получится ровно километр. После этого лесом напрямик по дистанции.

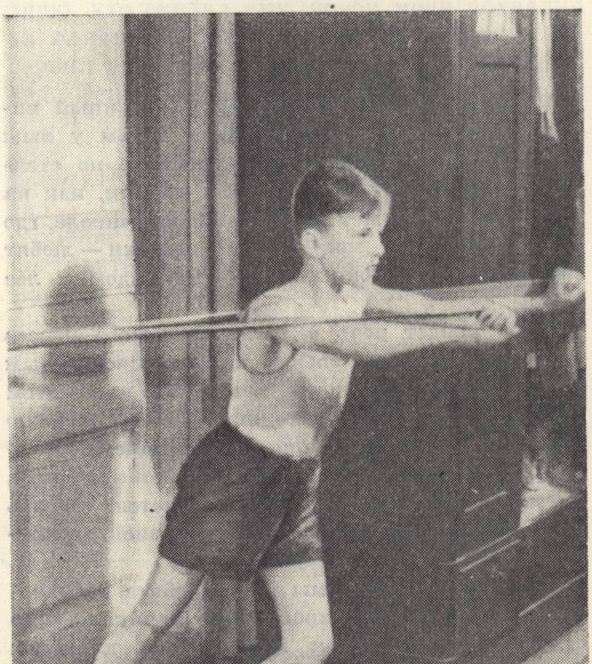
Задолго до снега начинаются лыжные тренировки.

Нет лыжника без зарядки. Так считает звено. Зарядку делают по утрам почти все. Но некоторым обыкновенной зарядки мало. Они хотят поскорее стать сильными. Сашу Зарайского назвали Азаряном, и все из-за этого. У Сашиного дома под навесом крыльца — деревянная перекладина. Саша облюбовал ее, чтобы развивать руки. Каждый день и до школы и после школы он подтягивался на своей перекладине. И что бы вы думали? Уже к концу первой четверти на уроке физкультуры Саша удивил не только всех ребят, но и преподавательницу физкультуры Тамару Петровну Воронину. Он подтянулся на кольцах семь раз подряд. Это не каждый сможет! Вот тут-то Тамара Петровна и сказала: «Наш Азарян!»

Саша Дергачев тренируется по-другому. Он купил в аптеке резиновый бинт и стал каждое утро делать с его помощью гимнастические упражнения. У спортсменов это так и называется — «упражнения с резиной».

«Любишь кататься — люби и саночки возить». По этой справедливой пословице поступают ребята нашего лыжного звена. Держать в порядке лыжи и ботинки, не гнушаться никакой работы в помощь лыжной секции — давний обычай у спортсменов школы № 382. И уж раз звено объявило себя спортивным, ребята стали трудиться наравне с остальными лыжниками. Они ремонтировали кольца на лыжных палках, чинили надтреснутые лыжи, прилаживали крепления, смазывали ботинки, чтобы они были мягкими и непромокаемыми. А когда был объявлен аврал по утеплению лыжной раздевалки, новое спортивное звено отличилось высокой производительностью труда. Кажется, никто не перетаскивал доски и шлак со двора в здание с таким усердием, как они.

Научился сам — научи другого. И это правило ребята выполняют. Саша Зарайский, звеньевой (тот самый мальчик, что тренируется на перекладине), учит ходить на лыжах своего младшего братишку, Витю. А Валерик Ихиритов — сестренку Лену. Витя учится в первом классе, а Лена — во втором. Но с помощью таких учителей они делают успехи. Не только по ровному месту могут ходить на лыжах, но и с горки, если не очень крутая, смело спускаются. Третий пионер этого звена, Саша Прыткин, тоже приучает к лыжам малышей: своих соседей по двору, Леночку Чебуркину и Виталика Львова.

Сашины «упражнения с резиной».

Ну что ж, так и следует! Ведь показывал же им в школьной мастерской один из лучших лыжников школы, шестиклассник Валерий Иванов, как приладить к лыжам крепления рото-фелло, прибить резинки!

Так, по цепочке, по ступенькам, эстафетой пойдут знания от пионера к пионеру, от старшего к младшему, от сильного к слабому, от умелого к неумелому, чтобы не было ни слабых, ни неумелых.

Долгожданная зима пришла в Сокольники, кружевные тени от заиндевевших веток ложатся узором на чистый снег, и от каждого крыльца, от каждой калитки идут лыжни. Они тянутся далеко в лесную сторону, и, быть может, сейчас, в этот самый день, по лыжне среди елок, одетых в мохнатые белые шапки и варежки, скользит дружное звено лыжников из пятого «А».

За ремонтом колец.

Хорошо на лыжах по свежему снежку! Хотя иной раз без «аварий» не обходится. Вот у Саши Зарайского крепление расстегнулось...

ВОЗДУШНЫЙ ПАТРУЛЬ

Стихи Юрия КОРИНЦА.

Рисунки И. Кузнецова.

Спешит, хромая, самолет
По площади аэродрома —
Ему не терпится в полет:
Ведь над землею он, как дома...

С небес далекая земля
Подобна детскому рисунку:
Прямоугольные поля,
Среди полей — дорога в струнку.

Река, что ленточка в косичке,
Перевивается в песке,
И, как просыпанные спички,
Плывут беляны по реке.

Блестит скорлупка парохода.
А рядом — в кустиках садов —
Кирпичики цехов завода
И кубики жилых домов.

В неслышном грохоте
И в дыме
Внизу проходят берега.
И начинается за ними
Непроходимая тайга.

Желтеют мертвые трясины,
Полянами окружены.
Березы, сосны и осины
В дремучий сон погружены.

Стволы стоят, тесня друг друга —
Зеленый лес и сухостой.
Кудрявится внизу округа
Нетронутою красотой!

А самолет все кружит, кружит:
Не видно ли в тайге дымка?

Своей земле он верно служит.
Он видит все издалека.

НА ЛЕСОСПЛАВЕ

Шумит река. А слева, справа —
Тайга. Ни тропок, ни дорог.
По речке бревна лесосплава
Плывут с порога на порог.
Споткнутся на гранитной груди —
И посреди реки затор!
На бревнах суетятся люди,
В руках у каждого багор.
Бревно со скрипом подается,
Потом ныряет и плывет.
Затор крепится, не сдается.
Река под бревнами ревет.
Но постепенно бревна тают —
Штук десять их торчит всего.
И люди в лодке отплывают,
Но оставляют одного.
Он бревна скользкие растащит
И на оставшемся бревне
За пять минут порог кипящий
Проскакивает... В тишине
Причаливает на откосе.
Назад он час идет пешком.
Друзья его на верхнем плесе
Ждут. Огонек под котелком
Потрескивает. Спит округа.
Шумит река. Ручьи журчат.
И глухо бревна друг о друга
В реке стучат.

ЯБЛОКИ

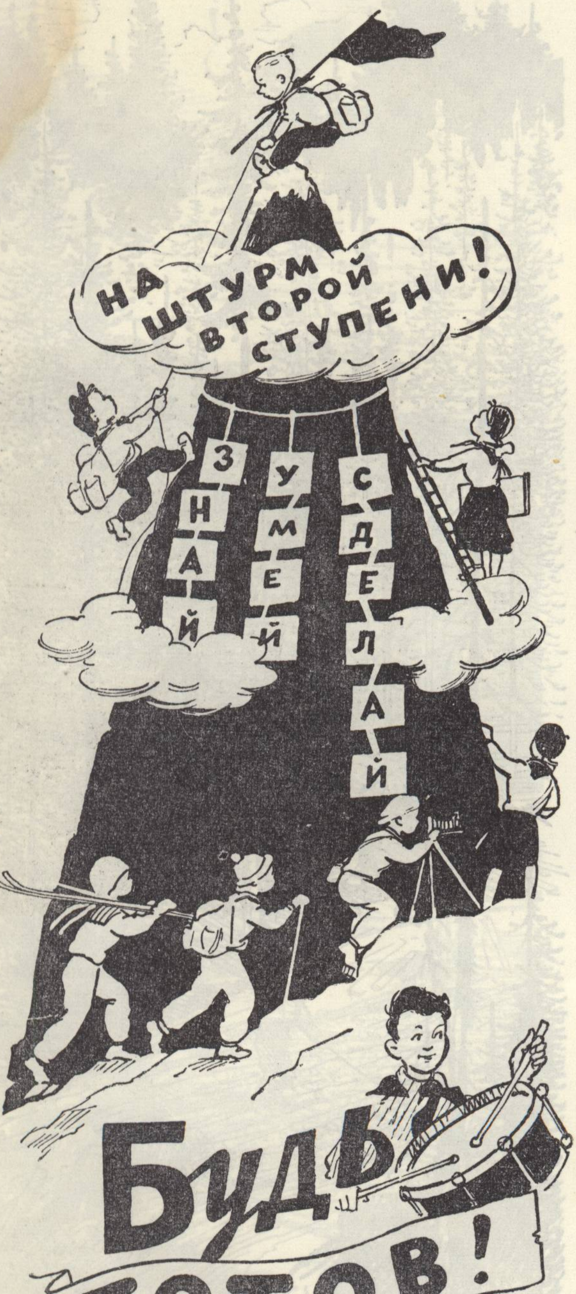
Яблоки в доме навалены грудою,
Больше уж некуда яблоку пасть:
В вазах, в кровати, в шкафу, за посудою...
Яблоки в этом году, как напасть!

Вижу я: в школу ребята отправились,
Яблоки в толстых портфелях несут.
Дома они за столом не управились —
Яблоки по дороге грызут.

Быстро проходят они за оградою,
Ветер холодный им дует в лицо...
Яблоки падают, яблоки падают
В лужи, на землю, в траву, на крыльцо.

«Таким друзьям на свете не страшно ничего...»

СТРАННАЯ ПОСЫЛКА

Из Архангельска пришло письмо. «Приезжайте к нам,— писали ребята. — У нас в отряде интересно».

— Что ж,— сказал вожатый Сима Соловьев,— раз обещали поехать к ребятам, у которых хороший отряд, значит, надо ехать!

Вы ведь уже знакомы с Симой, ребята? Он еще в прошлом году, в одиннадцатом номере журнала, начал вести отдел «Будь готов!» — специальный отдел, в котором рассказывается о пионерских делах.

И вот Сима уехал в Архангельск. Проходит пять дней, семь, десять, уже давно пора ему вернуться, а его все нет.

Вдруг из Архангельска пришла посылка. На почтовом извещении стояло: «Срочно сдайте в набор!» Открыли мы посылку, а там вот что: огромный засушенный краб, морская звезда, выпиленный из фанеры клоун с длинным носом, какие-то фотографии и десяток вырванных из блокнота листков.

Что сдавать в набор? Краба, клоуна? Или листки, на которых написано про какие-то «кукарешки», про пауков да стоит несколько загадочных фраз.

Ничего не поймешь!

Наконец приехал Сима. И тоже удивился.

— Тут ведь,— говорит,— про все написано!

И он рассказал нам, что означали краб, клоун и непонятные слова на листках из блокнота.

> **ЛИСТОК ПЕРВЫЙ**
> **Сами рассмешили, а я виноват. Что получим за бумагу! «На кукарешках».**

Много грехов было у Вали Палханова. Во-первых, он смеялся на уроках. И еще утверждал, что он не виноват. Дескать, это Валя Распутина виновата: все время показывает чертиков из-под парты. Ну, а Палханов и рад... Хохочет на весь класс. Мария Николаевна сердилась:

— И так одни двойки, а ты еще смеешься!

И ребята сердились: зачем класс подводит?

Во-вторых, эта история с бумагой. Однажды вожатая объявила: пойдем собирать макулатуру. Палханов встань да и спроси:

— А что мы за это получим?

Все, конечно, набросились на него: жадюга, только о себе думает! Кто-то даже эгоистом обозвал. Нет, нельзя такого в пионеры принимать!

И не приняли.

Знаете, как обидно, когда все пионеры, а ты без галстука ходишь?

А ребята в этом отряде такие: решили — не отступятся. Хорошего человека они на руках готовы носить, а плохому спуска не дадут. Исправляйся, тогда поговорим.

Кстати, одного мальчишку взаправду носили на руках. Ну, не на руках, так «на кукарешках».

Юра Шилыковский очень болен с детства. В прошлом году совсем ходить не мог. Пройдет шагов десять — и задыхается. И думать нечего, чтобы до школы добраться. Что ж, оставаться ему на второй год?

Вот собрались несколько самых сильных ребят и решили: будем носить Шилыковского в школу. Утром выходят пораньше, заходят к Юре. Геня Абрамов присядет, Юра садится на спину — и пошли. Вот это и называется в Архангельске носить «на кукарешках». Другие ребята портфели несут. Дойдут до колодца — сменяются, пересаживают Юру на Володю Заозерского.

Вот какие товарищи в 5-м классе «Б» 95-й школы! Недаром их отряд за хорошую работу послали на городской пионерский слет. Палханова, конечно, не взяли: не пионер он.

Сидит Валька дома и слушает радио. А по радио их председатель Геня Петровский рапорт отдает. Здорово командует, лучше всех! Потом ребят на чай пригласили. Все стихло в репродукторе, только слышит Валька, как ложки кляцают... Варенье там, что ли? А может, пирожные?

Чей снимок будет лучше? Юра Шилыковский считает, что его: ведь он забрался выше всех.

ЛИСТОК ВТОРОЙ
Совет заседает до вечера.
На штурм! Решено: кармашков будет 15.

В тот раз совет отряда заседал очень долго. Обсуждали «ступеньки».

— А чего тут такого? — сказала Рая Вилачева.— Деревья сажали, лом собирали! Обед приготовить? Да кто его не приготовит? А кто костер не разожжет?

— А ты за всех не говори! — перебил ее Геня Петровский.— Ты, может, все умеешь, а другие не все.

— А что, если объявить: на штурм «ступенек»! Чего с ними возиться! Возьмем и выучимся! — вдруг сказал Коля Емельянов, звеньевой.

— На штурм — это здорово! — согласились ребята. Кто-то предложил плакат такой повесить: «На штурм второй ступеньки!»

Начали выдумывать. Не просто плакат, а гору нарисовать, а по горе дорожки.

— Точно! А на дорожках кармашки. Как кто чему-нибудь научится, пусть на листке свою фамилию напишет — и в кармашек.

— Разбухнут кармашки-то...

— Ничего! А когда весь отряд какому-то делу научится, красный флажок воткнем в этот кармашек.

Стали прикидывать — огромный плакат получается, если все «требования» рисовать. Вожатая помогла:

— А зачем все? Давайте отберем то, что нужно на полгода.

Так и сделали: нарисовали гору, на ней три дорожки: «Знай», «Умей», «Сделай». На каждой дорожке по нескольку кармашков с требованиями. Посмотрели ребята, и каждый на листочках свою фамилию написал и по кармашкам рассовал. Все было на честность. Да и как соврать, если ты весь на виду? Но зря боялись: кармашки вовсе не разбухли. Мало что умеют ребята! А флажок и вовсе некуда было втыкать, хоть его и приготовили заранее.

А мама не верила, что Володя сможет починить забор!

Валя Палханов тоже положил листочки в три кармашка: «Посади дерево», «Пробеги 60 м за 10 секунд», «Умей варить обед». Ведь примут же его когда-нибудь в пионеры! Так надо не отставать... Смеяться-то на уроках он уже почти перестал.

ЛИСТОК ТРЕТИЙ
Штурм или осада!
Время засекли и... разбежались.

Столько дел сразу стало в отряде! Плакат зовет: «На штурм!» А тут не штурм получается, а прямо настоящая осада, с подготовкой, по плану. И с отступлениями...

Пошли отрядом на туристский слет. Тут надо и костер разжечь, и суп сварить, и по азимуту ходить... «Сумеем!» — решили ребята.

Бегом в лес, собрали сучья, каждый спичку сует — вроде загорелось! Побежали за судьями: «У нас уже горит, раньше всех!» Пришли судьи, посмотрели. Действительно, разгорается огонек, и чайник над костром. Засекли время.

А огонек потрепыхался, потрепыхался да и погас. Тут еще дождь пошел. Попытались вновь разжечь костер — не вышло. И все разбежались: кто в палатку, кто под дерево... Только чайник под дождем остался, висит на перекладине...

Выходит, не так-то это просто — «ступеньки»!

ЛИСТОК ЧЕТВЕРТЫЙ
А для кота — считается!
Я только выдержку не знаю!

В отряде прямо лихорадка: все хотят чему-нибудь учиться. Валя Палханов жалуется:

— Ходил в фотокружок, а он «скончался»... Пошел в электротехнический — тоже «скончался»... Теперь вот гимнастикой занимаюсь. Может, хоть этот кружок живучий?

Решили ребята так: а разве в отряде нельзя свои кружки организовать? Геня Абрамов и другие ребята могут поучить выпиливать. Кого-нибудь из родителей попросим, чтоб обед учили готовить, а то Валя Кузьмина всего один раз в жизни суп варила, и то для кота. Сварила мама щи, вся семья ест, а кот капризный, щи не ест. Вот Валя и взялась за стряпню. Но разве суп для кота — это считается?

Юра Шиликовский, Геня Петровский фотографируют хорошо. Пусть каждый сначала хоть двоих научит. Палханов кричит:

— И я умею фотографировать! Я только выдержку не знаю!

Миша Лагунов сказал:

— Вот тут требуется: «Умей выращивать овощи». Я летом на пришкольном участке колышки забивал. Можно мне записать?

— Так ведь колышки-то не овощи! — рассмеялись ребята.

ЛИСТОК ПЯТЫЙ
Бревно длиною с километр. Будут наши лесовозы!

На дорожке «Знай» есть такой кармашек: «Узнай о трудовых делах района, о передовиках производства».

Какое производство, это ясно. Конечно, лесопильный комбинат имени В. И. Ленина. Ведь школа-то находится в поселке комбината, и почти у каждого или отец, или мать, или брат на комбинате работает, и почти каждый много раз бывал там.

Такой уж город Архангельск! Сюда по Северной Двине все лето лес сплавляют, и здесь его распиливают, режут на доски, на брусья, делают из него бумагу и древесный спирт... Отсюда лес и за границу на огромных лихтерах — лесовозах — везут. Так и говорят про Архангельск: «Крупнейшая лесопилка страны».

Пришла как-то в школу газета «Правда Севера», а в ней сказано, что портрет лучшего рамщика комбината Кулигина будет выставлен в областной галерее портретов передовиков производства.

Сразу решили ребята: надо познакомиться с таким выдающимся человеком! Пошли на экскурсию в цех лесопиления. Ох и шум там! У некоторых — кто послабее — в ушах закололо. Нашли Лазаря Павловича Кулигина. Разъезжает он по рельсам на маленькой тележке с огромными клещами. Раз — схватил клещами длиннющее бревно. И двадцать человек такое, наверно, не поднимут! А он его легонько повернул — и в пилораму. Сильная машина в руках у рамщика! Только уползло распиленное бревно, а Кулигин уже следующее подает.

Кто-то разочарованно сказал:

— А почему он передовик? Все равно все машины делают!

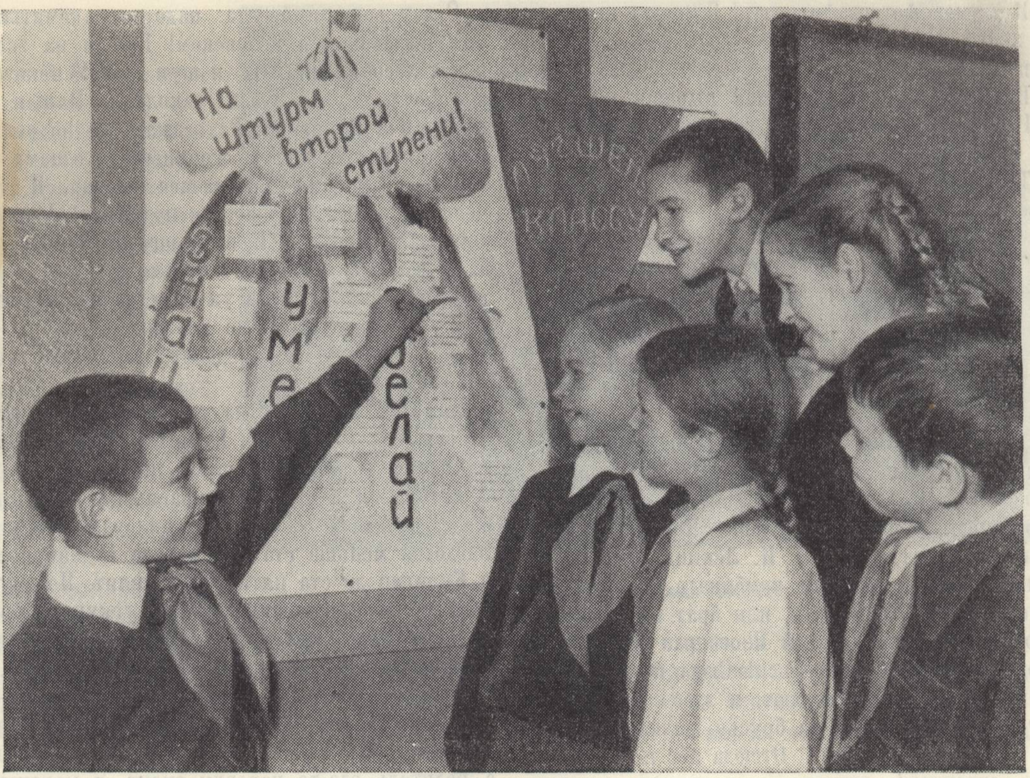
Вожатая Кулигину на ухо прокричала, что ребята говорят. Улыбнулся Кулигин. Может, и засмеялся даже, но в таком шуме ничего не услышишь. А потом, когда прошли в красный уголок, где потише, ребятам объяснили: на пилораме по норме полагается меньше ста кубометров в день распилить, а Кулигин до ста пятидесяти пилит. Потому что не дает он машинам отдыхать ни секунды, бревно за бревном подсовывает, как будто одно длинное-предлинное дерево, длиною с километр, пилит...

Вышли ребята во двор, а там лесовозы бегают. Смешные машины! В Москве, например, таких не увидишь. Колеса огромные, расставлены широко, а водитель где-то наверху сидит, в маленькой кабине. Подъедет лесовоз к штабелю досок, примерится и прямо на него наезжает. Колеса снаружи, штабель внутри, а водитель сверху. Прижмет лесовоз металлическими лапами весь штабель к брюху и повезет куда нужно.

Геня Петровский сказал ребятам:

Легко сказать: «Сделай полезную вещь для школы»! Сначала надо научиться хотя бы выпиливать.

Есть первый флажок! Каждый пионер 5-го класса «Б» посадил по дереву.

— Помните, лом осенью собирали? Совет дружины решил: попросим, чтоб из этого металла на заводе два таких лесовоза сделали, и подарим комбинату.

Будут пионерские лесовозы!

ЛИСТОК ШЕСТОЙ
Класс волнуется.
Улыбнулась...
Опять нахмурилась...
Ура!
Вымпел наш!

Когда Валю Распутину вызывают к доске, весь класс волнуется: ответит или опять двойка?.. Классу, где целую неделю не было двоек, где чистота и порядок, вручают вымпел. Уже третью неделю красный вымпел висит у доски в 5-м «Б».

А сейчас Распутину вызвали... Ох, подведет! Вопрос трудный. Валя молчит, хмурится. Все замерли. Вдруг улыбнулась... Кто-то вздохнул: «Знает!» Опять нахмурилась, молчит... Упрямая она, Валька! Вечно из-за нее неприятности! Лентяйка, и больше ничего! Вот Палханов хоть и не пионер, а и то последнее время руку всегда тянет: меня, мол, спросите! Нет, ничего, Валя кое-как ответила. Теперь Палханова вызвали. Тоже ответил. Молодец!

В субботу приходят из учкома и вымпел забирают. Так положено. А в понедельник староста вновь торжественно приносит его в класс. 5-й «Б» опять впереди!

ЛИСТОК СЕДЬМОЙ
Товарищ замполит,
отряд выстроен!
Алло, машинное,
кто говорит!

Бывают же такие хорошие дни!

Вот сколько событий произошло. Во-первых, Валю Палханова приняли в пионеры. Совет отряда заседал накануне, а сегодня после уроков собрались в пионерской комнате и проголосовали. Никто не был против!

Во-вторых, совет отряда решил: начать выдавать ребятам знак второй ступени — пионерский значок на кружочке из синей материи. И первыми их получат пять лучших пионеров отряда.

А в-третьих...

Но об этом надо рассказать подробнее.

После короткого сбора в пионерской комнате все вышли на улицу, построились и отправились в порт, туда, где у причала стоят рыболовные траулеры.

Комсомольский экипаж траулера «Баку» уже ждал ребят: по сходням, по палубам, по трапам пробирается цепочка ребят прямо на капитанский мостик. Так и стоят лицом к лицу — отряд пионеров и команда моряков. Сдают рапорты.

— Товарищ замполит,— обращается Геня Петровский к заместителю командира по политической части Арсению Ивановичу Подлипскому,— отряд выстроен!

Валя Палханов слышит это уже не по радио, он теперь вместе с отрядом. Только еще не в строю. Но вот звучит над мостиком и его хрипловатый голосок: «Торжественно обещаю...» Арсений Иванович повязывает ему алый галстук, как и у всех! Волнуется замполит, волнуется Валя Палханов, замер от волнения весь отряд...

— Юный пионер, к борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

— Всегда готов! — отвечает Валя и в первый раз в жизни отдает салют.

Потом моряки прикололи значки второй ступени Гене Петровскому, Гене Абрамову, Коле Емельянову, Тамаре Копыловой и передали значок для Юры Шилыковского.

— Команда комсомольско-молодежного траулера надеется, что вскоре такие значки будут у всех, что все пионеры со ступеньки на ступеньку будут подниматься к комсомолу! — сказал Арсений Иванович.

А потом ребята разбежались по кораблю, и им позволяли и штурвал крутить, и подавать команду по машинному телеграфу, и трогать большой морской компас... Потому что на корабле не в музее, здесь все сделано прочно и надежно.

Тамара Лукашова звонит из штурвальной рубки:

— Алло, машинное! Кто говорит? Турзенок? Привет, Турзенок! Это я, Лукашова! Как у вас там, интересно? У нас тоже! Иди к нам!

Облазили весь корабль, спели морякам на прощание хорошую песню про красноармейца Сеньку, который сражался на баррикаде, и отправились домой по деревянной мостовой, какие встретишь только в северных лесных городах. По дощатому настилу гулко топали ноги. Впереди развевалось знамя, а за знаменем вслед летела песня:

Таким друзьям на свете
Не страшно ничего!
Один за всех в ответе,
И все за одного.

* * *

Послушали мы рассказ об архангельских ребятах и спрашиваем:

— А откуда же все-таки краб, и морская звезда, и фанерный клоун, что были в посылке?

— А это не я прислал, это ребята! — сказал Сима Соловьев.— «Нам,— говорят,— не жалко. У нас этого добра много. А то еще кто-нибудь не поверит, что мы и на траулере были и вот такие игры делаем, вроде этого клоуна,— словом, что у нас и вправду дружный отряд».

И тут, прямо на капитанском мостике, Гене Петровскому приколсли значок пионера второй ступени.

ГОТОВИМСЯ К ВЕЧЕРУ ЧУДЕС

КАК ЗАЖЕЧЬ САХАР!

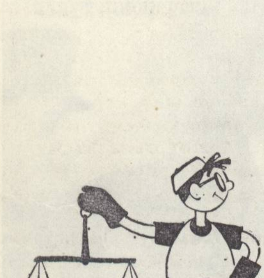
Подержите кусок сахара над пламенем спиртовки. Сахар начнет плавиться, но не загорится, сколько бы вы его ни нагревали. Но если вы поднесете к куску сахара тлеющую папиросу и стряхнете на него пепел, сахар мгновенно загорится синеватым пламенем.

Отчего это произошло?

В табачном пепле есть совсем немного солей лития. Они служат катализатором и ускоряют окисление сахара настолько, что он легко загорается даже от спички.

Этот опыт пройдет еще лучше, если вы достанете несколько кристалликов солей лития и положите их на кусок сахара.

РОЗОВЫЙ ФОНТАН

Приготовьте смесь из равных частей аммиака и сухой гашеной извести, насыпьте ее в пробирку, закрытую пробкой с газоотводной трубкой. Нагрейте пробирку. Из нее станет выделяться газ аммиак. Соберите его в банку, опрокинутую вверх дном над газоотводной трубкой. Потом закройте банку пробкой, в отверстие которой вставлена пипетка, обращенная оттянутым кончиком внутрь банки. Опустите банку в чашку с водой, в которую добавлен раствор фенолфталеина. Вода поднимется по пипетке внутрь банки. Если банка закрыта плотно и вода не просачивается в щелки около пробки, то вслед за первыми каплями в дно банки ударит красивый ярко-розовый фонтан. Почему это происходит, вы, наверно, сами догадаетесь, если вспомните, что газ аммиак хорошо растворяется в воде (700 объемов в 1 объеме воды).

ВУЛКАН НА СТОЛЕ

На небольшой квадратный лист железа или жести насыпьте стертый в фарфоровой ступке двухромовокислый аммоний и нагревайте его на горелке.

Горение аммония, разбрасывающего искры, напоминает извержение вулкана. «Вулкан» непрерывно растет, потому что при горении двухромовокислый аммоний разлагается и образует новое вещество зеленого цвета — окись хрома.

ДОБЫВАНИЕ «ЗОЛОТА»

Приготовьте три пробирки. В первую налейте раствор уксуснокислого свинца, во вторую — йодистого калия. Оба эти раствора прозрачны, как вода. Вскипятите их и одновременно слейте в третью чистую, сухую пробирку. Когда раствор станет остывать, он красиво заискрится, из него начнут выпадать блестящие золотистые кристаллы йодистого свинца. Они растворяются в горячей воде; поэтому если вы снова подогреете раствор, «золото» исчезнет. При охлаждении из раствора снова выпадут золотистые лепестки.

ВИКТОРИНА

Какие простые вещества находятся при обычных условиях в жидком состоянии?

«Аргон» по-гречески значит «ленивый». Почему химический элемент аргон так называется?

Какая разница между бромом, прописываемым врачами, и химическим элементом бромом?

Как обуглить дерево без огня?

Можно ли получить воду из огня?

Всегда ли правильна пословица «нет дыма без огня»?

Какая свободная сильная кислота находится у здорового человека в желудке?

Едим ли мы железо?

Какие металлы легче воды?

В каком воздухе резина становится хрупкой, как стекло?

Соли какого металла опасно носить в кармане, даже в плотно закрытой стеклянной баночке?

Опрометчивое пожелание

Рассказ-загадка, составленный членами химического кружка 110-й московской школы

Приготовив урок по химии, я включил радио. Передавали фантастический рассказ.

В рассказе говорилось о человеке, который вдруг обнаружил в себе необыкновенную силу воли. Что бы он ни пожелал, все мгновенно исполнялось. Однако от этого произошли такие бедствия, что сам человек пришел в отчаяние и напоследок пожелал, чтобы все стало по-прежнему и чтобы его опрометчивые желания перестали исполняться.

«Жаль, что герой рассказа не пожелал уничтожить тот химический элемент, который я только что изучал»,— подумал я. Признаюсь, по сравнению с другими этот элемент показался мне малоинтересным. Но тут же, вспомнив, чем кончился рассказ, я спохватился. Вот какие последствия моего желания представились мне.

В одно прекрасное утро близорукий человек просыпается, привычно протягивает руку к столу, на котором лежат его очки, надевает их, но... по-прежнему ничего не видит: у него на носу пустая оправа.

Что это, откуда дует такой холодный ветер? Человек оглядывает свою комнату: в окне нет ни одного стекла, от зеркала осталась только рама; буфет пуст: посуда, чашки, стаканы — все исчезло бесследно.

Раздается страшный треск и грохот. Рушится потолок, летят, рассыпаясь в пыль, камни... Среди всеобщего разрушения человек чудом остался жив. Удивительное дело: как легко, необыкновенно свободно стало дышать!

Нет, подумал я, не так. Этим не могла закончиться катастрофа. Ведь с исчезновением этого элемента почти целиком исчезнет земная кора. Испарятся океаны. Громадные массы пара поднимутся вверх, охладятся и упадут на Землю страшным, невиданным ливнем. Затем вода снова испарится, и этот бурный круговорот будет продолжаться до тех пор, пока не образуется новая земная кора, не похожая на старую: окислы металлов займут, пожалуй, главное место в ее составе. Может быть, снова зародится жизнь. Произойдет целый переворот в жизни Земли, и вместо людей на Земле будут развиваться другие существа.

Что же это за исчезнувший элемент? Представим себе далекую древность. Вот в темной пещере сидит на корточках первобытный человек. В его руках два куска какого-то камня. Он ударяет камень о камень. Дождем сыплются искры, и вот уже начинает тлеть мох. Вспыхивает яркий огонь и освещает острые осколки того же камня, привязанные к деревянным палкам,— оружие соплеменников этого человека, с которым они охотятся на диких зверей.

Как тверд этот камень! Ведь недаром с ним сравнивают людей, непоколебимых в своих убеждениях. От названия этого камня и произошло русское название того элемента, о котором идет речь.

Что же это за элемент?

С. РУНГЕ

Рисунки В. Андриевича.

Вот тут нарисовано, дети, бревно.
Какие же мысли рождает оно!
С какой стороны ни посмотрите,
но
Само по себе оно только бревно,

Чурбан неотесанный, дерева ствол.
И я бы о нем разговор не завел.

А стали трудиться над этим бревном —
И сделалось дверью оно и окном,
Крылечком, куда на заре выхожу,
Рабочим столом, за которым сижу...

Пусть было бревно и теперь его нет.
Есть парта,
скворечник,
метла,
табурет,
Линейка,
учебник,
бумаги листок,
На ней и пишу я вот этот стишок.
Плывет оно планером легким в полет,
Скрипит половицей,
и флейтой поет,
И скрипочкой плачет тонюсенько,
но
Пока перед вами всего лишь бревно.
Выходит, тогда только польза видна,
Когда изготовлена... вещь
из бревна.

◇

Пусть каждый подумает крепко о том,
Чтоб в жизни ему не остаться бревном.

АЛЫЙ ЦВЕТОК

Л. ФРИДМАН

Фото ученика 9-го класса В. Чернова.

ВСЕ БЛАГОПОЛУЧНО

В школьном дворе разбита клумба. Как и на всякой клумбе, на ней растут цветы. Их посадили юннаты десятой школы. Раньше были ямы да кучи камней, а теперь пышно цветут флоксы, благоухают гвоздики, розы кивают головками.

Однажды зашли в школу представители гороно, и ребята слышали, как один из них сказал:

— Ну, что касается озеленения, то у вас с этим благополучно.

Только почему так получается? И школьный двор в образцовом порядке, и весь переулок Короткий, в котором стоит школа, засажен деревьями, и одна из самых больших улиц в городе, Советская, зеленеет тополями, посаженными пионерами десятой школы, а ребятам чего-то недостает! Нет настоящего дела, такого, чтоб было трудно, чтоб уставали руки, ноги, а душа радовалась. Школьный поэт даже стихи про это сочинил. Там были такие строчки:

Жить на свете
очень скучно,
Если все благополучно.

ЗЕМЛЯ!

Когда люди ищут настоящее дело, они его находят. Однажды в воскресенье поехала группа школьников в подшефный совхоз № 10, Октябрьского сельского района, помочь в уборке свеклы. Поехали, как не раз уже ездили, но вернулись взволнованные. Юра Сокольский и Таня Процай прямо с автобуса пошли домой к учительнице биологии Елене Степановне Ворошиловой. Им не терпелось рассказать ей обо всем, и они перебивали друг друга.

— ...А я спросил директора: «Что на той земле сеете?» А он сказал: «Ничего. Та земля пустует пока».

— А земли много, гектаров пять, наверное,— вставила Таня.— И хорошая земля, жирная.

— Погоди ты! — махнул рукой Юра.— А мы говорим: «Дайте нам поработать на той земле». А он сказал: «Что ж, неплохое дело». И еще сказал, что завтра будет в городе и зайдет к нашему директору договориться.

— И если они договорятся,— вставила Таня,— если совхоз даст нам эту землю, то мы можем создать там свой опытный участок, или сад, или виноградник — что захотим.

— Что же мы захотим? — сказала Елена Степановна.— Давайте завтра соберем кружок и все вместе подумаем.

...А через день в школьном коридоре висело такое объявление:

«Ребята! Земля есть! Организуем школьный совхоз. Подавайте заявления Юре Сокольскому. Вносите свои предложения по работе совхоза. Придумывайте название для нашего совхоза!»

ГОТОВЬ САНИ ЛЕТОМ, А ИНКУБАТОР ЗИМОЙ...

Конечно, в совхоз записались не только юннаты. Чуть не вся школа захотела работать.

Директором совхоза выбрали Юру Сокольского. Он и организатор хороший и в сельском хозяйстве разбирается: у них около дома сад, огород.

Агрономом назначили Таню Процай: ведь ее георгины возили даже на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку в Москву. Понимает человек землю!

Назначили бригадиров, счетоводов, кладовщика.

Все, как в настоящем совхозе. И уже зимой начали готовиться к лету: читали агрономические книжки, изучали разные сельскохозяйственные машины. Старшеклассники на уроках машиноведения разбирались в схемах тракторов, строительная бригада готовила чертежи для постройки будущего крольчатника и птичника. А физики конструировали инкубатор. Всю зиму провозились с ним.

Главный конструктор Сережа Кашляков ездил с ребятами к инженерам рудоремонтного завода. Заводские комсомольцы предложили:

— Давайте сделаем вам инкубаторы здесь, на заводе.

Но ребята сказали шефам:

— Нет, мы лучше сами сделаем.

Школьная мастерская была завалена чертежами, досками, стружками. Сережа и другие конструкторы трудились целыми вечерами. И вот школьная газета-«молния» сообщила:

«Инкубаторы вступили в строй!»

Может быть, это немного смешно — такими громкими словами говорить про обыкновенные ящики с лампочками и полками, но ведь столько трудов было с ними! Лампы то слишком жарко грели, так что ребята боялись, не сварились бы яйца, то, наоборот, нагрев был слишком слабый.

Но не зря про Сережу Кашлякова говорят, что в нем упрямства на десять человек.

«Ни пуха ни пера!..» Нет, пожалуй, эта поговорка не к месту, когда закладываешь яйца в инкубатор, как это делают Оля Кузнецова и Рая Андреева.

Он сделал-таки терморегулятор, и, когда в инкубаторе становилось слишком жарко, ток автоматически выключался. Правда, включать ток снова прибор не мог, и потому решено было установить у инкубаторов круглосуточное дежурство.

И вот через каждые три часа, сменяя друг друга, в пустой класс, превращенный на время в инкубаторную станцию, приходят ребята. На рукаве у каждого зеленая повязка, на которой вышит желтый цыпленок.

— Ну как, все в порядке? — спрашивают новые дежурные.

— Да, яйца перевернули двенадцать минут назад.

В течение трех недель инкубаторы ни на минуту не оставлялись без присмотра, а в последнюю, двадцать первую ночь на инкубаторной станции собралась уйма народу. Дежурные во все глаза смотрели на лотки с яйцами. «Тук-тук»,— еле слышно раздалось вдруг в одном лотке.

— Тише! — Нина Орлова замахала руками, как будто шум мог повредить делу.— Вылупляются. Один уже головку высунул! Ой, даже страшно!

Елена Степановна взяла цыпленка в руки.

— Ничего страшного. Вылупился — значит, жить хочет.

Все обступили инкубаторы. Еще один цыпленок, еще, а вот еще два, пять, десяток, другой... И все пищат, просят есть. Ребята несут мелко нарезанный зеленый лук, крошево из крутых яиц, кашу, стучат перед цыплятами пальцами.

— Глупые, это же витамины! Учитесь клевать!

ВСЕ ВЗАПРАВДУ

Подошла весна. Пора начинать вспашку. В школе еще шли занятия, а трактористы-старшеклассники в воскресенье выехали в совхоз. Во «взрослом» совхозе им дали трактор.

И вот Витя Олейников сел за штурвал. Другие ребята стояли в стороне и смотрели. Мотор включен — трактор плавно пошел по полю. За ним ложится полоса вспаханной земли.

— Как на целине! Да, ребята? — сказала Рая.— До чего же здорово!

...А вокруг стучат топоры, поют пилы... Это пионерская бригада строителей ставит птичники, крольчатник.

На опушке леса, у небольшой речки Грушевки, поставили два десятка палаток. Так был заложен совхозный городок. А когда приехали ребята, они сделали пионерскую линейку и посадили цветы — крупные махровые маки. Зацвели маки, алые, шелковистые, и само собой пришло название совхоза — «Алый цветок». Только ребята скоро стали называть его по-другому: «Аленький цветочек», как в сказке.

Торжественный момент... Витя Олейников прокладывает первую борозду.

Хорошо жить в палатке, хорошо купаться в прохладной речке Грушевке, хорошо на рассвете, еще до восхода солнца, бежать в поле!..

Сахарная свекла зарастает — надо пропалывать, кукурузу прореживать, цыплят кормить, крольчатник мыть, а еще виноградник, яблони, клубника...

Если вечером попытаешься вспомнить, что сделано за день, голова кружится: столько всяких дел — все важных, неотложных! — пройдет через твои руки.

А если кто спросит ребят: «Устали?», — отвечают: «Устали».

Только, видно, это хорошая усталость, если вечером, когда высоко над степью взойдет луна, звонко распевают ребята пионерские песни...

СОРНЯКИ

На утренней линейке бригадир свекловодов Алеша Куденко сказал:

— Ребята, сорняк замучил. Как кто управится у себя, приходите нам помогать. Сами мы с тем бурьяном не сладим.

Нелегкое дело — прополка. Дождя не было давно, земля сухая, пылит, скрипит на зубах. А сорняк сидит крепко, корни у него глубоко, не сразу выдернешь. Алеша идет впереди, дергает, дергает проклятый бурьян, со злостью отшвыривает в сторону. Все длиннее прополотые грядки; хоть и не быстро, а подвигается дело. Вот и подмога подошла — сводная бригада. Теперь дело пойдет.

Пить как хочется! Эх, сейчас бы на речку, нырнуть в самую глубину! Ну, ладно. Это успеется и после работы. Тогда уж они все накупаются вволю. Алеша посмотрел в сторону реки и вдруг поднялся над грядкой. Кто-то купался. Вон опять нырнул — засверкали на солнце брызги. Кто бы это мог быть? Над водой мелькнула рыжая голова. Колька из его бригады! Опять он! Вчера не вышел на работу. Сегодня с утра был здесь, а потом, значит, сбежал на речку! И откуда только берутся такие люди?!

Вечером у костра не было песен. Коля сидел вместе со всеми, грыз подсолнухи.

— А что ж тут такого? — сказал он и плюнул шелуху в огонь.— Работа, работа! От работы кони дохнут. А сейчас, между прочим, каникулы, отдохнуть не мешает. Даже в газетах пишут: «...чтобы с новыми силами взяться за учебу».

— Свинья ты, Колька! — не вытерпел Юра.— Даже хуже! Это же подлость — за чужими спинами курорт себе устраивать! Что мы тебя сюда, на аркане тащили?..

— Да что с ним говорить! — крикнула из темноты Таня.— У всех спины ломит от прополки, пальцы не гнутся, а он, он... Сорняк, вот он кто!

...Наутро с попутной машиной Коля уехал из совхоза в город. Его никто не провожал. О нем никто не вспоминал больше.

В совхозе «Алый цветок» был и коллекционный участок. Здесь ребята посеяли самые разные растения.

НОВЫЕ ЗАБОТЫ

Быстро мчится лето. Как будто недавно приехали ребята в совхоз, а уже дочерна загорели лица, добела выгорели брови.

— Володька, ты похож на свои негативы! — подшучивает над приятелем-фотографом директор совхоза Юра Сокольский.

— Ладно уж,— отмахивается Володя Чернов.— На себя погляди, головешка!

Юра смотрит. Полинялая телогрейка. Заляпанные грязью сапоги. Много забот у директора! Юра достает потрепанную тетрадку. Длинные столбики цифр. Тыквы будет тонны три, свеклы — около четырех, а еще кукуруза, просо, кролики, куры, утки, голуби — солидное хозяйство!

Желтые, пушистые цыплята превратились в белых крупных леггорнов. Породистые куры, одна к одной. Не зря птицевод Таня ездила весной за яйцами так далеко, в Белокалитвенский питомник. Птицеферма получилась первоклассная.

Теперь надо переселить кур на зиму в теплый сарай, а чтобы построить такой сарай, нужны материалы, надо хлопотать о лесе, о тесе, дранке...

Свекла уродилась ничего, пожалуй, не хуже, чем во «взрослом» совхозе. Но ее надо вовремя убрать. И свеклу, и кукурузу, и тыкву. Часть оставить на корм животным, часть продать государству.

И кроликов надо продать — вон их сколько развелось! Одних только больших пушистых кроликов породы «Белый великан» сорок штук!

И директор вместе с бригадирами подсчитывает, обдумывает, как получше распорядиться совхозным богатством. На деньги, что получат за урожай, решено приобрести радиоузел для школы. А часть денег нужно оставить: весной купить рассаду, саженцы, утиных яиц прикупить, а то уток в совхозе пока еще мало — всего пятьдесят. В будущем году будет тысяча. Может, и поросят начнут выращивать — как решит собрание членов совхоза. Тогда надо побольше корма припасать для свиней.

И уже с осени пора составить план работ на будущее лето, подготовить землю под озимые, заложить питомник для будущего сада. «Алый цветок» требует забот. Сами же хотели все делать взаправду, отступать не приходится.

Да ребята и не жалуются на трудности. Потому что давно уж известно: чем труднее, тем интереснее.

— У нас теперь все свое,— хозяйственно замечает Таня Процай,— не покупное. Куры свои, просо они клюют наше, совхозное. Да еще и веников из этого проса мы навязали, на несколько лет хватит школу подметать.

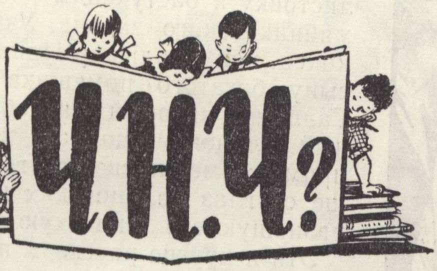
Теперь дальше: яйца для инкубаторов весной не покупать — наши куры нанесут. Кроликов кормим своими бураками, капустой, даже попугаев в живом уголке кормами обеспечили, целый мешок подсолнухов собрали. Все у нас свое.

Сережа Кашляков говорит:

— А дел еще, дел сколько!

Он говорит таким тоном, что всем ясно: хорошо человеку. Да это и правда хорошо, когда впереди много настоящих дел и когда все дела получаются.

г. Шахты,
Ростовская область.

Не так давно к нам в редакцию пришли три мальчика. Двое из них никак не решались нас о чем-то спросить.

Как потом выяснилось, эти двое случайно встретили приятеля, который увязался за ними и хотел во что бы то ни стало узнать, зачем ребята идут в редакцию «Пионера».

Но у ребят было поручение от звена. И поручение важное. Поэтому до поры до времени товарищи не хотели болтать о нем.

Помявшись, один из мальчиков произнес:

— Че-эн-че!

— Не понимаю,— сказал наш сотрудник.— Ты, по-видимому, говоришь на каком-то незнакомом нам языке.

— Нет, мы хотим спросить у вас: «Че-эн-че!»

— А что означает это слово!

— Это не одно слово, а целых три.— И, оглянувшись, мальчик что-то шепнул на ухо сотруднику.

— А, понимаю, понимаю,— сказал громко сотрудник.— Вы хотите спросить...

— Что нам читать! — шепотом, чтобы его не услышали, быстро подсказал мальчик.

И мы пообещали ему, его товарищу, всем ребятам из их звена рассказывать о новых интересных книгах и чем-либо замечательных старых.

А так как вопрос «Че-эн-че!» задают все ребята, в каком бы классе, в какой бы школе, в каком бы городе они ни учились, то мы решили постоянно отвечать на этот вопрос на страницах журнала.

Спрашивайте нас о писателях и книгах, сами рассказывайте о прочитанном, а мы будем вам отвечать и советовать.

Итак, Ч.Н.Ч.!

Раскроем, ребята, повесть Марии Павловны Прилежаевой «Начало» и перенесемся назад на шестьдесят с лишним лет. Петербург. Сумерки. Дышит холодом осеннее небо. Резкий ветер гонит по Неве волны с белыми гривами. Чиновники в тощих шинельках, мелкие служащие возвращаются с должности по домам. Что же случилось в такие дни? Какие произошли события? Почему писательница озаглавила свою повесть «Начало»? Прежде чем ответить на эти вопросы, присоединимся к юноше в поношенной бобриковой куртке, который, отделившись от уличной толпы, входит сейчас в один из серых, неказистых «доходных» домов, где до революции селились бедные студенты, мастеровые, рабочие.

Вместе с ним мы попадаем прямо на собрание марксистского кружка. Конечно, будь мы одни, нам нелегко было бы сюда проникнуть. Ведь молодые революционеры — участники кружка, несмотря на свою молодость, были опытными конспираторами. Но такова уж магическая сила литературы: перед ней распахиваются все двери, даже в эту конспиративную квартиру. А здесь молодые марксисты жадно слушают сейчас реферат Владимира Ильича Ульянова, только недавно приехавшего в Петербург на революционную работу. Вот Ванеев, вот Сильвин. Пока они еще почти не знакомы с Владимиром Ильичем, но скоро станут вместе с ним организаторами «Союза борьбы за освобождение рабочего клас-

Владимир Ильич однажды до рассвета писал в каморке слесаря Ивана Васильевича Бабушкина, будущего выдающегося революционера-профессионала, агитационную листовку к бастующим рабочим Семянниковского завода. Узнаете, наконец, как Владимир Ильич ездил к сыну богатого помещика Алексею Ганшину, который, раздобыв печатный станок, решился напечатать прямо в имении своего отца, подальше от глаз полицейских ищеек, поразившую его ленинскую статью.

Эти и другие рассказы посвящены иногда очень важным событиям в жизни Ильича, иногда как будто бы менее важным. Но в биографии Ленина каждая страница важна и бесконечно драгоценна. А Прилежаева воссоздает эти страницы с большой теплотой и задушевностью. В ее книжке подкупает та достоверность, которую испытываешь всякий раз при чтении мемуаров вдумчивого, наблюдательного человека. И в то же время это рассказ писателя, который передает события не просто с документальной точностью, но и рисует картины жизни рабочего Петербурга, раскрывает душевную жизнь своих героев. Одним словом, художник воссоздает то, что не могут сохранить, да и не всегда сохраняют документы. Зато и живой образ Владимира Ильича появляется в книге в окружении живых, интересных людей и тех, кто прочно связал свою судьбу с судьбой революции, и тех, кто оказался лишь временным ее попутчиком. Мы видим от главы к главе, как растет и крепнет единство революционных борцов с пролетариатом, с замечательными его представителями, такими, например, как передовик-рабочий Иван Бабушкин. И это во многом определило удачу новой повести Прилежаевой.

са». А горячий, порывистый юноша, с которым мы пришли на собрание,— это ведь Глеб Максимилианович Кржижановский, один из старейших членов нашей партии, здравствующий и поныне!

Теперь вам, вероятно, будет понятней и самое заглавие повести. В ней описываются памятные, знаменательные события. Правда, для многих людей того времени эти события прошли почти незамеченными. Но сейчас-то мы хорошо знаем, что они действительно стали началом, истоком величайших исторических перемен. И писательница убедительно показывает в своей маленькой повести, как с приездом Ильича в Питер оживилась, расширилась боевая, революционная работа петербургских марксистов, как по-новому, яснее, глубже раскрылось для них содержание собственной деятельности.

Может быть, многим из вас уже приходилось слышать в школе и на пионерских сборах об этом периоде жизни Владимира Ильича. Если это так, тогда вам, конечно, рассказывали и про его замечательную книжку «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», в которой были намечены основные задачи русских марксистов. Из повести Прилежаевой вы узнаете, как молодые товарищи и соратники Владимира Ильича, хорошо понимавшие выдающееся значение ленинской работы для революционного движения, с риском для себя нелегально напечатали и за одну ночь собрали, сброшюровали ленинскую книгу. Узнаете вы и о том, как

Хорошая книжка о славных революционных борцах, о тех, кто мужественно сражался и продолжает сражаться за счастье людей,— всегда хороший подарок читателю. Хорошая книжка о Ленине — событие вдвойне отрадное. Внимательно читая повесть Прилежаевой, вы, вероятно, будете иногда досадовать на автора за некоторую беглость описаний. Но эта книжка из числа таких, с которыми хочется дружить. К великому ленинскому образу, который живет у каждого из нас в сердце, она прибавит несколько новых памятных штрихов.

Б. Галанов

Книги о Ленине

Ты пионер-ленинец. Ты любишь Ильича. Так расскажи своим младшим товарищам, октябрятам, о великом вожде трудового народа, прочитай им эти книжки о Владимире Ильиче Ленине.

ПОЧЕРК ПИСАТЕЛЯ

С этой книгой у меня случилось несчастье. Кто-то принес ее, когда никого не было дома, и первым читателем книги оказался щенок Ромка. Он «прочитал» ее так, что от верхней части обложки и от первой страницы ничего не осталось.

В общем, можно было установить, что книга называется «Как я был самостоятельным» и выпущена Детгизом в 1958 году. А вот фамилию автора щенок разодрал начисто.

«Кто же написал эти рассказы?» — подумала я и стала их читать.

Первый рассказ был очень смешным. В нем описывались злоключения девятилетнего школьника Леши, попытавшегося хоть один день быть самостоятельным. О самых забавных вещах здесь говорилось необычайно серьезно, отчего они выглядели еще комичнее.

На минуту мне показалось, что автор — такой же озорной мальчишка, как Леша, от лица которого идет рассказ, но вскоре я поняла, что ошиблась. Нет, нет, автор хоть и прекрасно понимает своего героя, но все же чуть-чуть подсмеивается над ним. Он как будто и не осуждает Лешку, но развертывает события таким образом, что мы сами осуждаем героя.

Это умение незаметно подсказать правильное отношение к поступкам героя особенно сильно почувствовалось в другом рассказе — «Кинохроника». Герой его, юный кинолюбитель, хочет снять на ленту эффектную сцену драки, но нечаянно примиряет враждующее звено... Вдоволь посмеявшись над острыми положениями рассказа, я невольно подумала: «А ведь правда, лучший способ сдружить ребят — это включить их в общее, интересное дело». Об этом прямо не говорилось в рассказе, эта мысль вытекала из веселого повествования как будто нечаянно.

Где еще, в каких еще рассказах, случалось нам встречать этот юмор, жизнерадостный, но подчас довольно едкий, это понимание ребячьих, главное — мальчишеских характеров, это умение весело, остроумно построить сюжет и ненавязчиво, как будто между строк, подсказать серьезную, нужную мысль — словом, все то, что, вместе взятое, составляет тот самый свой «почерк», который есть у каждого талантливого писателя?

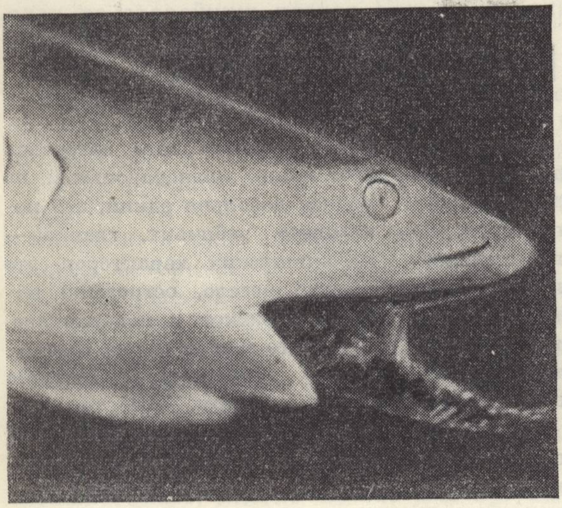
Мне вспомнились «Райкины пленники», «Гадюка», «Архимед Вовки Грушина» и еще многие рассказы, написанные тем же почерком. И, подклеив обложку книги, я с уверенностью проставила на ней фамилию автора. Многие из вас отгадали ее, наверно, раньше меня и знают, что на сборнике рассказов, о котором здесь говорится, написано: «Ю. СОТНИК».

Ю. Савицкая

Что это здесь за чудо-юдо рыба, колючая, как еж? И откуда взял ее этот человек в странной маске? Как ухитрился фотограф снять акулу за завтраком и чем окончится поединок человека со свирепым «тигром морей»? Все это и много других интересных вещей ты узнаешь, прочитав книгу Фолько Квиличи «Приключение на шестом континенте».

Веселый мудрец

Скажи, пожалуйста, любишь ли ты посмеяться? Посмеяться весело, от души? Любишь? Ну, тогда тебе просто необходимо познакомиться с этим человеком.

Про него рассказывают, что даже похоронить себя он велел так, чтобы прохожий, глядя на его могилу, не мог не улыбнуться. И действительно, трудно удержаться от улыбки, когда увидишь такое надгробие: в чистом поле на четырех столбах стоит худая крыша, кругом гуляет ветер, а на двери, что болтается на ржавых петлях, висят два огромных замка.

Этот человек известен многим народам мира. О нем рассказывают арабы и узбеки, турки и иранцы, албанцы и таджики, уйгуры и азербайджанцы. И называют его не всегда одинаково: кто «Ходжа Насреддин», кто «Молла Насреддин», кто «Насреддин эфенди», а кто просто «Ходжа» или «Ананди».

И живет этот веселый герой до сего дня, несмотря на то, что ему давно уже перевалило за несколько сотен лет.

Как же объяснить такое необычное, завидное долголетие? Очень просто: настоящий Ходжа Насреддин, скромный учитель и весельчак, жил в XIII веке и умер, когда ему исполнилось 76 лет, но те веселые истории, которые он придумал и которые случались с ним самим, пересказывались из года в год, дополнялись все новыми и новыми рассказчиками. И он остался живым, веселым и

здоровым во многих сказках, рассказах и анекдотах, придуманных в разных восточных странах и дошедших до наших дней.

Не мог народ похоронить этого лукавого и мудрого, благородного и справедливого героя, который так ловко одурачивал богачей и мулл, судей и купцов.

Каких только уловок не придумывали они, чтобы досадить Насреддину и посрамить его, но у них ничего не получалось. Веселый бедняк выходил победителем из всех испытаний, потому что его любил и помогал ему народ. Вот почему богатеи не рисковали в открытую связываться с ним. И действительно, всего можно от него ждать. Пришел как-то Насреддин с друзьями к судье, чтобы разобрать запутанное дело, а судья, как только увидел его, сразу спрятался. Но Ходжа успел заметить голову судьи в окне.

— Судьи нет дома,— сказал слуга.— Он ушел на базар.

— Скажи своему хозяину,— ответил Насреддин,— чтобы он, уходя на базар, не оставлял своей головы в окне, а то люди думают, что он дома.

Ты помнишь веселые стихи Самуила Яковлевича Маршака о том, какая история приключилась с ослом и его двумя хозяевами: стариком и мальчиком?

Так этот случай тоже был с веселым Насреддином.

Писатели не раз обращались к рассказам о жизни Насреддина, полной неожиданных приключений и веселых происшествий. О нем создано много книг.

Мне кажется, тебе уже захотелось побольше познакомиться с ним. Тогда возьми и прочитай книгу Бор. Привалова «Веселый мудрец». Она вышла недавно в Детгизе.

В. Орджоникидзе

НИКТО И ДРУГИЕ

В маленькой гостинице появляется странный постоялец. С головы до ног он закутан в плащ. На руках перчатки. Шляпа надвинута низко на лоб. Лицо забинтовано. Однажды хозяйке гостиницы удалось подглядеть, как незнакомец снимает бинты с лица. Каков же был ее ужас, когда она увидела, что под бинтами нет ничего. Ни щек, ни глаз, ни лба, ни подбородка. Ничего. Пустота. Помните? Так начинается фантастический роман английского писателя Герберта Уэллса «Человек-невидимка». Многие из вас, наверное, его читали.

Выдуманного Уэллсом человека-невидимку я невольно вспомнил, поглядев на обложку новой книги поэта Бориса Заходера. На ней тоже нарисован невидимка. И даже не один, а двое: невидимка-девочка и невидимка-мальчик.

Книжка Бориса Заходера «Никто и другие» вовсе не фантастическая. И герои ее ничем не напоминают таинственного невидимку Уэллса. Чтобы убедиться в этом, стоит только перевернуть обложку книги и взглянуть на ее титульный лист. Здесь нарисованы та же девочка и тот же мальчик, только на этот раз перед нами не невидимки, а самые обыкновенные ребята.

В чем же дело? Почему художник сделал такую странную обложку?

Я думаю, вы без труда сами ответите на этот вопрос, прочитав стихотворение, давшее название всей книжке:

Завелся озорник у нас.
Горюет вся семья.
В квартире от его проказ
Буквально нет житья!
Никто с ним, правда, не знаком,
Но знают все зато,
Что виноват всегда во всем
Лишь он один — НИКТО!
Кто, например, залез в буфет,
Конфеты там нашел
И все бумажки от конфет
Кто побросал под стол?
Кто на обоях рисовал?
Кто разорвал пальто?
Кто в папин стол свой нос совал?
НИКТО, НИКТО, НИКТО!
— НИКТО — ужасный сорванец! —
Сказала строго мать.—
Его должны мы наконец
Примерно наказать!
НИКТО сегодня не пойдет
Ни в гости, ни в кино!
Смеетесь вы?
А нам с сестрой
Ни капли не смешно!

Вот, оказывается, кто этот таинственный невидимка. Теперь вам, конечно, понятно, что хотел сказать художник картинками, нарисованными на обложке и титульном листе книги Б. Заходера.

Полное название этой книги читается так: «Никто и другие. Веселые стихи». Обязательно прочтите ее. Название не обманет вас. Стихи действительно веселые.

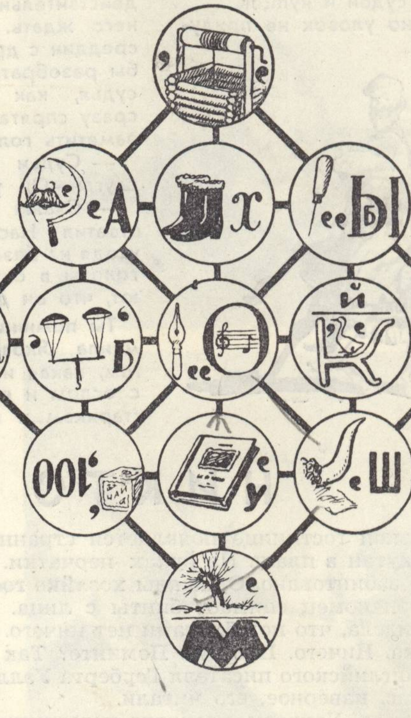
Б. Сарнов

ГОЛОВОЛОМКА-РЕБУС

В кружках этой головоломки — тринадцать частиц одного ребуса. Расшифруйте каждую из них и найдите такую последовательность частиц, чтобы, двигаясь от кружка к кружку по соединяющим их линиям, можно было прочитать строки из популярного стихотворения В. Маяковского.

Составил **М. Давыдов.**

ЛИТЕРАТУРНАЯ ВИКТОРИНА

(Н. В. Гоголь «Ревизор»)

1. Сколько времени прожил Хлестаков в уездном городишке, где происходили события, описанные в комедии?

2. К какому году относится действие комедии?

Составил **А. Красников.**

КРОСС-ЧАЙНВОРД

Даны слова: 1. Фазан. 2. Мольба. 3. Кума. 4. Рак. 5. Бром. 6. Куб. 7. Корма. 8. Рыбак. 9. Сани. 10. Осел. 11. Воин. 12. Сосна. 13. Конус. 14. Совет. 15. Рост. 16. Мать. 17. Терка. 18. Марка. 19. Нагар. 20. Топор. 21. Талант. 22. Оплата. 23. Салат. 24. Сенат. 25. Катер. 26. Треск. 27. Кант. 28. Ток. 29. Фтор.

В каждом из этих слов переставьте буквы так, чтобы получилось другое слово. Вновь полученные слова в порядке их номеров впишите в клетки чайнворда, следуя по вертикальным рядам. И тогда в среднем горизонтальном ряду вы прочитаете текст русской народной загадки. Отгадайте ее.

Составил **М. Белых.**

Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комната 710, тел. Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются.

Художественный редактор **П. Кузьмичев.** Технический редактор **А. Ефимова.**

А 09363. Подписано к печати 29/XII 1958 г. Тираж 475 000 экз. Изд. № 104. Зак. 2853.

Форм. бум. 84×108 1/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Важный закон юных пионеров

Здоровье, выносливость, крепкие мускулы необходимы каждому школьнику, каждому пионеру. Все хотят быть сильными, закаленными. И тут на помощь приходят пятнадцать минут — те пятнадцать минут утром, когда ты делаешь физкультурную зарядку. Она дает тебе заряд бодрости, силы, помогает стать ловким, крепким, повышает работоспособность. Недаром делать каждый день гимнастику — это закон юных пионеров Советского Союза. А старшие пионеры обязаны также уметь проводить ее с младшими ребятами.

Как только проснулся, встань, надень трусы, тапочки, хорошенько проветри комнату и приступай к гимнастике.

Какие делать упражнения? Узнай у преподавателя физкультуры или разучивай комплексы гимнастики для детей, передаваемые по радио и телевидению. Тем, у кого слабое здоровье, надо посоветоваться с врачом.

После зарядки живо оботри концом полотенца или мочалкой, смоченными в воде, руки, грудь, спину. Потом хорошенько разотри кожу сухим жестким полотенцем. Вначале бери воду температуры 28—30°. Постепенно переходи к прохладной.

Пионеры! Делайте утром зарядку! К этому обязывает юных ленинцев пионерский закон.

Центральный научно-исследовательский институт санитарного просвещения.

Цена 2 р. 50 к.

